Графу Алексѣю Федоровичу
Орлову

ИСТОРІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

I.

ИСТОРІЯ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

Сенатора Д. Бутурлина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1839.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 25-го дня 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ

ГРАФУ

ИЛАРІОНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ВАСИЛЬЧИКОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНАГО ПОЧТЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(1584—1605 годы.)

Начало XVII-го вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, кои тѣмъ болѣе изумляютъ насъ, что Исторія предшествующаго полувѣка нисколько не приготовляетъ къ онымъ. Русскій народъ, двадцать четыре года сряду безмолвно раболѣпствующій неистовствамъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, и съ покорностію, однимъ страстотерпцамъ свойственною, переносившій его мучительства, вдругъ самъ разрываетъ всѣ узы законной подчиненности, и съ неимовѣрнымъ остервененіемъ вдается въ ужасы самовольства и безначалія. Духъ буйства и раздора, предавая всѣ сословія изступленію гнуснѣйшихъ стра-

стей, потрясаетъ самыя начала государственнаго образованія и очевидно влечетъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но самая безмѣрность зла ужасаетъ строптивѣйшихъ. На краю бездны Русскіе внемлютъ гласу погибающаго отечества. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ вѣроломные замыслы внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокоивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можетъ объяснить намъ причины сихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многолюднѣйшаго сословія въ Россіи.

18-го Марта 1584 года, смерть прекратила злодѣйства Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только съ восторгомъ благодарить Всевышняго за избавленіе свое отъ кровожаднаго тирана. Но люди искренно преданные отечеству не безъ трепета встрѣчали новое царствованіе. Извѣстное всѣмъ слабоуміе Θеодора, сына и преемника Іоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы чрезъ безуправство не помрачилось величіе государства. Нельзя было не признаться, что свирѣпая, но мощная рука Царя Іоанна, не безъ пользы дѣйствовала къ довершенію великихъ начинаній глубо-

комысленнаго дѣда его, Великаго Князя Іоанна III-го, настоящаго основателя Россійской Монархіи. Но чрезъ безсиліе недужнаго Θеодора, Россія могла снова утратить столь дорогою цѣною ею пріобрѣтенныя блага.

Впрочемъ событія, казалось, не оправдали сихъ опасеній. Θеодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только на семъ свѣтѣ колокольный звонъ и достойную супругу свою, Царицу Ирину, родной братъ которой, Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни покойнаго Царя. Сему хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному отъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, чрезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, овладѣть совершенно Царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцатилѣтнее Θеодорово царствованіе справедливо почитается одною изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго Черемисскаго бунта, озабочивавшаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія отъ Шведовъ Ивангорода, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завоеваній въ Сибири и, наконецъ, уничтоженіе зависимости Россійской церкви отъ

Цареградской, посредствомъ установленія самобытнаго Патріаршества въ Москвѣ, оказали правительственную мудрость Годунова и, казалось, служили вѣрнымъ залогомъ прочности Россійскаго могущества. Однако среди сихъ славныхъ подвиговъ, два дѣйствія воли Годунова, одно преступное, другое можетъ быть по тогдашнимъ обстоятельствамъ необходимое, посѣвали уже сѣмена будущихъ золъ. Говоримъ о убіеніи Царевича Димитрія и о законѣ касательно укрѣпленія крестьянъ.

Смерть Царевича была нужна Годунову для исполненія дерзкихъ замысловъ его. Правитель, (самъ Патріархъ такъ называлъ Годунова), упоенный властію безмѣрною, съ ужасомъ разсчитывалъ, что мгновеніе могло лишить его оной. Все зависѣло отъ жизни Царя, которому слабое сложеніе тѣла не обѣщало ни многолѣтія, ни потомства. Единственнымъ наслѣдникомъ его былъ осьмилѣтній братъ его, Царевичъ Димитрій, жившій съ матерью своею, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему въ удѣлъ городѣ Угличѣ. При воцареніи Димитрія Годуновъ неминуемо содѣлался бы жертвою закоренѣлой ненависти къ нему Нагихъ. Къ естественному желанію отвратить грозящую ему опасность, соединились еще въ сердцѣ Годунова и обольщенія верховнаго сана. Уже Царь на дѣлѣ,

онъ хотѣлъ быть и Царемъ по имени. Одинъ Димитрій заграждалъ ему путь къ престолу: участь Царевича была рѣшена!

Замышляя погибель его, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣніи. Приверженцы Правителя разсѣвали повсюду, что царственный отрокъ, оказываемою имъ въ играхъ и разговорахъ лютостію, уже подобился звѣрскому отцу своему. Съ другой стороны, основываясь на происхожденіи его отъ седьмаго брака, православною Церковью запрещаемаго, Годуновъ выставлялъ его незаконнорожденнымъ, и запретилъ поминать его имя на Литургіи. Позволительно предполагать, что Правитель нѣкоторое время думалъ симъ средствомъ отстранить опаснаго соперника и безъ совершенія преступленія, коему еще противуборствовала его совѣсть. Но дальновидность его скоро указала ему ненадежность принятыхъ мѣръ. Не трудно было угадать, что со смертію Θеодора исчезнетъ всякое сомнѣніе на счетъ законности рожденія Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнію старинныхъ Государей своихъ. Оставалось или отказаться отъ очаровательной мечты, или содѣлаться злодѣемъ. Годуновъ избралъ послѣднее. Палицынъ и Флетчеръ.

Хотя Правителю удалось закупить Царевичеву мамку, боярыню Волохову, однако бдительность Никоновская Лѣтопись.

нѣжной матери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить первопринятаго намѣренія, тайно известь Димитрія. Прибѣгнули къ злодѣйству открытому. Посланные отъ Годунова въ Угличь убійцы, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ, съ помощію мамкина сына Осипа Волохова, зарѣзали Царевича, 15-го Мая 1591 года около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Встревоженный страшною вѣстію, Углицкій народъ толпами бросился ко дворцу, и въ изступленіи горести, при видѣ бездушнаго трупа, убилъ трехъ злодѣевъ и съ ними отца Битяговскаго и еще трехъ человѣкъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи преступленія. Если взять въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ нити, по коимъ можно было бы добраться до настоящаго зачинщика, то не легко оградить себя отъ подозрѣнія, что онъ же былъ тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жители самоуправно отмстили за смерть Царевича.

Успокоенный касательно явныхъ противъ себя уликъ, Правитель еще тревожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывающей на него, какъ на перваго виновника преступленія, которое никому иному и полезно быть не могло.

Дабы избавиться отъ страшнаго нареканія,

ему не представлялось другаго средства, какъ стараться доказать, что самое преступленіе было вымышленное. Хотя трруднымъ казалось въ должномъ видѣ выставить происшествіе, коему свидѣтелемъ былъ, такъ сказать, цѣлый городъ, однако Годуновъ отважился на сіе предпріятіе, и лукавство его и тупъ увѣнчалось успѣхомъ, почти невѣроятнымъ.

По повелѣнію его отправлены немедленно изъ Москвы въ Угличь три слѣдователя, а именно: бояринъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Окольничей и Царскій дядька Андрей Васильевичъ Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. Клешнинъ былъ извѣстнымъ угодникомъ Правителя. Ничтожность Вылузгина сокрыла отъ потомства его образъ мыслей; нѣтъ сомнѣнія, однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа преданнѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Никому безизвѣстно не было, что сіи горделивые потомки Государей Суздальскихъ явно враждовали Годунову, который, платя злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавить двухъ бояръ Шуйскихъ, Князя Андрея Ивановича, и племянника его, знаменитаго защитника Пскова, Князя Ивана Петровича. За тѣмъ назначеніе Князя Василія Ивановича казалось дѣйствіемъ смѣлымъ, являющимъ безпристрастіе Правителя. Но онъ

уже успѣлъ преклонить на свою сторону Князя Василія Ивановича. Сей вельможа, самъ едва ли уступавшій Годунову въ лукавствѣ и честолюбіи, убѣдился, что, въ неровной борьбѣ съ обладателемъ государства, онъ только изготовилъ бы себѣ неминуемую гибель, и потому рѣшился отказаться отъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданіи отъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ своячѐницу свою, дѣвицу Екатерину Скуратову, за меньшаго его брата, Князя Димитрія.

Легко себѣ вообразить, что таковые слѣдователи дѣйствовали по направленію Годунова. Единодушное свидѣтельство Углицкихъ жителей было устранено, а основаніемъ розыска приняты показанія нѣкоторыхъ лицъ, закупленныхъ или застращенныхъ. Царю донесли, столицѣ объявили, что Царевичъ самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни. Сей изворотъ тѣмъ пріятнѣе былъ для Годунова, что давалъ ему поводъ дать возчувствовать гнѣвъ свой тѣмъ, кои искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будто бы небреженіе о Царевичѣ, Нагихъ разослали въ отдаленные города, а вдовствующую Царицу, постриженную по неволѣ и нареченную Марѳою, заключили въ монастырь. Угличане также не укрылись отъ злобы Прави-

Собраніе Государственныхъ грамотъ

Морозовская Лѣтопись.

теля: Ихъ укоряли въ пролитіи мнимо-невинной крови убійцъ Царевичевыхъ. До двухъ сотъ изъ нихъ были казнены, другіе разсажены по темницамъ, а большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Запустѣніе древняго Углича осталось для потомства печальнымъ памятникомъ мести и преступленія Годунова.

Сибирскія Лѣтописи.

Выказывая свое могущество погубленіемъ противниковъ своихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Правитель убѣждался въ необходимости воспользоваться первымъ случаемъ, дабы умножить во всѣхъ сословіяхъ число своихъ приверженцевъ благодѣяніями, щедрою рукою изліянными. Сей случай не замедлилъ представиться, и столь для него благовременно, что современники не усумнились приписать оной его же тайнымъ побужденіямъ. Москва загорѣлась 22-го Мая, не случайно, а по злоумышленію и, утверждаютъ, по повелѣнію Годунова. Пожаръ былъ ужасный. Уцѣлѣли только Кремль и Китай. Сіе бѣдствіе уже тѣмъ было полезно для Годунова, что отвлекало умы отъ толковъ о смерти Царевича. Но Правитель симъ не удовольствовался. Онъ явился среди отчаянныхъ Москвитянъ въ видѣ ангела утѣшителя, сыпалъ деньгами, давалъ льготныя грамоты, однимъ словомъ, не только всякій получилъ нужное пособіе, но даже для многихъ вознагражденіе превышало убытки. Не-

Никоновская Лѣтопись, Палицынъ и Маржеретъ.

минуемымъ слѣдствіемъ сей разсчетливой расточительности было, что всѣ нареканія противъ Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ столицѣ.

Никоновская Лѣтопись.

Такимъ образомъ Правитель приближался къ своей цѣли, какъ вдругъ нечаянное событіе едва не испровергло всѣ его замыслы. Царица Ирина оказалась беременною, и 14-го Іюня 1592 года родила дочь Ѳеодосію. Но сія неожиданная соперница не долго безпокоила Годунова: она скончалась въ слѣдующемъ году, и преждевременная смерть ея навлекла новое подозрѣніе на Правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, не менѣе смерти Царевича Димитрія пагубное для Россіи по послѣдствіямъ своимъ, было, какъ уже сказано, укрѣпленіе крестьянъ.

Изстари въ Россіи люди низшаго состоянія раздѣлялись на два сословія: *холопей*, находившихся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ людей, но и у купцевъ и *крестьянъ*, упражнявшихся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопя также были двухъ родовъ: полные и кабальные. Полными назывались тѣ, которые находились, и съ потомствомъ своимъ, въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи у господъ своихъ. Кабальные же, также съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки тому господину, кому давали на себя кабалу только на

время его жизни; по смерти же его опять получали свободу. Всякій вольный человѣкъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣтей своихъ, записывать въ полные или кабальные холопя къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались важнымъ правомъ, произвольно переходить ежегодно изъ одного селенія въ другое, разсчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Дабы не дѣлать помѣшательства въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи оныхъ, и ограничивался двумя недѣлями, а именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоставляемые имъ участки земли, работали на владѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ платили въ казну подать, которая обезпечивалась посѣяннымъ на ихъ участкахъ хлѣбомъ.

Въ семъ, такъ сказать, кочевомъ состояніи хотя крестьяне никогда благоденствовать не могли, ибо владѣльцы, не радѣя о временныхъ работникахъ своихъ, обременяли ихъ трудами непомѣрными, а сироты, увѣчные, престарѣлые оставались безъ пріюта и призрѣнія, основывая всю надежду свою пропитаться на прихотливыхъ по-

бужденіяхъ сострадания чужихъ людей; однако жъ важныхъ государственныхъ неудобствъ не представлялось, пока Россія пребывала въ стѣсненныхъ границахъ, и въ особенности пока удѣльная система разрѣзывала ее на мелкія владѣнія. Но когда съ водвореніемъ единодержавія и расширеніемъ предѣловъ государства, кругъ перехода крестьянъ чрезвычайно увеличился, бродяжничество ихъ со дня на день становилось вреднѣе. Зло сіе дошло до высочайшей степени съ покореніемъ Казани и Астрахани, обезопасившимъ все пространство земли, между Цною и Волгою лежащее. Сія обширная, плодородная страна, рѣдко населенная Мордвою, Чувашами и Татарами, представляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не трудно было сильнымъ вельможамъ и богатому духовенству пріобрѣсть тамъ пустопорозжія земли, и переманивать на оныя поселянъ изъ внутреннихъ областей Россіи къ крайнему разоренію бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возможности доставлять крестьянамъ своимъ льготъ и выгодъ, предлагаемыхъ выходцамъ зажиточными людьми. Первымъ слѣдствіемъ сего было запустѣніе селъ и деревень въ окрестностяхъ самой столицы, какъ свидѣтельствуетъ о томъ очевидецъ, Англійскій посланникъ, докторъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1589 году. Годуновъ, съ

одной стороны предусматривая ослабленіе государства отъ могущаго произойти въ самыхъ нѣдрахъ онаго безлюдства, а съ другой желая угодить мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, составлявшимъ въ тогдашнее время главную военную силу Россіи, прибѣгнулъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Увлекаясь примѣромъ сосѣдственныхъ земель: Литвы, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распространялось и на жителей оныхъ, онъ запретилъ переходъ крестьянъ, а велѣлъ имъ оставаться навсегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1593 году. Впрочемъ и тотъ законъ не предоставлялъ ихъ еще въ полное распоряженіе владѣльцевъ, такъ что никто не могъ своего крестьянина, противъ воли его, обратить въ полное или кабальное холопство *.

Симъ важнымъ постановленіемъ не ограничился Правитель въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ 1597 году повелѣно всѣ крѣпости на полныхъ холопей, и всѣ кабалы на кабальныхъ записывать въ книги въ Холопьемъ Приказѣ, и запрещено холопямъ выкупаться отъ кабалы взносомъ той

* *Примѣчаніе.* Самый текстъ сего перваго закона до насъ не дошелъ, а только дополненіе онаго, изданное въ 1597 году, и установляющее пятилѣтнюю давность на возвращеніе владѣльцамъ бѣглыхъ ихъ крестьянъ. Смотри Приложеніе № I.

суммы, за которую они закабалились. При семъ случаѣ сдѣланъ разборъ вольнымъ людямъ, служащимъ у господъ безъ кабалъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые у кого служили менѣе полугода, предоставлено было на волю или закабалиться тому же господину, или искать другаго; но что касается до людей, служившихъ полгода или болѣе безпрерывно у одного господина, то таковому выдавалась на нихъ кабала, даже и безъ ихъ согласія, по той причинѣ, *что онъ ихъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ* *.

Сіи распоряженія, столь стѣснительныя для личной свободы людей низшихъ сословій, неминуемо должны были породить въ нихъ сильное негодованіе. Сожалѣніе ихъ о утраченныхъ правахъ сохранилось даже до нашихъ временъ въ слѣдующей народной пословицѣ: *Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день!* Годунову не льзя было не знать о всеобщемъ ропотѣ, но онъ полагалъ, что можетъ пренебречь неудовольствіемъ народнаго класса, хотя и самаго многолюднаго, но бѣднаго, безоружнаго и слѣдственно беззащитнаго. Увидимъ, что онъ обманулся въ своемъ расчетѣ, и что онъ самъ и Россія дорого заплатили за сію ошибку.

Ѳеодоръ тихо приближался ко гробу, не оставляя по себѣ наслѣдника, котораго, по тогдашнему образу мыслей, можно было бы назвать закон-

* Смотри Приложеніе № II.

нымъ. Московскій Великокняжескій домъ гибнулъ подъ ударами собственныхъ чадъ своихъ. Такъ какъ всѣ помышленія глубокомысленныхъ Государей сего дома устремлялись къ водворенію единодержавія, и къ учрежденію престолонаслѣдованія по праву предоставленія первородства, а не по старѣйшинству въ родѣ *, то для достиженія сей важной двоякой цѣли, они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ содѣлались жертвою мрачной политики. Иныхъ умерщвляли, другихъ предавали вѣчному заточенію. Такъ сгубили: Василій Темный двухъ двоюродныхъ братьевъ, Василія Косаго и Димитрія Шемяку, и третьяго правнучатнаго, Василія Боровскаго съ тремя сыновьями его; Іоаннъ III роднаго внука своего, Димитрія Ивановича, и роднаго брата Андрея Углицкаго съ двумя сыновьями его; Василій Ивановичъ, правнучатнаго брата Василія Шемяку Рыльскаго; Правительница Елена деверей

---

* *Примѣчаніе.* Въ старину въ Россіи, при открытіи наслѣдства Великокняжескаго престола, дядья, какъ старѣйшіе въ родѣ, предпочитались племянникамъ, такъ что послѣ умершаго Великаго Князя наслѣдовалъ не сынъ, а братъ покойнаго. Храбрый сподвижникъ героя Донскаго, Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, первый торжественно отказался отъ сего преимущества въ 1389 году въ пользу сына Донскаго; но 36 лѣтъ спустя, второй сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, оспаривалъ еще престолъ у племянника своего Василія Васильевича Темнаго.

своихъ, Князей Юрія и Андрея Ивановичей, и наконецъ самъ Царь Грозный двоюроднаго браша, Князя Владиміра Андреевича и двухъ сыновей его. Кромѣ шого Великіе Князья не охошно позволяли брашьямъ своимъ вступашь въ бракъ, ошъ чего нѣкошорые изъ нихъ умирали холосшыми. При шакихъ прошивныхъ распложенію дѣйствіяхъ, не удивишельно, чшо царскій корень, хошя ошъ природы одаренный довольно замѣчашельною плодовишосшію, изсякалъ, и чшо одинокій Ѳеодоръ осшавался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поколѣнію.

Впрочемъ, хошя племя Московскихъ Государей рѣшишельно пресѣкалось, однако много еще было въ Россіи Князей, имѣвшихъ въ Рюрикѣ и Мономахѣ общихъ съ ними родоначальниковъ, но никшо и не мыслилъ, чшобы въ сихъ боковыхъ ошрасляхъ, униженныхъ мѣсшничесшвомъ, могло еще сохранишься право на наслѣдованіе пресшола Царскаго.

Въ наше время мало понимающъ мѣсшничесшво. Исшорики, не исключая и самого Карамзина, приписывающъ изобрѣшеніе сего чуднаго учрежденія единсшвенно сумазбродному шщеславію сшаринной нашей арисшокрашіи, а вкорененіе онаго безпечному послабленію Московскихъ Государей. Но кшо же были сіи Государи? Лѣшописи указы-

ваютъ намъ, что мѣстничество, начало свое воспріявшее при Іоаннѣ III *, размножилось при сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ, а утвердилось и содѣлалось настоящимъ государственнымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаннѣ Грозномъ, который письменнымъ закономъ указалъ оному правила и предѣлы. Можно ли съ правдоподобіемъ осуждать въ безпечности и послабленіи Государей, отличившихся необыкновенною дальновидностію и чрезвычайною твердостію, часто доходившею даже до лютости, и не должно ли, напротивъ того, полагать, что Государи сіи сами желали введенія мѣстничества, не безъ важныхъ на то политическихъ причинъ, которыя даже и угадать не трудно! Стоитъ только вспомнить, что главнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единодержавія. Покореніе Князей удѣльныхъ водворяло уже единодержавіе, но еще для упроченія онаго нужно было уничиженіе ихъ потомковъ. Для достиженія

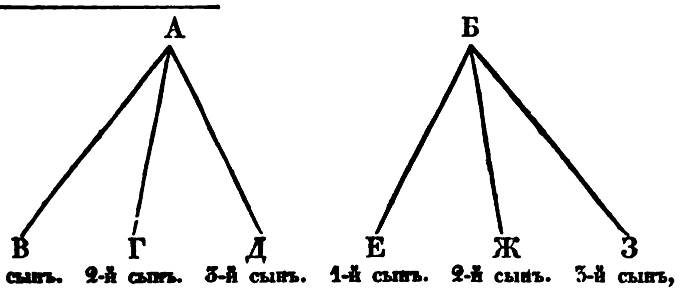
* *Примѣчаніе*. Замѣчательно, что первый примѣръ мѣстничества, о коемъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, данъ въ 1500 году, бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, прапрадѣдомъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Сей бояринъ отказывался отъ начальства въ сторожевомъ полку, потому что не полагалъ себя меньше начальствовавшаго большимъ полкомъ, Князя Данила Щени, хотя сей происходилъ отъ Великихъ Князей Литовскихъ, а по бабкѣ своей былъ двоюроднымъ племянникомъ Государя.

сей цѣли Московскіе Государи, съ свойственною имъ проницательностію, избрали орудіемъ мѣстничество. Такъ какъ служба въ Московскомъ войскѣ была первою обязанностію покореннаго удѣльнаго Князя, то неминуемо онъ долженъ былъ находиться подъ начальствомъ боярина, коему ввѣрено было войско. Сію случайную подчиненность старались обратить въ постоянную. Есть врожденное чувство, даже и въ наше время въ сердцахъ не совсѣмъ угасшее, по коему сынъ знатнаго сановника считаетъ себя выше сына чиновника, подъ начальствомъ отца его служившаго. Основываясь на семъ, мѣстничество постановило правиломъ, что когда кто начальствовалъ надъ кѣмъ, то сынъ начальствовавшаго не можетъ безъ позора находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ отцу его *. Такимъ образомъ въ

* *Примѣчаніе*. Мѣстничество было учрежденіе довольно многосложное. Воинскія и придворныя должности раздѣлялись на разныя степени достоинства. Такъ примѣръ первый воевода большаго полка, то есть главнокомандующій, почитался степенью выше перваго воеводы правой руки, а сей степенью выше перваго воеводы передоваго полка, и слѣдственно первый воевода большаго полка былъ уже двумя степенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного отца пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцевъ А и Б, изъ коихъ у А было три сына В, Г и Д, а у Б также три сына Е, Ж и З

новоучреждаемой въ XVI вѣкѣ аристократіи для подавленія прежнихъ знатнѣйшихъ родовъ, Кватнины, Бутурлины, Воронцовы, Шереметевы и многія другія дворянскія фамиліи, вступили на высшую степень достоинства передъ Князьями Долгорукими, Лобановыми, Гагариными и прочими потомками Рюрика. Въ семъ положеніи могли ли сіи еще мечтать о правахъ своихъ на престолъ Великокняжескій?

Однако не льзя пройти въ молчаніи, что родъ Князей Шуйскихъ, происходящій отъ Великаго

и положить, что А былъ выше Б одною степенью, то В будетъ имѣть преимущество одной же степени надъ В, двухъ степеней надъ Ж и трехъ надъ З; Г будетъ равенъ Е и одною степенью выше Ж, и двумя степенями выше З; наконецъ Д будетъ одною степенью ниже Е, равенъ Ж и одною степенью выше З. Легко себѣ вообразить, что въ многочисленныхъ семьяхъ расчеты сіи производили довольно запутанности, и часто лишали правительство возможности употреблять людей по мѣрѣ ихъ дарованій. Но сіи неудобства, хотя и дѣйствительныя, были преувеличены писателями, всегда и безъ всякой разборчивости охулявшими мѣстничество. Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ государственная польза требовала болѣе имѣть въ виду настоящее достоинство лицъ, чѣмъ воспоминаніе о заслугахъ пред-

Князя Андрея Ярославича, вторато брата Александра Невскаго, и слѣдственно составляющій отрасль, ближайшую всѣхъ прочихъ, отъ Московской вѣтви, не утратилъ еще своей знаменитости и мало кому уступалъ въ первенствѣ. Представителемъ правъ сего рода по первородству былъ Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ, коего природа какъ бы пріуготовляла къ высокому назначенію, одаривъ его свойствами необыкновенными, достойно развившимися къ чести и славѣ отечества. Но будущій герой былъ еще двѣнад-

---

ковъ, Царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывая служить *безъ мѣстъ*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старѣйшинство, но за то такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отмѣтою, чтобы оными никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями небывалыми и слѣдственно оставлявшими всѣхъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-сплетенный механизмъ сего глубокообдуманнаго учрежденія дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія униженія Княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнѣтательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія мѣстничество, будучи уже безъ цѣли и выказывая одни неудобства свои, вѣроятно было бы уничтожено, если бы Царскій домъ не пресѣкся. Но даже помраченный блескъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, могъ еще казаться опаснымъ для первыхъ Государей новой династіи Романовыхъ, и они долго не касались мѣстничества. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1682 года, въ коемъ Царь Θеодоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ оное, съ согласія собранной для того Земской Думы.

цати-лѣтнимъ сиротою, и имѣлъ только дальнихъ родственниковъ, изъ коихъ ближайшій, правнучатный дядя его, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже предавшійся Правителю, не легко бы рѣшился отказаться отъ ожидаемыхъ отъ него милостей для поддержанія правъ отрока, коего пользы мало касались до него.

Если обратиться къ женскому поколѣнію Царскаго дома, то и въономъ Годуновъ не опасался уже соперничества. Ближайшею сродницею Царю Ѳеодору въ семъ поколѣніи была его внучатная сестра, вдовствующая Королева Ливонская, Марія Владиміровна, дочь Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти супруга ея, мнимаго Короля Магнуса, она съ малолѣтною дочерью своею, Евдокіею, смиренно жила въ Курляндскомъ городѣ Пильтенѣ, купленномъ Магнусу отцемъ его, Королемъ Датскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, успѣлъ и мать и дочь зазвать въ Москву, обѣщая матери богато устроить участь ея и пріискать ей достойнаго жениха. По прибытіи же ихъ въ столицу, объявили несчастной матери, что она должна постричься, если не хочетъ быть разлучена съ своею дочерью и окончить дни свои въ темницѣ. Марія избрала монастырь, утѣшаясь мыслею, что удержитъ при себѣ милое дитя. Но Евдокія могла ли избѣжать участи, ожидавшей Флетчеръ.

тѣхъ, коихъ существованіе тревожило Годунова? Она скончалась въ 1589 году и, если вѣришь преданіямъ, то смерть ея была неестественна. Горестная мать, еще провела нѣсколько лѣтъ въ глубокой печали и наконецъ сама скончалась въ 1597 году. Послѣ нея остался ближайшимъ сродникомъ Ѳеодору, по царскому женскому поколѣнію, его внучатный племянникъ, Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, котораго бабка, Княгиня Настасья, была дочь Царевича Казанскаго, Петра, и Царевны Евдокіи, дочери Великаго Князя Іоанна III. Но Правитель не опасался Князя Мстиславскаго. Сей слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ властолюбія, искренно страшился тяжкаго бремени вѣнценосцевъ, и твердо хотѣлъ всегда оставаться первымъ подданнымъ. Къ тому же онъ столь боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не вступать въ бракъ. Хотя сестра Мстиславскаго, Настасья, при братѣ своемъ не могла имѣть ни малѣйшаго права на престолъ, но она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ, Царевичемъ Татарскимъ, котораго Царь Иванъ Васильевичъ, при учрежденіи Опричины, объявилъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, а потомъ когда уничтожилъ Опричину, то велѣлъ управлять ему Тверью съ наименованіемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Сіи

Надгробныя надписи въ Троицкой Лаврѣ.

чрезвычайныя почести, подкрѣпляемыя свойствомъ съ Царскимъ домомъ, придавали такую знаменитость Симеону, что, не смотря на довольно ограниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство по ожидаемой кончинѣ Ѳеодора. Сія мысль, сообразная духу мѣстничества, въ особенности должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы тому, кто, нося хотя только имя Царя, стоялъ уже на высшей передъ ними степени достоинства, чемъ кому либо изъ среды ихъ же самихъ избранному и слѣдственно до толѣ имъ равному. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова. По повелѣнію его, Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и тутъ казался еще опаснымъ Правителю, который будто бы въ знакъ доброжелательства прислалъ ему на именины Испанскаго вина. Симеонъ выпилъ онаго и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, отъ смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелія. Маржеретъ и Никоновская Лѣтопись.

Сими злодѣяніями очистивъ себѣ путь, Годуновъ старался поселить въ умахъ понятіе, что по пресѣченіи царскаго корня, вѣнецъ никому приличнѣе поднесенъ быть не можетъ, какъ ближайшему родственнику послѣдняго Государя, безъ разбора о происхожденіи сего родственника. Многіе, вѣроятно, полагали дѣйствіе сего правила обра-

шить въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимаго въ народѣ по воспоминанію о добродѣтельной матери Царя Θеодора Іоанновича, Царицѣ Анастасіи Романовой, изъ сего дома происшедшей Ближайшимъ родственникомъ Царя былъ двоюродный его братъ, а Царицы Настасіи родной племянникъ, бояринъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ. Не такъ расчитывалъ Годуновъ! По наущенію его, Царь духовнымъ завѣщаніемъ отказывалъ престолъ супругѣ своей, Царицѣ Иринѣ. Честолюбецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаетъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ руку ея хотя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ Государемъ былъ бы уже не Θеодоръ, а Ирина, а у ней могъ ли быть родственникъ ближе брата ея роднаго?

Избирательныя грамоты на царство Бориса Годунова и Михаила Романова.

Все совершилось по желанію Правителя. 7-го Января 1598 года Θеодоръ скончался и съ нимъ пресѣклось на престолѣ царское поколѣніе, 735 лѣтъ сряду дававшее повелителей Россіи! Θеодоръ, умирая, оставилъ, по словамъ важнаго современнаго акта, *на скифетродержаніи Россійскаго Царствія* Царицу Ирину. Въ сей рѣшительный часъ Годуновъ бодрствовалъ. Онъ немедленно напомнилъ боярамъ, что должно присягнуть Царицѣ. Никто не только не противился, но даже всѣ съ радо-

ствію видѣли въ воцареніи Ирины удобнѣйшее средство къ удаленію роковой минуты, гдѣ должно будетъ заняться опаснымъ и затруднительнымъ выборомъ новаго Государя. Чиновники и граждане, одинаковыми чувствами одушевленные, съ усердіемъ послѣдовали примѣру знатныхъ сановниковъ.

Не на долго успокоилась Москва. 15-го Января Царица объявила, что, желая принять монашескій чинъ, отрекается отъ престола и ввѣряетъ правленіе боярамъ и Патріарху до тѣхъ поръ, пока успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ чины Московскаго Государства для избранія новаго Царя. Напрасно духовенство, сановники и граждане заклинали Ирину именемъ сиротствующаго отечества не оставлять державы: она пребыла непреклонною и удалилась въ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры.

Годуновъ послѣдовалъ за ней, по видимому оставляя бразды правленія на произволъ судьбы, какъ бы самъ ища успокоенія послѣ утомительныхъ трудовъ. Но многочисленные приверженцы его не дремали! Они повсемѣстно внушали гражданамъ, что одна, на опытѣ доказанная, государственная мудрость Бориса можетъ въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ сохранить величіе и спокойствіе Россіи. Подстрекаемый сими ухищреніями, народъ толпился въ Кремлѣ вокругъ палаты, гдѣ

засѣдали Патріархъ и бояре. Вышедшій изъ оной Государственный Дьякъ и Печатникъ Щелкаловъ предложилъ, чтобы всѣ цѣловали крестъ на имя думы Боярской. Ему отвѣчали, что не хотятъ и знать бояръ, и что присягали уже Царицѣ, которую и въ черницахъ почитаютъ Государынею своею. Щелкаловъ доложилъ о семъ думѣ, и снова вышелъ къ народу объявляя, что Царица рѣшительно не хочетъ заниматься дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должно страшиться смутъ, отъ безначалія происходящихъ. Тогда всѣ возопили: «*И такъ да царствуетъ братъ ея!*» Патріархъ Іовъ, обязанный высокимъ своимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре же, легко угадывая, что все уже уготовлено самимъ Борисомъ для исполненія давнишнихъ замысловъ, не смѣли противорѣчить. Положили немедленно итти всѣмъ соборомъ въ монастырь, дабы просить Царицу, благословить на царство брата своего. Но сіе избраніе не казалось довольно торжественнымъ Борису. Желая получить державу не отъ одной Москвы, но отъ цѣлой Россіи, онъ лицемѣрилъ, клялся, что никогда не смѣлъ и помышлять о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знатностію и мудростію, и наконецъ рѣшительно отрёкся отъ престола, присовоку-

Донесеніе Австрійскаго гонца Шиля.

тивъ впрочемъ, что не жалѣетъ себя для службы отечеству и *съ Бояры радѣти и промышляти радъ не токмо по прежнему, но и свыше перваго.*

Избрательныя грамоты на царство Бориса Годунова.

Бояре поняли значеніе сихъ словъ: Борисъ, оставляя за ними призракъ власти, не хотѣлъ ни выпускать изъ рукъ своихъ сущность оной, ни дать породиться мысли, что и безъ него Государство обойтиться можетъ. Рѣшили, что въ ожиданіи постановленій созываемаго великаго Земскаго собора, Боярская дума будетъ управлять именемъ Царицы инокини Александры. Само собою разумѣется, что въ самомъ дѣлѣ ничего не творилось безъ соизволенія Годунова.

Между тѣмъ клевреты его дѣйствовали усердно не только въ столицѣ, но даже и во всей Россіи; ихъ стараніемъ разнеслась молва о впаденіи Хана Крымскаго, и они внушали, что для защиты отечества отъ угрожаемой опасности непремѣнно нужно ускорить избраніемъ въ Цари мужа опытнаго!

Маржеретъ.

Государственный Земскій соборъ открылся въ Кремлѣ 17-го Февраля. Онъ состоялъ изъ знатнѣйшаго духовенства, бояръ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, всего около пяти сотъ особъ *. Прѣній не было.

* *Примѣчаніе.* Соборъ составляли: Патріархъ, 4 Митрополита, 6 Архіепископовъ, 3 Епископа, 23 Архимандри-

Патріархъ первый предложилъ избрать на царство Бориса Θеодоровича Годунова. Согласіе многочисленнаго собранія было громогласное и единодушное. Долго раздавалось одно имя Бориса. Многіе искренно видѣли въ его воцареніи залогъ будущаго благоденствія Россіи. Другіе можетъ быть въ сердцѣ своемъ питали ненависть къ счастливому честолюбцу, и не безъ внутренняго омерзенія содѣйствовали успѣху замысла, на злодѣяніи основанному; но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опасаясь обнаружить настоящія чувства свои, болѣе всѣхъ предавались восторгу.

Дабы отвратить въ народѣ всякое подозрѣніе на счетъ искренности отказа Годунова отъ престола, Патріархъ посвятилъ слѣдующіе два дня на моленія въ Успенскомъ Соборѣ, чтобы Всевышнему угодно было смягчить сердце Борисово, и склонить его не отказываться отъ бремени, отечествомъ на него налагаемаго. Только 20-го

та, 31 Игуменъ, 21 Старецъ, соборныхъ съ разныхъ монастырей, 11 Протопоповъ, 22 Боярина, 17 Окольничихъ, Печатникъ, Думной дворянинъ, Постельничей, Намѣстничей, стряпчій съ ключемъ, Бояринъ Земскаго дворца, Сокольничій, Ясельничей, 4 думныхъ дьяка, 42 стольника, 26 приказныхъ дьяковъ, 95 дворянъ, 21 стряпчій съ платьемъ, 34 выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣлецкихъ, 4 бараша, 11 дворцовыхъ ключниковъ, 40 жильцевъ, 22 гостя, 5 гостиныхъ сотенъ старостъ и 16 черныхъ сотенъ сотниковъ; всего 474 особы. Смотри Приложенія № III.

числа Святитель съ главнымъ духовенствомъ и боярами отправился въ Дѣвичій монастырь, объявить Годунову о рѣшеніи Земскаго собора. Но Борисъ еще не переставалъ хитрить. Онъ не только вторично отвергнулъ подносимую державу, но и клялся, что никогда не приметъ ее, и съ притворнымъ гнѣвомъ выслалъ изъ монастыря духовенство и вельможъ.

Наконецъ 21-го Февраля насталъ послѣдній день сего игрища. На разсвѣтѣ духовенство съ крестами и хоругвями вышло изъ Кремля и, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, церковнымъ ходомъ отправилось въ Дѣвичій монастырь. Потомъ шли бояре, дворяне, боярскіе дѣти, приказные и выборные люди. За ними поднялась вся Москва. Всѣ пали передъ Царицею инокинею, прося ее, чтобъ повелѣла Борису не противиться волѣ Божіей и народной. Патріархъ объявилъ даже, что если желаніе народное не будетъ выполнено, то онъ не только Годунова отлучитъ отъ Церкви, но что даже онъ самъ и всѣ Епископы сложутъ съ себя святительскій санъ, оставятъ кресты и хоругви въ Дѣвичьемъ монастырѣ и запретятъ во всѣхъ церквахъ всякое священнодѣйствіе. Царица долго колебалась; наконецъ благословила брата на царство. Годуновъ еще упорствовалъ. Но Царица уже рѣшительно требовала отъ него повиновенія,

и онъ съ притворнымъ смиреніемъ и какъ бы не смѣя противиться той, которую еще почиталъ своею Государынею, объявилъ наконецъ, что исполнитъ желаніе народное. Радость была неописанная. Всѣ плакали, обнимали другъ друга. Казалось, что новое царство прочно основывалось на торжественномъ единомысліи всѣхъ сословій. Но горе тому, кто безусловно полагается на любовь народную, столь прихотливую и столь перемѣнчивую!

Еще три года продолжалось счастіе Бориса и благоденствіе Россіи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, Царь, не обнажая меча, умѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушить всѣмъ сосѣдямъ своимъ должное къ себѣ уваженіе: Царь Иверійскій искалъ его покровительства отъ утѣсненій Султана Турецкаго и Шаха Персидскаго, Крымскіе Татары оставались въ улусахъ своихъ, не смѣя тревожить набѣгами южные предѣлы Россіи. Шведы тщательно старались не давать повода къ новому разрыву. Одинъ Король Польскій медлилъ продолжить перемиріе, заключенное 15-го Августа 1587 года на 15 лѣтъ между Россіею и Польшею, но когда срокъ перемирія сблизился, и онъ оказался податливѣе. Присланные отъ него въ Москву послы подписали 11-го Марта 1601 договоръ, по силѣ коего перемиріе продолжено еще на двадцать лѣтъ, считая съ истеченія прежнихъ пятнадцати.

Внутреннее управленіе Государства отличалось также счастливымъ сліяніемъ твердости и кротости. Трепетали одни злодѣи! Умѣренность въ налогахъ, свобода въ торговлѣ и общая безопасность, повсюду открывали новые источники промышлености и богатства. Казалось, что сіе цвѣтущее положеніе отечества должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось противное!

Для людей, одаренныхъ необыкновенными способностями, часто бываетъ камнемъ претыканія нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ. Рѣдко сіе удается и не много Петровъ Великихъ въ Исторіи. Самому мудрому Борису суждено было испытать на себѣ, что истинно государственный человѣкъ не долженъ замышлять новизнъ, къ коимъ соотечественники его еще достаточно не приготовлены. Вообще въ Россіи гнушались иностранцами и ихъ обычаями, а всякое иновѣрческое богослуженіе было даже предметомъ набожнаго омерзенія. Не смотря на то Царь, умѣвшій цѣнить Европейское просвѣщеніе, прельстился онымъ. Онъ не только ласкалъ иноземцевъ, но даже для удержанія ихъ въ Москвѣ, честилъ и награждалъ Беръ. ихъ болѣе чѣмъ вѣрнѣйшихъ своихъ Русскихъ слугъ, и наконецъ, въ угожденіе имъ, позволилъ выстроить въ Яузской слободѣ Лютеранскую церковь съ коло-

кольнею. Онъ также имѣлъ намѣреніе завесть Университетъ, а между тѣмъ, дабы пріохотить Русскихъ къ наукамъ, послалъ 18 молодыхъ дѣтей боярскихъ учиться въ Любекъ, въ Лондонъ и во Францію. Не ограничиваясь симъ, онъ коснулся и старинныхъ обычаевъ, и видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ при самомъ Дворѣ его пожилые люди, желавшіе ему подслужиться, подстригали себѣ бороды. Палицынъ. Сто лѣтъ спустя, Петръ I-й, Царскій сынъ и внукъ, едва могъ себѣ позволить таковыя дѣйствія. Но для новой династіи Годуновыхъ не было другаго средства укорениться, какъ тщательно старавшись всѣми возможными нитьми связаться съ прошедшимъ, безъ всякихъ помышленій о небываломъ. Борисъ, въ упоеніи самонадѣянности, дотолѣ чуднымъ успѣхомъ оправдываемой, не постигъ настоящаго своего положенія и безъ нужды подалъ поводъ недоброжелателямъ своимъ возбуждать негодованіе въ народѣ. Не должно забывать при семъ случаѣ, что не смотря на блестящее состояніе Государства, было много недовольныхъ. Истинно преданнымъ Царю можно было только почитать средній классъ народа, состоящій изъ купечества, обогащавшагося подъ сѣнію его твердаго и умнаго управленія, и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ благосостояніе обезпечивалось запрещеніемъ перехода крестьянъ.

Но самое запрещеніе сіе оставляло въ сильномъ неудовольствіи какъ земледѣльцевъ, оплакивавшихъ утраченную свободу, такъ и большихъ владѣльцевъ, видѣвшихъ въ новомъ постановленіи ограниченіе выгодъ своихъ. Вольные слуги, противъ воли въ холопство обращенные, также не могли доброжелательствовать Борису. Къ тому же и гордымъ вельможамъ неестественно было бы безъ досады преклонять колѣна передъ бывшимъ товарищемъ, коего большая часть изъ нихъ превосходили знатностію породы.

Извѣстившись о всеобщемъ ропотѣ, Царь изумился. Но вмѣсто изысканія надежнѣйшихъ средствъ къ прекращенію неудовольствій, онъ обратился къ мѣрамъ, долженствовавшимъ усугубить оныя. Не довѣряя никому, онъ сталъ поощрять наушниковъ и доносчиковъ. Язва доносовъ, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ золъ отягчающихъ человѣческія общества, кажется намъ несносною, потому что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждаго естественнѣйшаго пріюта отъ кручинъ, съ жизнію сопряженныхъ. Легко себѣ вообразить, что ненависть къ Борису усилилась.

Знаменитѣйшею жертвою подозрѣній Царя содѣлалось семейство Романовыхъ. Борисъ уже и на

престолѣ тревожился еще мыслію, что по смерти его, молодой Θеодоръ, сынъ его, можетъ найти опасныхъ соперниковъ въ Романовыхъ, отличавшихся собственною знатностію, сильно подкрѣпленною родственными связями съ первѣйшими фамиліями въ государствѣ. Сначала онъ искалъ сблизиться съ ними. Θеодоръ Никитичъ былъ уже бояриномъ. Борисъ далъ еще боярство второму его брату Александру, а меньшую сестру ихъ, Ирину выдалъ замужъ за свойственника своего Ивана Ивановича Годунова. Но когда говоръ общаго негодованія дошелъ до него, то возмечтавъ, что тайными виновниками онаго были Романовы, онъ сталъ искать случая погубить ихъ. Подкупленный свойственникомъ Царя, Семеномъ Годуновымъ, слуга Романовыхъ, Бартеневъ, донесъ, что господа его умышляютъ извести Царя, и въ доказательство представилъ найденные въ кладовой у Александра Никитича мѣшки съ кореньями, приготовленными какъ увѣрялъ онъ, для отравленія Бориса. Какъ будто бы злодѣйскіе припасы хранятся въ кладовыхъ? Не смотря на нелѣпость обвиненія, дума боярская, въ угожденіе Царю, осудила Романовыхъ. Θеодора Никитича и супругу его, Ксенію Ивановну, постригли противъ воли, нарекли Филаретомъ и Марθою, и сослали въ дальніе монастыри. Опала распространилась и на всѣхъ

Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

ближнихъ ихъ. Также были разосланы по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ: Ѳеодора Никитича сынъ и дочь, теща, четыре брата, сестра дѣвица и двѣ сестры замужнія съ супругами ихъ, Князьями Сицкимъ и Черкасскимъ, и съ сыномъ послѣдняго. Сродники Романовыхъ, Князья Сицкіе, Шестуновы, Карповы и Репнины подверглись такой же участи. Всѣхъ сихъ несчастныхъ вотчины и помѣстья роздали другимъ, а домы и движимое имѣніе ихъ взяли въ казну. Не коснулись только одной изъ сестеръ Романовыхъ, Ирины Годуновой, уважая въ ней имя супруга ея.

Гибель сихъ знатныхъ вельможъ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ противъ Царя. Впрочемъ, еще зло могло называться частнымъ; общее спокойствіе государства оставалось ненарушимымъ, подъ сѣнію твердаго управленія Бориса, и сіе обстоятельство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часъ суда Божія уже наступалъ для вѣнценосца, злодѣйствомъ достигшаго верховнаго сана! Вся государственная мудрость его должна была сокрушиться передъ готовившимся для цѣлой Россіи, однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, коими Провидѣніе въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ своихъ казнитъ народы, и коихъ ни какая предусмотрительность человѣческая отвратить не можетъ!

Весною 1601 года, начались проливные дожди
Палицынъ. и продолжались непрестанно въ теченіи десяти недѣль. Посѣянный хлѣбъ не созрѣвалъ. Устрашенные земледѣльцы всю надежду свою возлагали на поздніе жары; вмѣсто того, 15-го Августа сдѣлался сильный морозъ, побившій не только не дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ. Сжатый послѣ столь преждевременной стужи хлѣбъ, оказался не только въ маломъ количествѣ, но и безъ надлежащей питательности. Хотя еще много было запасовъ стараго хлѣба, но цѣна на жизненные припасы чрезмѣрно возвысилась. Для бѣдныхъ пропитаніе сдѣлалось затруднительнымъ. Общая бѣда разорвала въ народѣ послѣднія узы преданности къ Борису, уже не могущему славиться счастливымъ царствіемъ. Волненіе и ропотъ столь усилились, что Царь почелъ нужнымъ нѣсколько утѣшить земледѣльцевъ. Онъ зналъ, сколь ненавистнымъ для нихъ казалось запрещеніе вольнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, но не хотѣлъ отмѣнить постановленія, основаннаго на важныхъ государственныхъ причинахъ, и привлекающаго къ нему сердца мелкопомѣстныхъ военныхъ людей. Дабы не лишить своей державы сей послѣдней опоры, онъ рѣшился допустить только нѣкоторыя исключенія, лестныя для земле-

дѣльцевъ, но безобидныя для цѣлаго класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ Ноябрѣ 1601 года, Царь объявилъ, что позволяетъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и двѣ недѣли спустя онаго, но только отъ одного мелкопомѣстнаго помѣщика къ другому таковому жъ, и съ тѣмъ еще ограниченіемъ, что одинъ владѣлецъ, изъ-за одного, могъ переманивать въ одинъ срокъ не болѣе двухъ крестьянъ. Впрочемъ сія льгота не касалась Московскаго уѣзда, гдѣ запрещеніе перехода оставалось во всей силѣ, такъ какъ и для крестьянъ Царскихъ и владѣльцевъ духовныхъ и великопомѣстныхъ во всемъ государствѣ. Не трудно угадать причину сей разности въ послѣднемъ отношеніи. У богатыхъ владѣльцевъ крестьяне были счастливы и спокойны; въ угнетеніи находились только земледѣльцы у мелкихъ помѣщиковъ, слѣдственно не было нужды измѣнять положенія первыхъ. Не такъ легко объяснить, почему льгота не распространялась на весь Московскій уѣздъ; впрочемъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что тамошніе мелкопомѣстные владѣльцы не смѣли, такъ сказать, подъ глазами правительства, во зло употреблять свою власть, и что съ другой стороны, народонаселеніе сего уѣзда находилось въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что пра-

вишельство не желало ни уменьшенія, ни умноженія онаго *.

Можетъ быть Борисъ успѣлъ бы возстановить спокойствіе въ государствѣ, если бы Небо перестало карать Россію. Но, къ сокрушенію ея, за первымъ неурожайнымъ годомъ послѣдовали два такіе же. Наши лѣтописцы приписываютъ вину неурожая 1602 года легкомыслію самихъ земледѣльцевъ. Въ Россіи всегда стараются засѣвать поля новымъ хлѣбомъ, считая, что оный способнѣе стараго для произращенія. Крестьяне, всегда руководимые слѣпымъ обычаемъ, не усумнились и тутъ послѣдовать оному, и употребили въ посѣвъ новый хлѣбъ, тощій и совершенно лишенный растительной силы. Ни гдѣ не было всходовъ. Что касается до неурожая 1603 года, то современники не объясняютъ намъ причину онаго. Изъ сего можно заключить, что настоящаго неурожая не было, но что мало собрали хлѣба единственно отъ того, что большая часть полей осталась не засѣянною, какъ отъ недостатка зеренъ, такъ и отъ изнуренія тѣлесныхъ силъ пахарей.

Голодъ свирѣпствовалъ съ необычайною лютостію. Современники, къ ужасу позднѣйшаго потомства, передали намъ страшное описаніе по-

---

* Смотри Приложенія № IV.

слѣдствій онаго. Дороговизна на хлѣбъ сдѣлалась непомѣрною. Четверть ржи, обыкновенно продаваемая отъ 12 до 15 копѣекъ, возвысилась до трехъ рублей, составляющихъ десять нынѣшнихъ серебряныхъ. Люди, нуждою доведенные до отчаянія, явно попирали не только священнѣйшія правила нравственности, но даже самые законы природы и въ остервененіи своемъ уподобясь злѣйшимъ изъ звѣрей, пожирали другъ друга. Всѣ связи общественныя и семейныя расторгались. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья покидали женъ и дѣтей, чтобы не дѣлиться съ ними скуднымъ пропитаніемъ. Дошло до того, что человѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на Московскихъ рынкахъ. Но что всего ужаснѣе, и чего безъ содроганія написать нельзя: матери ѣли собственныхъ младенцевъ своихъ!

Маржеретъ, Беръ, Петрей и Палицынъ.

Правительственныя мѣры для отвращенія сихъ бѣдствій оказались не только недостаточными, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредными. Напрасно сраженный горестію Борисъ являлъ себя царемъ сердобольнымъ и заботливымъ; Россія уже не видала въ немъ ни прежняго благоразумія, ни прежней твердости. Онъ не щадилъ сокровищъ своихъ, но употреблялъ ихъ не всегда съ должною осмотрительностію. Такъ напримѣръ, по повелѣнію его были учреждены въ Мо-

свѣ, близъ деревянной городской стѣны, четыре ограды, въ коихъ каждое утро раздавалось бѣднымъ каждому по одной московкѣ, а въ воскресные и праздничные дни по деньгѣ *. Сколь ни тягостна была сія раздача для казны, пособіе для неимущихъ было почти ничтожно, потому что на московку едва ли можно было купить и полфунта хлѣба. Не смотря на то народъ, всегда жадный къ деньгамъ, добываемымъ безъ работы, кинулся толпами къ столицѣ, сперва изъ окрестныхъ, а потомъ даже изъ дальныхъ мѣстъ. Туда спѣшили даже и такіе, которые на родинѣ своей могли бы кое-какъ прокормиться. Неминуемымъ слѣдствіемъ таковаго стеченія было для Москвы умноженіе дороговизны, и нераздѣльныхъ съ оною бѣдствій. Наконецъ Царь нашелся вынужденнымъ прекратить раздачу денегъ. Тогда несчастные пришельцы, возвращаясь безъ малѣйшаго пособія, устилали трупами своими всѣ пути, отъ столицы ведущіе.

Впрочемъ если взять въ соображеніе какъ изобиліе прежнихъ лѣтъ, такъ и то обстоятельство, что кажется неурожай не распространялся на восточныя области государства, то не останется сомнѣнія, что было еще много ста-

* *Примѣчаніе.* Тогдашній рубль дѣлился на 100 копѣекъ или денегъ, на 200 московокъ и на 400 полушекъ.

рыхъ запасовъ въ Россіи; но съ одной стороны корыстолюбіе таило ихъ, а съ другой, трудность подвоза представляла важныя препятствія. Однако Борисъ успѣлъ, хотя отчасти, преодолѣть оныя. Онъ приказалъ освидѣтельствовать царскія гумны, гдѣ нашлись давнитнихъ лѣтъ огромные скирды, которые обмолотили и хлѣбъ доставили въ Москву. Тамъ ежедневно продавалось бѣднымъ изъ царскихъ житницъ по нѣсколько тысячъ четвертей за половинную цѣну. Вдовамъ же и сиротамъ, и въ особенности Нѣмцамъ, Царь велѣлъ отпустить значительное количество даже безденежно. Такое пристрастіе къ иноземцамъ, во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ противное осторожной политикѣ въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, оказывалось еще болѣе оскорбительнымъ и ненавистнымъ. Не одни царскія гумны изобиловали еще хлѣбомъ; многіе помѣщики также не нуждались въономъ, и поощренные высокою цѣною, вѣроятно изыскали бы средства къ перевозкѣ, если бы правительство не вмѣшивалось неумѣстно въ ихъ дѣйствія. Царь не разсудивъ, что благотвореніе можетъ быть внушаемо, а не предписываемо, вздумалъ принудить продавцевъ, изъ уваженія къ общему бѣдствію, отказаться отъ ожидаемыхъ ими выгодъ, и приказалъ отобрать у нихъ хлѣбъ за такую низкую цѣну, что

можетъ быть иные не получили должнаго вознагражденія и за понесенныя ими самими издержки. Случилось, чего ожидать было должно: никто не только не смѣлъ выказывать болѣе своего хлѣбнаго имущества, но даже всѣ старанія приложены къ сокрытію онаго.

Только нѣкоторые достойные вельможи, сжалившись надъ общею нищетою, стали еще продавать хранящійся въ ихъ житницахъ хлѣбъ дешевле существующей цѣны. Но какъ ихъ, такъ и царскія щедроты не принесли всей возможной пользы отъ неблагоразумія раздачи. Вмѣсто того, чтобы изъ анбаровъ продавать неимущимъ семействамъ только нужное количество хлѣба для ихъ дневнаго пропитанія, отпускали имъ оный безъ разбора. Сребролюбіе воспользовалось сею оплошностію, и Московскіе барышники, посредствомъ бѣдныхъ людей, накупили нѣсколько тысячъ бочекъ муки, которую потомъ перепродавали цѣною непомѣрною.

Гораздо разсудительнѣе Борисъ поступилъ, приказавъ начать огромное каменное строеніе въ въ Кремлѣ, дабы посредствомъ работы доставить пропитаніе нуждающимся. Милость царская изливалась не на однихъ живыхъ. Москва наполнялась мертвыми тѣлами, коихъ хоронить было нѣкому. Учрежденные приставы подбирали ихъ, омывали,

Никоновская Лѣтопись.

завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные Бер.
коты, и отвозили на три за городомъ устроенныя кладбища, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца, такимъ образомъ похоронено 127,000 тру- Палицынъ.
повъ. Если къ сему присовокупить, что множество еще тѣлъ было погребаемо богобоязливыми людьми при приходскихъ церквахъ, коихъ въ столицѣ тогда считалось болѣе 400, то смѣло кажется можно положить, что въ одной Москвѣ до 200,000 человѣкъ сдѣлались жертвою голода.

Но не одна столица бѣдствовала. Царь не оставилъ безъ призрѣнія и прочія мѣста своего государства. Ивангородъ, Новгородъ, Псковъ, Смо- Маржеретъ и Розрядныя
ленскъ и другіе нуждавшіеся города получили важ- книги.
ныя денежныя пособія. Казна царская, богато накопленная въ семнадцатилѣтнее благоденствіе Россіи, являлась неистощимою.

Обыкновеннымъ слѣдствіемъ голода бываютъ повальныя болѣзни. И сего бѣдствія не избѣжала Россія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ особенности въ Смоленскомъ уѣздѣ, явилась слишкомъ для нашего времени извѣстная холера (cholera morbus). Правительство вынужденнымъ нашлось учредить Никоновская
заставы для пресѣченія сообщеній съ зараженнымъ краемъ. Лѣтопись.

Наконецъ, благословенный урожай 1604 года возстановилъ прежнее изобиліе, такъ что цѣна

Карамзинъ. четверти ржи отъ трехъ рублей упала до 10 копѣекъ *. Но памятникомъ голода осталась на всегда нововведенная мѣра хлѣба. Прежде продавали оный только бочками, и четвертями и осьминами оныхъ. Съ голодныхъ же лѣтъ бочки вышли изъ употребленія, а вмѣсто того извѣстны-

* *Примѣчаніе.* Не извѣстно, почему Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что голодъ прекратился еще въ 1603 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что оный продолжался не два, а три года, и ни одинъ современный писатель не противорѣчитъ сему. Беръ именно говоритъ, что бѣдствіе сіе продолжалось до 1604 года, и описывая пріѣздъ въ Россію въ Іюнѣ мѣсяцѣ того года Императорскаго посланника, барона фонъ Логау, упоминаетъ объ усиліяхъ Царя, чтобы скрыть дороговизну отъ новопріѣзжихъ; слѣдственно дороговизна сія еще существовала. Сходно сему и Палицынъ пишетъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ похоронено въ Москвѣ 127,000 жертвъ голода. Карамзинъ самъ принимаетъ сей расчетъ за неоспоримый, но какимъ же образомъ двадцать восемъ мѣсяцевъ мерли отъ голода, когда оный продолжался только два года? Напротивъ того все объясняется, если взять въ соображеніе, что обыкновенно новый хлѣбъ въ Россіи собирается въ Августѣ мѣсяцѣ. Но отнюдь не льзя предполагать, чтобы въ ожиданіи новаго урожая, всякой оставался при послѣднемъ кускѣ своемъ, и чтобы смертность тотъ часъ же началась. Напротивъ того вѣроятно, что первую зиму еще люди находили средство пропитаться кое-какъ, тѣмъ паче, что и дороговизна могла сдѣлаться чрезмѣрною только тогда, когда по открытіи весны исчезла всякая надежда на новый урожай. Такимъ образомъ смертность должна была начаться въ Апрѣлѣ 1602, и продолжаться до Августа 1604, что именно составляетъ двадцать восемь мѣсяцевъ.

ми стали четверики, то есть четвертая часть осьмины.

Несчастная Россія долго еще не должна была наслаждаться спокойствіемъ. Самымъ пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ претерпѣннаго ею бѣдствія было ослабленіе всѣхъ нравственныхъ понятій. Развратъ распространился на всѣ сословія. Господа до того столь тщательно старавшіеся умножать число своихъ холопей, распустили ихъ во время голода, иные по дѣйствительной невозможности прокормить ихъ, другіе изъ корыстолюбія, чтобы обогатиться продажею хлѣба, который, по долгу своему, обязаны были употребить на ихъ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ снабжали холопей формальными отпускными, но многіе, не столь совѣстливые, изгоняли ихъ отъ себя безъ всякаго вида съ преступною мыслію, возвратить ихъ опять къ себѣ въ подданство по минованіи дороговизны. Такимъ образомъ государство наполнилось бродягами, изъ коихъ многіе, забывъ страхъ Божій, обратились къ разбойничеству. Въ разныхъ мѣстахъ образовались большія шайки, изъ коихъ важнѣйшая, подъ предводительствомъ нѣкоего Хлопка, свирѣпствовала въ окрестностяхъ самой Москвы, и неоднократно разбивала посылаемые противъ нея сыскные отряды. Царь наконецъ нашелся вынужденнымъ

Палицынъ.

Никоновская Лѣтопись.

противупоставить симъ презрительнымъ врагамъ цѣлое войско, подъ начальствомъ окольничаго Ивана Θедоровича Басманова. Хлопко не устрашился вступить съ нимъ въ бой близъ Москвы. Съ обѣихъ сторонъ сражались упорно, и Басмановъ былъ убитъ; но сія удача злодѣевъ обратилась имъ на пагубу. Царскіе воины, ожесточенные смертію начальника, бросились на нихъ съ новымъ стремленіемъ и наконецъ сломили ихъ. Самъ Хлопко

Маржеретъ. защищался храбро, но въ изнеможеніи отъ многихъ ранъ былъ взятъ и съ 500 товарищами своими, отправленъ въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены; многіе остались на мѣстѣ сраженія. Прочіе же ушли на Украйну, гдѣ умножили число, и безъ того уже значительное, тамошнихъ негодяевъ.

Еще Царь Иванъ Васильевичъ, желая для

Палицынъ. укрѣпленія границы Россіи отъ Польши и Татаръ, населить какъ можно болѣе Украинскіе города людьми къ ратному дѣлу способными, предписывалъ тамошнимъ воеводамъ не тревожить тѣхъ, кои будутъ укрываться въ сихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго ими въ Россіи наказанія. Борисъ Θеодоровичъ послѣдовалъ той же политикѣ, и наводненная отважными злодѣями Украйна, содѣлалась опаснымъ вертепомъ, гдѣ самая власть правительства не всегда находила должное послу-

шаніе. Такъ напримѣръ, напрасно Царь приказывалъ сыскивать и вѣшать удалившихся туда сообщниковъ Хлопко. Воеводамъ трудно было исполнить повелѣніе сіе надъ преступниками, покровительствуемыми состраданіемъ подобныхъ имъ разбойниковъ. Безчиніе уже посѣвало въ сей странѣ сѣмена новыхъ и пагубнѣйшихъ бѣдствій для Россіи.

Всѣ ужасы, уже претерпѣнные государствомъ, были, такъ сказать, только преддверіемъ готовящейся для него настоящей бѣды. Около 1600 года, пронеслась въ Москвѣ молва, что Царевичъ Димитрій, котораго полагали убіеннымъ въ Угличѣ, находится въ живыхъ. Хотя одно имя невинной жертвы должно было казаться грознымъ для ея убійцы, но смерть Царевича была дѣйствіемъ столь явнымъ, столь достовѣрнымъ, что Борисъ мало тревожился слухомъ, коего неосновательность была очевидна. Однако онъ старался узнать, что могло подать поводъ къ нелѣпой баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго источника оной. Все казалось только дѣломъ безсмысленнаго суесловія молодаго монаха, жившаго у Патріарха. Маржеретъ.

Сей юноша, предназначенный изумлять потомство дивными похожденіями своими, и служить орудіемъ Провидѣнія для казни преступнаго Бо-

Никоновская Лѣтопись.

риса, былъ сынъ бѣднаго сына боярскаго города Галича, и назывался Юріемъ Отрепьевымъ. Оставшись послѣ смерти отца своего почти безъ всякаго пріюта, онъ постригся на 15-мъ году возраста, и принялъ имя Григорія. Но иноческій клобукъ не предохранилъ буйной головы его отъ порыва пламенныхъ страстей свѣтскихъ. Нѣсколько времени скитался онъ по разнымъ обителямъ, и наконецъ основался въ Чудовѣ монастырѣ, въ кельѣ у дѣда своего Замятни Отрепьева, который давно уже тамъ монашествовалъ. Будучи одаренъ природою способностями необыкновенными, умомъ пылкимъ и предпріимчивымъ, и отважностію болѣе свойственною воину, чѣмъ монаху, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался легкомысленнымъ, и заносчивымъ до безразсудности. Съ самаго младенчества своего съ успѣхомъ занимаясь книжнымъ дѣломъ, онъ выучился не только читать и чисто писать; но даже сочинялъ каноны Святымъ, лучше старыхъ грамотѣевъ. Такія, по тогдашнему времени чрезвычайныя, познанія обратили на него вниманіе Патріарха, который посвятилъ его въ дьяконы и взялъ къ себѣ для списыванія книгъ. Тутъ имѣлъ онъ случай познакомиться съ людьми, хорошо знавшими всѣ обстоятельства, до царскаго дома относящіяся. Черезъ нихъ могъ узнать, что по довольно обыкновенной игрѣ при-

роды, Царевичъ Димитрій носилъ на тѣлѣ нѣкоторые одинакіе съ нимъ признаки, а именно, что у Царевича, какъ и у него, были бородавки на лицѣ и одна рука короче другой *. Мысль дерзкая, по первому взгляду вовсе сумазбродная, породилась въ душѣ его. Онъ возмечталъ, что можетъ выдать себя за убіеннаго Царевича и, съ помощію одного самозванства, низложить Бориса, располагавшаго еще всѣми силами обширнаго государства. Въ упоеніи непостижимой самонадѣянности, онъ началъ оглашать съ свойственною ему вѣтренностію свои затѣи, и часто въ разговорахъ своихъ съ Чудовскими монахами увѣрялъ ихъ, что будетъ Царемъ на Москвѣ. Иноки, не воображая, чтобы значеніе сихъ дерзкихъ словъ заключало въ

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ, кажется, сомнѣвается, чтобы Царевичъ дѣйствительно имѣлъ на себѣ такія примѣты. Правда, ни одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ объ оныхъ. Но рѣдко лѣтописцы сіи занимались описаніемъ наружнаго вида, не только Царскихъ дѣтей, но даже и самихъ Царей, а съ другой стороны нельзя не взять въ соображеніе, что если бы сіи признаки на Царевичѣ были выдумкою Самозванца, или его приверженцевъ, то по смерти Отрепьева бояре не преминули бы противорѣчить воеводѣ Мнишку, который ссылался именно на сіи примѣты, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, приведшихъ его въ заблужденіе на счетъ подлинности мнимаго Димитрія. Напротивъ того, увидимъ, что сіе важное обстоятельство оставлено ими безъ всякаго возраженія, и что во всѣхъ манифестахъ, выдаваемыхъ на изобличеніе Самозванца, даже о семъ вовсе умалчивалось.

себѣ что либо важнѣе шутки, впрочемъ весьма непристойной, довольствовались тѣмъ, что смѣялись надъ хвастуномъ и плевали ему въ глаза. Но Ростовскій Митрополитъ Іона, коему сіи рѣчи переданы были, судилъ о нихъ иначе. Онъ сталъ примѣчать за поступками наглаго дьякона и убѣдился, что въ душѣ его кроются опасные для общаго спокойствія замыслы. Сперва Митрополитъ счелъ долгомъ своимъ предупредить о семъ Патріарха; но Первосвятитель, коему Григорій нравился, не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ могъ зазнаться до такой степени, и въ самой нелѣпости взводимаго на него преступленія находилъ доказательство неосновательности извѣта. Тогда Іона рѣшился о всѣхъ замѣченныхъ имъ обстоятельствахъ донесть самому Царю, который, соображая оныя съ носившимися уже слухами, хотя также не почелъ ихъ дѣломъ, заслуживавшимъ большое вниманіе, однако приказалъ дьяку Смирному Васильеву послать враля дьякона въ Соловецкую пустынь подъ крѣпкое начало. Васильевъ открылся о семъ повелѣніи дьяку же Семену Ефимьеву, который былъ родственникомъ Отрепьевыхъ, и потому просилъ Васильева не спѣшить исполненіемъ Царской воли, дабы дать Григорію время приготовиться къ дальнему пути. Васильевъ, не воображая, чтобы молодой монахъ могъ быть

важнымъ преступникомъ, не только согласился удовлетворить желанію товарища своего, но даже въ послѣдствіи, среди другихъ заботъ, и совершенно забылъ о данномъ ему приказаніи. Пользуясь его безпечностію, Григорій ушелъ изъ Москвы и укрылся сперва въ монастырѣ Николы на Угреши; но не посмѣлъ остаться въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы, и удалился въ городъ Галичъ, въ Желѣзноборкскій монастырь, откуда перешелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскую обитель. Принимать такимъ образомъ въ монастыряхъ странствующихъ монаховъ ни сколько противно не было гостепріимнымъ обычаямъ того времени. Къ тому же Григорій болѣе другихъ еще могъ снискивать благосклонность незнакомыхъ ему людей, потому что былъ дѣйствительно краснорѣчивъ и имѣлъ наружность хотя не красивую, но довольно привлекательную. Борисоглѣбскій строитель далъ ему лошадь и отпустилъ его обратно въ Москву. Хронографъ. Никоновская Лѣтопись.

Проходя такимъ образомъ по разнымъ областямъ государства, Отрепьевъ могъ убѣдиться въ общей ненависти къ Борису, и тѣмъ болѣе укрѣпиться въ мысли, отъискивать престола подъ именемъ Царевича. Но разсудивъ, что въ столицѣ оставаться ему не безопасно, и что только приготовясь исподоволь и дѣйствуя сна- Хронографъ.

чала изъ-далека, онъ могъ ожидать успѣха въ дерзновенномъ предпріятіи, потому рѣшился искать убѣжища въ Польшѣ, дабы тамъ подъ покровительствомъ всегда непріязненнаго для Россіи правительства надежнѣе устроить ковы свои.

23-го Февраля 1602 года, онъ опять выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи подговоренныхъ имъ двухъ Чудовскихъ, пьянству преданныхъ монаховъ: священника Варлаама Яцкаго и крылошанина Мисаила Повадина. На нанятыхъ ими подводахъ они черезъ Болховъ и Карачевъ достигли Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ приняты были такъ милостиво, что Отреньева Архимандритъ помѣстилъ въ собственной своей кельѣ. Поживя тутъ нѣсколько недѣль, Григорій сталъ проситься у Архимандрита ѣхать съ товарищами своими въ Путивль, гдѣ, говорилъ онъ, будто имѣетъ сродниковъ. Архимандритъ не только отпустилъ ихъ, но даже далъ имъ лошадь и провожатаго. Но не Путивль былъ цѣлію Отреньева: его намѣреніе было пройти въ Польшу, и для того онъ взялъ еще съ собою Днѣпровскаго Кіевскаго монастыря монаха, Пимена, находившагося случайно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, и обѣщавшаго провесть его за границу. По выѣздѣ своемъ изъ города, монахи отогнали отъ себя провожатаго, который хотѣлъ ихъ направить на Путивльскую

Челобитная чернеца Варлаама Царю Василью Ивановичу и Никоновская Лѣтопись.

дорогу, и вмѣсто того поѣхали по Кіевской. Провожатый, возвратясь къ Архимандриту, донесъ ему объ обманѣ. Негодованіе Архимандрита было велико, но его ожидало еще бо́льшее огорченіе. Когда онъ ложился спать, то нашелъ въ изголовьѣ постели своей записку, оставленную тамъ Отрепьевымъ, слѣдующаго содержанія: «*Азъ есмь Царевичь Дмитрій, сынъ Царя Іоанна, и какъ буду на престолѣ на Москвѣ отца своего, и я тебя пожалую за то, что меня покоилъ у себя въ обители.* Архимандритъ ужаснулся, но недоумѣвая какъ поступить въ столь неожиданномъ случаѣ, рѣшился никому не объявлять объ ономъ.

Между тѣмъ бродящіе монахи не смѣли прямою дорогою ѣхать въ Кіевъ, опасаясь пограничныхъ заставъ, и поворотили сперва на Стародубъ, откуда Пименъ провелъ ихъ лѣсными тропинами за Польскій рубежъ до села Слободки. Продолжая уже безопасно путь свой, черезъ за̀мокъ Лоевъ и городъ Любечь, они прибыли въ Кіевъ. Печерскій Архимандритъ Елисѣй принялъ ихъ въ свою обитель, гдѣ и прожили они три недѣли, по истеченіи коихъ отправились въ Острогъ къ Кіевскому воеводѣ, Князю Константину Острожскому, знаменитому поборнику православія Греческой Церкви противъ нововведенной Уніи, которую Польское правительство силилось распространить въ при-

надлежавшихъ ему Русскихъ областяхъ. Отрепьевъ не смѣлъ открыть почтенному вельможѣ своихъ тайныхъ замысловъ, и ограничился только просьбою принять его съ товарищами подъ свое покровительство. Набожный Князь не отказался призрѣть бѣдныхъ монаховъ; дьяконъ Григорій служилъ при немъ на обѣднѣ, и голосъ его понравился ему. Бѣглые монахи все лѣто провели въ Острогѣ, а при наступленіи осени, Князь послалъ ихъ въ Дерманскій монастырь. Но Отрепьевъ не для того бѣжалъ въ Польшу, чтобы тамъ монашествовать. Онъ, покинувъ своихъ товарищей, перешелъ въ городъ Гащу и присталъ къ Анабаптистамъ. Тутъ въ первый разъ свергнувъ съ себя иноческій клобукъ, онъ ходилъ въ школу, прилежно занялся науками, затвердилъ довольно хорошо исторію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ. Онъ даже обучался и по Латынѣ, но не съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, мирные труды сіи не долго занимали его. Въ бытность его въ Кіевѣ, онъ познакомился съ пріѣзжавшими туда Запорожскими Казаками. Жизнь беззаботная и безнравственная ихъ удалой вольницы нравилась ему. Съ другой стороны онъ чувствовалъ, что готовя себя къ важному назначенію, ему непремѣнно нужно пріучиться къ военному ремеслу. И такъ рѣшился, по веснѣ 1603 года, ѣхать къ Запорож-

Письмо Кн. Василья Острожскаго къ Королю Сигизмунду III.

Рукопись Толванскаго.

цамъ, и разбойничалъ съ ними въ шайкѣ старшины Герасима Евангелика. Воинственныя наклонности его скоро получили надлежащее развитіе: онъ выучился мастерски владѣть оружіемъ и сдѣлался отважнымъ наѣздникомъ.

Грамота Патріарха къ Архимандриту Сольвычегодскому и рукописное сказаніе еже содѣяся въ Москвѣ и о Разстригѣ.

Однако, не смотря на всѣ усилія его, чтобы сдѣлаться достойнымъ высокаго имени, какое желалъ онъ присвоить, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ пространные замыслы его ограничились бы смѣха достойнымъ пустословіемъ, и что онъ ничего важнаго предпринять никогда не былъ бы въ состояніи, если бы не нашелъ себѣ сильной опоры въ Езуитахъ, которые, къ счастію его и къ несчастію Россіи, узнали о его тайной думѣ, и вознамѣрились воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для исполненія собственныхъ своихъ видовъ.

Кому не извѣстны духъ любоначалія и ревность къ обращенію въ папежство сего, впрочемъ ученостію и глубокомысліемъ знаменитаго, собратства? Тогда находилось оно въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, и Езуиты вліяніе и происки свои распространяли почти на всѣ государства обоихъ земныхъ полушарій. Не стѣсняясь правилами строгой нравственности, они для достиженія цѣли своей избирали средства надежнѣйшія, безъ зазрѣнія прибѣгая, судя по обстоятельствамъ, то къ высочайшей добродѣтели, то къ злѣйшему

преступленію, то къ достохвальнѣйшему праводушію, то къ гнуснѣйшему ухищренію. Могущество ихъ въ Польшѣ сдѣлалось неограниченнымъ со вступленіемъ на престолъ Шведскаго Королевича Сигизмунда III-го, Государя преисполненнаго ханжества. Слѣдствія слѣпаго довѣрія Короля къ нимъ оказались пагубными для Малороссіи.

Болѣе двухъ столѣтій полуденная Россія находилась подъ державою Государей Литовскихъ или Польскихъ; но Русскіе жители оной и подъ чужимъ ярмомъ сохраняли свою народность, управлялись своими соотчичами, судились своими законами и на собственномъ языкѣ, и что всего важнѣе, безвозбранно исповѣдывали правовѣріе. Когда совершилось конечное соединеніе Литвы съ Польшею, при Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, Русская земля и княженіе Кіевское были отдѣлены отъ Литвы и присовокуплены къ Польшѣ. При семъ случаѣ прежнія права Русскихъ были подтверждены данною Королемъ привиллегіею, въ коей, повторяя слова прежнихъ привиллегій, *что Русскіе присоединяются къ Полякамъ, какъ равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ,* торжественно обѣщалось сохраненіе равенства между Церквами Римскою и Греческою, и одинакое производство въ Сенаторскія и прочія достоинства людямъ обоихъ исповѣданій. Самъ Сигизмундъ III-й при

восшествіи своемъ на престолъ не смѣлъ отступить отъ прежнихъ правилъ, и въ 1588 году на сеймѣ коронаціи подтвердилъ всѣ старинныя права православнаго Русскаго духовенства. Но Езуиты, успѣвшіе овладѣть умомъ сего Государя, не долго дозволили ему оставаться при сей благоразумной вѣротерпимости. По несчастію они нашли сообщниковъ въ самыхъ главнѣйшихъ сановникахъ Малороссійской церкви. Прельщенные обѣщаніями милостей Королевскихъ, Епископы: Луцкій, Владимірскій, Хельмскій и Пинскій, Архіепископъ Полоцкій и самъ Митрополитъ Кіевскій Михайло Рагоза, уговорились между собою присоединиться къ Римской Церкви на правилахъ давно забытаго Флорентійскаго собора, и отправили въ Римъ съ покорностію своею Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго. Чрезмѣрно обрадованный Папа Климентъ VIII-й милостиво принялъ ихъ, и обѣщалъ исходатайствовать у Короля право засѣдать въ Польскомъ Сенатѣ всѣмъ Епископамъ, которые согласятся отстать отъ православія и признать его власть. Но отступники-святители много ошиблись, если полагали, что не трудно имъ будетъ совратить съ пути истины единовѣрцевъ своихъ. Предлагаемая ими *Унія* (такъ называется соединеніе Греческой церкви съ Римскою) была принята съ омерзеніемъ какъ духовен-

История Русовъ.

спвомъ, шакъ и міранами. Въ особенносши, возсшали прошивъ нея: Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій, Михайло Копысшенскій, Епископъ Перемышльскій и Князь Консшаншинъ Осшрожскій, Воевода Кіевскій. Напрасно клятвопресшупный Мишрополишъ надѣялся на созванномъ имъ въ Бресшѣ соборѣ, подъ надзоромъ Польскихъ Пословъ, склонишь или принудишь всѣ Малороссійскія Епархіи къ приняшію Уніи: вѣрные сыны Церкви не поколебались. Епископъ Львовскій доказалъ, что Унія принимала безусловно всѣ догмашы Римскіе, оставляя шолько одни обряды Греческіе, для обмана просшодушныхъ. Соборъ раздѣлился на два, предающихъ прокляшію одинъ другаго. Но не смошря на явное покровишельсшво Польскаго сейма, къ сшоронѣ приверженцевъ Уніи присшало весьма мало людей. Напрошивъ шого, православіе удержало при себѣ несравненно большее число какъ духовныхъ, шакъ и вельможъ и просшыхъ мірянъ. Тогда Сигизмундъ, разгнѣванный неудачею и подсшрекаемый Езуишами, рѣшился прибѣгнушь къ принудишельнымъ мѣрамъ. По повелѣнію его ошнимали у православныхъ храмы ихъ и ошдавали уніашамъ, насильно выгоняли народъ на уніашское богослуженіе, и во время онаго Польскіе Жолнеры, съ обнаженными саблями, вынуждали православныхъ при чшеніи Символа вѣры гро-

могласно произносить Римское прибавленіе исхожденіе Духа Святаго *и отъ Сына.* Наконецъ терпѣніе Малороссіянъ истощилось. Тамошніе Казаки принялись за оружіе подъ знаменами избраннаго ими Гетмана Наливайки. Сначала дѣйствія его ознаменованы были важными успѣхами; но наконецъ Коронный напольный Гетманъ Жолкѣвскій разбилъ Казаковъ совершенно. Самъ Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ живой сожженъ въ мѣдномъ быкѣ. По смерти сего мученика православія Поляки съ лютостію торжествовали надъ несчастною Малороссіею. На сеймѣ 1597 года, народъ Русскій объявленъ *отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ.* Старинныя права его всѣ были уничтожены. Православное шляхетство отлучили отъ всѣхъ должностей военныхъ и судебныхъ, и назвали холопами. Также отобрали отъ православныхъ староства и ранговыя имѣнія ихъ. Малороссія наводнилась Польскими воинами, которые подъ предлогомъ поданія нужной помощи уніатамъ, свободно безчинствовали. Одно корыстолюбіе оставило еще нѣсколько храмовъ для Греческаго исповѣданія. Они были отданы на откупъ Жидамъ, которые только за деньги позволяли православнымъ исправлять требы свои, и брали съ нихъ отъ одного до пяти талеровъ за каждое служеніе, и отъ одного до пяти злотовъ за кре-

щеніе и похороны. Впрочемъ гоненія сіи не ослабили твердости вѣры простаго народа, который по большей части не измѣнилъ своему долгу. Но честолюбивое шляхетство показало болѣе малодушія. Дабы не преграждать себѣ пути къ полученію староствъ и высшихъ государственныхъ достоинствъ, господа рѣшились принять не только Унію, но даже и самую Римскую вѣру. Не согласуясь съ соотечественниками своими въ статьѣ столь важной, какова есть религія, имъ неминуемо предстояло уже совершенно отчуждиться отъ родины, что они и исполнили, замѣнивъ въ общежитіи своемъ Русской языкъ Польскимъ. Такимъ образомъ коренные Русскіе вельможи, изъ коихъ многіе происходили отъ племени Рюрика, къ стыду своему, содѣлались настоящими Поляками, и способствовали имъ въ угнѣтеніи своихъ единокровныхъ.

Езуиты не одну Малороссію готовились одарить своимъ лжевѣріемъ. Они хорошо чувствовали, что нельзя было Восточной Церкви нанесть сильнѣйшаго удара, какъ отторженіемъ отъ нея Великороссійскихъ епархій. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ помышленія ихъ были устремлены на сей предметъ, и одно время они питались надеждою успѣть въ семъ важномъ предпріятіи. Въ 1581 году Царь Иванъ Васильевичь Грозный, желая окончанія па-

губной для него войны съ Стефаномъ Баторіемъ, Королемъ Польскимъ, прибѣгнулъ къ посредничеству Папы Григорія XIII-го, который послалъ Езуита Антонія Поссевина, для примиренія воюющихъ Государей. Поссевинъ возмечталъ, что можетъ воспользоваться симъ случаемъ для присоединенія Россія къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію его, намеки его на сей счетъ были принимаемы Іоанномъ безъ гнѣва, и даже съ нѣкоторымъ доброхотствомъ. Но Грозный Царь перехитрилъ самаго лукаваго Езуита. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, то Іоаннъ оказывалъ податливость къ его ученію; но когда, отъ части стараніями его, миръ подписанъ былъ между Россіею и Польшею, то Царь съ презрѣніемъ отвергнулъ дальнѣйшія домогательства его о вѣрѣ. Оскорбленные Езуиты выжидали съ нетерпѣніемъ удобнаго времени для возобновленія стараній своихъ съ лучшимъ успѣхомъ. Когда же они извѣстились о замыслахъ мнимаго Димитрія, то съ свойственною имъ смѣтливостію, исчисливъ всѣ выгоды, которыя изъ оныхъ извлечь могли, вознамѣрились всѣми силами помогать ему. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обстоятельствомъ. Имѣвъ дѣло съ природнымъ Русскимъ Царевичемъ, не такъ бы легко было имъ уговорить его пожертвовать правовѣріемъ въ уваженіи обѣщанныхъ

ними пособій; но нельзя было ожидать такой совѣстливости отъ тщеславнаго бродяги, уже покушавшагося на злое дѣло.

Всѣ свѣденія, получаемыя Езуитами изъ Россіи, согласовались въ томъ, что Государство находилось въ большомъ волненіи отъ претерпѣнныхъ бѣдствій, и что множество людей изъ ненависти къ Царю Борису ожидали только удобнаго случая къ возстанію противъ него. Имѣя въ виду не упускать столь благопріятныхъ обстоятельствъ, Езуиты положили приступить къ дѣлу безъ дальнѣйшаго отлагательства. Вѣроятно по наущенію ихъ, Отрепьевъ вошелъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому, вельможѣ знатному, но слабоумному и легковѣрному. Въ бытность его у Князя въ домѣ, въ Брагинѣ, онъ притворился опасно больнымъ, и призвавъ духовника, сказалъ ему: *по смерти моей погреби меня честно, яко же Царскихъ дѣтей погребаютъ; а сея тебѣ тайны не скажу, а есть тому всему у меня письмо вскрытѣ подъ моею постелею, и какъ отыду къ Богу, и ты сіе письмо возьми и прочти его себѣ втайнѣ, никому же о томъ не возвѣсти. Богъ уже мнѣ такъ судилъ.* Священникъ немедленно передалъ слова сіи Князю, который самъ пришелъ къ слугѣ своему, и не смотря на притворное сопротивленіе его, вынулъ изъ-подъ постели положен-

Никоновская Лѣтопись.

ную Отрепьевымъ бумагу, въ коей онъ, называя себя Царевичемъ Димитріемъ, разсказывалъ нелѣпосплетенную имъ басню о спасеніи своемъ въ Угличѣ, гдѣ старанiемъ жившаго при немъ иностраннаго медика, по имени Симеона, убитъ вмѣсто его, равесникъ его, мальчикъ поповскій сынъ, какъ будто цѣлый городъ Угличь, гдѣ всѣ хорошо знали Царевича, могъ быть приведенъ въ заблужденіе въ отношеніи къ тѣлу, четыре дня лежавшему въ церкви, куда допускали всякаго званія людей! Далѣе Отрепьевъ утверждалъ, что медикъ, скрывъ его, отдалъ на воспитаніе боярскому сыну, котораго не называлъ и который присовѣтовалъ ему искать убѣжища между иноками, а что потомъ его выпроводили въ Польшу нѣкоторые вѣрные бояре и дьяки Щелкаловы. Вишневецкій слѣпо повѣрилъ нескладной бреднѣ. Тогда Отрепьевъ, какъ будто убѣжденный въ невозможности долѣе скрывать свое происхожденіе, показалъ Князю носимый имъ на груди золотой крестъ, драгоцѣнными каменьями украшенный, который, какъ увѣрялъ, былъ данъ ему отцемъ его крестнымъ, Княземъ Иваномъ Θедоровичемъ Мстиславскимъ. Крестъ сей, вѣроятно гдѣ либо украденный или полученный отъ Езуитовъ, довершилъ ослѣпленіе Вишневецкаго, который сталъ честить прежняго слугу своего, какъ истиннаго Царевича.

Выписка изъ Архива Иностранныхъ дѣлъ.

Рукопись Товянскаго.

Князь Адамъ познакомилъ его съ братомъ своимъ роднымъ, Княземъ Константиномъ, который зазвалъ его въ имѣніе свое Жалосцѣ. Туда же явился первый лжесвидѣтель подлинности Царевича: то былъ слуга сына Боярскаго Михнова, и назывался Петрушею. Въ 1601 году, Михновъ отъѣзжая въ Вильну при посольствѣ боярина Салтыкова, взялъ его съ собою; но онъ обокравъ его, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ домѣ Канцлера Литовскаго, Льва Сапѣги, гдѣ исправлялъ самыя низкія должности, называя себя Юрьемъ Петровскимъ. Сей негодяй увѣралъ, что служа прежде въ Угличѣ, (гдѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ), знаетъ хорошо Царевича и просилъ, чтобы ему показали его. Когда же исполнили желаніе его, то онъ указавъ на одинакія примѣты, которыя Отрепьевъ имѣлъ съ Царевичемъ, объявилъ, что видитъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Дѣла Польскія въ Архивѣ.

Такого же рода смѣходостойное представленіе розыгралось еще въ другомъ мѣстѣ. Князь Константинъ повезъ Отрепьева въ Самборъ, къ тестю своему, Юрію Мнишку, Воеводѣ Сендомирскому, между холопами коего находился слуга, взятый Русскими подъ Псковомъ, и жившій нѣсколько лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ. Сей человѣкъ увѣрялъ, что видалъ тогда Царевича въ младенчествѣ, и что онъ точно походилъ на того, который те-

перь назывался его именемъ. Какъ будто можно было распознать черты двухъ или трехъ-лѣтняго ребенка, на лицѣ юноши двадцати одного года?

Не смотря на нелѣпость сихъ свидѣтельствъ, данныхъ впрочемъ лицами ни малѣйшаго вѣроятія не заслуживающими, Князь Константинъ Вишневецкій и Юрій Мнишекъ не устыдились выдавать ихъ за несомнѣнныя доказательства подлинности мнимаго Димитрія. Въ особенности старецъ Мнишекъ горячо заступался за самозванца, будучи привлеченъ къ нему ожиданіемъ важныхъ выгодъ и почестей для собственнаго семейства своего. У него была дочь Марина, юная, прелестная дѣвица. Отрепьевъ, или дѣйствительно влюбился въ нее, или почелъ нужнымъ показываться страстнымъ, дабы привязать къ судьбѣ своей одну изъ знатнѣйшихъ Польскихъ фамилій. Мнишекъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ мечталъ о возможности видѣть дочь свою на Московскомъ престолѣ, а Марина, не менѣе отца своего преданная гордости и честолюбію, старалась также выказывать наклонность къ мнимому Димитрію.

Между тѣмъ Езуиты ревностно дѣйствовали въ пользу Отрепьева, въ Краковѣ при дворѣ послушника своего, Короля Сигизмунда. Первымъ стараніемъ ихъ было доставить Самозванцу покровительство Папскаго Нунція Рангони, кото-

Alessandro Cilli Historie di Moscovia.

рый сначала хотя и показывалъ видъ, что не желаетъ мѣшаться въ такое темное дѣло, но наконецъ будто убѣжденный сильными доводами, рѣшился принять участіе въ несчастномъ жребіи царственнаго изгнанника. Тогда Езуиты стали за одно съ Нунціемъ внушать Королю, сколь славно, выгодно и даже душеспасительно будетъ для него видѣть на Московскомъ престолѣ Государя, который, обязанный ему своимъ величіемъ, доставитъ Польшѣ прочный союзъ съ Россіею и который, оказывая готовность къ принятію Римской вѣры, подаетъ великую надежду къ обращенію въ папежство многочисленныхъ подданныхъ своихъ. Сигизмундъ, съ свойственнымъ узкоумію упрямствомъ, не переставалъ преклонять ухо, къ совѣтамъ Езуитовъ, хотя таковые уже стоили ему наслѣдственнаго его государства, Швеціи, которая, встрѣвоженная имъ по предмету исповѣдываемой ею Лютеранской вѣры, отложилась отъ него и признала Королемъ своимъ дядю его роднаго Карла IX-го. Король Польскій позволилъ увѣрить себя, что воцареніе мнимаго Димитрія подастъ ему способъ общими силами Польши и Россіи снова возложить на главу свою утраченный вѣнецъ Вазы. Подъ вліяніемъ сихъ лестныхъ мечтаній, Сигизмундъ приказалъ Мнишку и Вишневецкому представить предъ себя Самозванца.

Въ началѣ 1604 года, Отрепьевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ Нунцій посѣтивъ его, объявилъ ему, что если желаетъ Королевской помощи въ отыскании справедливыхъ правъ своихъ, то предварительно долженъ отречься отъ Греческой вѣры, принять Римскую и вручить себя покровительству Папскаго престола. Самозванецъ съ умиленіемъ обѣщалъ все сіе исполнить, что чрезъ нѣсколько дней въ домѣ у Нунція не только подтвердилъ на словахъ въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, но даже далъ въ томъ письменное обязательство. Послѣ сего, Рангони угощалъ его пышнымъ обѣдомъ, по окончаніи коего отвезъ къ Королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедимитрія стоя опершись на столикъ, и съ обыкновенною своею величавостію подалъ ему руку. Отрепьевъ, поцѣловавъ оную, разсказалъ ему вымышленную исторію свою и просилъ у него защиты и помощи. Тогда Коронный Оберъ-Камергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присутствующимъ на аудіенціи выйти въ другую комнату. Только Нунцій остался на единѣ съ Королемъ, который совѣтовался съ нимъ, какъ отвѣчать. Потомъ снова призвали Самозванца. Сей вошелъ съ смиреннымъ видомъ, и положивъ руку на сердце болѣе вздохами, чѣмъ словами старался снискать королевскую милость. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнявъ шляпу, сказалъ ему:

Да спасетъ васъ Богъ, Дмитрій Князь Московскій! мы признаемъ васъ въ семъ высокомъ званіи, убѣждаясь всѣмъ слышаннымъ нами и представленными намъ письменными доводами, и въ знакъ нашего доброжелательства назначаемъ вамъ на ваши потребы ежегодно 40,000 *злотыхъ* (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей); *кромѣ того, какъ пріятелю, принятому подъ наше покровительство позволяемъ вамъ сноситься съ панами нашими и получать отъ нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только можете желать*. Смущенный радостію, Отрепьевъ не нашелъ словъ, чтобы выразить свою признательность. Нунцій за него благодарилъ Короля, и отвезъ его обратно въ домъ къ Сендомирскому Воеводѣ, гдѣ обнимая его совѣтовалъ ему приняться за дѣло какъ можно скорѣе, и въ особенности напоминалъ ему, что изъ благодарности за оказанныя ему милости, онъ долженъ спѣшить принять Римскую вѣру и водворить какъ оную, такъ и Езуитовъ не только въ Государствѣ своемъ, но даже сколь возможно будетъ въ дальнѣйшихъ странахъ Востока.

Такимъ образомъ совершилось публичное признаніе Самозванца за истиннаго Царевича при дворѣ Польскомъ; событіе важное для наглаго бродяги, ибо подавало ему неожиданныя средства къ достиженію своихъ до толь несбыточныхъ пред-

начертаній. Въ пылу своей признательности къ Езуитамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго отлагательства принять ихъ вѣру; но условились не оглашать сего до удобнѣйшаго случая, дабы преждевременно не вооружить противъ него Русскаго народа, свято привязаннаго къ старинному исповѣдованію своему. Отрепьевъ, закрывая лицо, и переодѣвшись въ нищенское платье, пришелъ въ сопровожденіи одного Польскаго вельможи въ домъ Краковскихъ Езуитовъ. Тамъ онъ отрекся отъ Восточной Церкви, исповѣдывался Езуиту и принялъ причастіе изъ рукъ Папскаго Нунція, который также совершилъ надъ нимъ мѵропомазаніе. Потомъ Самозванецъ, не преставая слѣдовать совѣтамъ Нунція, собственноручнымъ письмомъ просилъ покровительства Папы Климента VIII, который не замедлилъ ему отвѣчать весьма милостиво.

Annæ Litteræ Societatis Jesu, an. 1604.

Гревенбрухъ.

Король Сигизмундъ хотя на публичной аудіенціи и не обѣщалъ разстригѣ самъ помогать ему силою оружія, но подстрекаемый Езуитами, онъ питалъ тайное желаніе принять дѣятельное участіе въ замышляемомъ Отрепьевымъ походѣ противъ Бориса. Къ исполненію сего представлялись большія препятствія. Государь Польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма открыть войну съ сосѣдомъ, не

подавшимъ къ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцатилѣтняго перемирія съ Россіею, и не захочетъ возстановить противъ Польши новаго сильнаго врага, когда Поляки не могли еще управиться со Шведами, силившимися отнять у нихъ Лифляндію. Въ сихъ обстоятельствахъ Король вознамѣрился попытаться убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныя причины не дозволяютъ предложить на разрѣшеніе сейма воевать или нѣтъ съ Россіею, и что несомнѣнныя выгоды Республики Польской, требуютъ выступить немедленно въ походъ противъ Царя Бориса.

Немцевичъ. Знаменитѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ тогда старецъ Замойскій, Канцлеръ и великій Гетманъ Коронный: Король написалъ ему, что если Республика доставитъ царскій вѣнецъ Димитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны представится возможность не только очистить Лифляндію, но даже возстановить власть Королевскую въ Швеціи, потому что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для препровожденія Димитрія до Москвы, могутъ быть оттуда устремлены на Лифляндію и Финляндію;

что кромѣ того откроется для Польши обширный торгъ не только съ Россіею, но чрезъ нее и съ Грузіею и Персіею, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить лучшей рыцарской забавы пылкой, безпокойной молодежи Польской. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія о великомъ дѣлѣ семъ производились въ тайнѣ, между Замойскимъ и Архіепископомъ Гнѣзнинскимъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что слишкомъ часто на сихъ народныхъ съѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи Посполитой предложенія бывали отвергнуты единственно по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ пренія на сеймѣ не могутъ быть производимы безъ огласки, то Царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замышляемомъ противъ него дѣлѣ и такимъ образомъ получитъ возможность, сильно приготовиться къ борьбѣ призваніемъ на помощь къ себѣ Татаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Сигизмундъ худо зналъ Замойскаго, если надѣялся оказываемою ему довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ Шляхетскихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ Королю, что не совѣтуетъ ему вступать въ ненадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ соизволенія сейма тѣмъ паче, что если дѣйстви-

шельно дойдешъ до войны съ Россіею, то усилія ограниченныя и скороспѣшныя окажутся недостаточными, а должно будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, соотвѣтствующимъ важности цѣли, и выставить въ поле огромное войско.

Другіе вельможи Польскіе, и между прочими Напольный Коронный Гетманъ Жолкѣвскій и Князь Василій Константиновичъ Острожскій были одного мнѣнія съ Замойскимъ. Всѣ они представляли Королю, что имѣя уже дѣло со Шведами неосмотрительно было бы вдаваться безъ всякой нужды въ новую войну.

Езуиты видя неудачу съ сей стороны, стали тогда внушать Сигизмунду, что если вельможи не хотятъ открыто воевать противъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что Король имѣлъ на сіе все право, потому что самъ Борисъ дѣйствовалъ не иначе. Въ доказательство тому представляли, что не смотря на существующее перемиріе Царь пропустилъ черезъ Ингрію Шведскія войска, посланныя Карломъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, и что кромѣ того Русскіе градоначальники во Псковѣ и другихъ мѣстахъ имѣли приказаніе снабжать Шведовъ нужными для нихъ жизненными припасами. Не трудно было склонить Сигизмунда на оплату Царю тою же монетою. Король рѣшился, не оглашая

Нарушевичъ.

дѣйствія правительства, воспользоваться оказываемою охотою къ войнѣ нѣкоторыхъ Пановъ Литовскихъ и многихъ Жолнеровъ, остававшихся на Украйнѣ безъ службы, для составленія рати изъ вольницы, которую сначала намѣревался подчинить Князю Збаражскому, воеводѣ Брацлавскому. Но такъ какъ Князь сей не скрывалъ убѣжденія своего въ томъ, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, то Король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на оное доходы Сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишекъ Карамзинъ. отвезъ обратно разстригу въ Самборъ, гдѣ такъ какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

По возвращеніи своемъ въ Самборъ, Отрепьевъ сталъ открыто домогаться руки Марины. Предложенія его были приняты съ восторгомъ; однако гордый вельможа не намѣренъ былъ жертвовать дочерью своею на удачу. Свадьба была отложена до утвержденія Лжедимитрія на Московскомъ престолѣ, но между тѣмъ воевода Сендомирскій взялъ съ него запись, $^{15}/_{25}$-го Мая собственною рукою его подписанную, по силѣ коей Самозванецъ съ щедростію, свойственною человѣку, располагающему чужимъ добромъ, обѣщался тотчасъ послѣ своего воцаренія жениться на Маринѣ, и заплатить отцу ея Мнишку 1,000,000

злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), кромѣ того онъ обязывался отдать въ удѣлъ будущей супругѣ своей Государства Новгородское и Псковское, съ свободою вводить въ оныя исповѣдуемую ею Римскую вѣру, которую и самъ признавалъ за свою съ увѣреніемъ, что ничего не упуститъ для водворенія оной и во всей Россіи.

Но Мнишекъ не довольствовался устроеніемъ участи своей дочери. Встрѣчая неожиданную податливость въ нарѣченномъ зятѣ своемъ, онъ, нѣсколько дней спустя, выманилъ у него, уже собственно въ пользу свою и въ пользу Государства Польскаго, новыя уступки, весьма разорительныя для Россіи. Второю записью, писанною также въ Самборѣ, $^{2}/_{12}$-го Іюня, Самозванецъ отдавалъ будущему тестю своему Княжество Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго Княжества (вѣроятно лежащую по правой сторонѣ Днѣпра) и шесть городовъ изъ Сѣверскаго уступалъ Польшѣ. Кромѣ того Самозванецъ обѣщался еще по вступленіи своемъ на престолъ, придать Мнишку столько городовъ и земель изъ прилегающихъ къ Смоленскому Княжеству областей, сколько нужно будетъ для вознагражденія за убавленіе въ доходахъ Княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго, произшедшихъ отъ дѣлаемыхъ Польшѣ уступокъ. Исполненіе сихъ су-

мазбродныхъ обязательствъ вовлекло бы Россію въ такія пожертвованія, къ которымъ самая несчастная война едва ли могла бы ее вынудить *.

Мнишекъ, разлакомленный выговоренною имъ богатою наградою, хотя и не щадилъ имѣнія своего, однако собирающаяся подъ знаменами его шляхта не составляла довольно значительнаго войска, чтобы съ одною сею помощію самозванецъ могъ поколебать престолъ Бориса. Главнѣйшія надежды его въ семъ предпріятіи основывались на сподвижникахъ, коихъ ожидалъ найти въ нѣдрахъ самой Россіи. Но и въ семъ случаѣ, Поляки много благопріятствовали ему. Пограничные Польскіе начальники всемѣрно старались разсѣвать по Сѣверской землѣ подметныя письма разстриги, въ коихъ онъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возстанію противъ Бориса. Въ особенности такимъ образомъ ревностно дѣйствовалъ въ его пользу Михайло Ратомскій, староста Остерскій, который не только мутилъ жителей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхтича Щастнаго Свирскаго къ Донскимъ Козакамъ, коихъ наклонность къ самозванцу была уже извѣстна.

Дѣла Польскія и Нѣмецкія.

Донскіе Козаки не составляли еще сего строй-

* Смотри Приложеніе № V и № VI.

наго и воинственнаго общества, въ наши времена столь усердно и храбро подвизавшагося за Россію. Тогда они только были сволочью людей безпріютныхъ, ненавидящихъ всякую подчиненность и однимъ удальствомъ подобившихся знаменитымъ потомкамъ своимъ. Промышляя единственно разбоемъ, они много вредили Россійской торговлѣ съ Грузіею и Персіею, и даже самовольными нападеніями своими на Турецкія владѣнія весьма затрудняли мирныя сношенія, которыя Россійское правительство желало сохранить съ Портою. Царь Борисъ, разгнѣванный ихъ неистовствами, принялся укрощать ихъ, и тѣмъ ожесточилъ ихъ противъ себя. Они явно отказались отъ всякаго повиновенія и съ радостію встрѣтили пронесшуюся между ими молву, что Царевичь Димитрій находится въ живыхъ. Дерзость ихъ возрасла до такой степени, что еще въ Январѣ 1604 года они осмѣлились напасть на Окольничаго Степана Степановича Годунова, троюроднаго брата Царя, посланнаго съ порученіемъ въ Астрахань. Козаки разбили провожавшій его конвой; Годуновъ самъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Многіе изъ его людей были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ Козаки послали къ Царю съ вѣстію, что они скоро придутъ въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ весьма естественно, что шляхтичь Свирскій получилъ добрый пріемъ отъ Козаковъ. Они приговорили отправить тотчасъ въ Польшу къ Лжедимитрію атамановъ своихъ Андрея Корелу и Михайлу Нѣжакожа. Сіи посланные застали еще Самозванца въ Краковѣ, и видѣвъ, что при самомъ Королевскомъ дворѣ онъ принимается за истиннаго Царевича, не усумнились признать его за своего законнаго Государя. Возвратившись же на Донъ, они убѣдили товарищей своихъ готовиться къ походу за Димитрія. Архивскія бумаги.

Уже нѣкоторые изъ Русскихъ бѣглецовъ, въ Польшѣ находящихся, пристали къ Самозванцу и образовали первую его дружину Русскую, которая была ему весьма нужна, дабы отвратить отъ себя нарѣканіе, что онъ съ одними иноплеменными силами намѣревается вступить въ Россію. Но дружина сія была не многочисленна, и старанія разстриги, чтобы умножить ряды оной не всегда были успѣшны. Многіе изъ Русскихъ выходцевъ, гнушаясь обманомъ, не хотѣли принять участія въ зломъ дѣлѣ. Между сими отличился въ особенности сынъ боярской Яковъ Пыхачевъ и старый разстригинъ товарищъ монахъ Варлаамъ Яцкій, которые прибыли въ Краковъ для изобличенія Самозванца передъ Польскими вельможами. Но на- Челобитная Варлаама.

прасно Варлаамъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій есть монахъ Григорій Отрепьевъ, съ коимъ вмѣстѣ онъ самъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кіевъ. Король не хотѣлъ слушать истины, противной его желаніямъ, и приказалъ отправить обоихъ обвинителей къ Самозванцу въ Самборъ. Тамъ Варлаама заключили въ темницу, какъ непочтительнаго клеветника, а Пыхачева казнили подъ предлогомъ, что онъ подосланъ Борисомъ для умерщвленія Царевича.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ опаснаго свидѣтельства, разстрига не менѣе того весьма тревожился мыслію, что настоящее имя его содѣлалось извѣстнымъ. Для отвращенія худыхъ для него слѣдствій, могущихъ произойти отъ сего открытія, онъ прибѣгнулъ къ новому обману. При

Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и разстригѣ и Морозовская лѣтопись.

немъ находился вышедшій изъ Крыпецкаго Монастыря безродный монахъ Леонидъ, человѣкъ пьяный, но весьма преданный Самозванцу, который велѣлъ ему называться Григоріемъ Отрепьевымъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся отвратить отъ себя подозрѣніе, что самъ онъ былъ симъ Отрепьевымъ.

Не возможно, чтобы Царь Борисъ скоро не извѣстился о дерзкихъ проискахъ Самозванца, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ. Въ первомъ смущеніи своемъ, онъ началъ самъ нѣсколько сомнѣваться

въ убіеніи истиннаго Димитрія. Машь Димитріеву, Царицу Мароу, привезли въ Дѣвичій монастырь подъ Москвою; Царь ѣздилъ къ ней съ Патріархомъ, допрашивалъ ее, дѣлалъ по всюду точнѣйшіе розыски, и убѣдился, что несчастная жертва его властолюбія дѣйствительно пала за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ подъ нанесенными ей въ Угличѣ ударами. Между тѣмъ посланные въ Польшу лазутчики донесли, что отважный обманщикъ, дерзнувшій принять на себя имя Царевича, былъ ни кто иной, какъ Чудовскій дьяконъ Григорій Отрепьевъ, который избѣжалъ ссылки въ Соловецкій монастырь, единственно по небреженію дьяка Смирнаго, не исполнившаго Царскаго о немъ указа. Борисъ не хотѣлъ однако наказать дьяка за сіе ослушаніе, дабы не придать важности случаю, который старался еще представлять ничтожнымъ. Но злоба Царская противъ вѣтренаго чиновника не угасала. Съ лицемѣріемъ, противнымъ достоинству Государя, не смѣя карать его за настоящее преступленіе, онъ сталъ подыскиваться подъ него. Смирнаго, обвиненнаго въ расхищеніи дворцовой казны, засѣкли до смерти.

Берг.
Показанія Хрущева.
Никоновская Лѣтопись.

Положеніе Бориса было затруднительно. Если благоразуміе предписывало готовиться къ отвращенію угрожающей опасности, то съ другой стороны также полезнымъ казалось не выказывать

никакого безпокойства, дабы не возвысить въ глазахъ встревоженнаго народа соперника, коего дотолѣ можно было еще полагать достойнымъ одного презрѣнія. Въ семъ недоумѣніи, Царь рѣшился ограничиться мѣрами двуличными. Хотя зараза въ Смоленскомъ уѣздѣ слабѣла, но учрежденныя между Москвою и Смоленскомъ заставы, были протянуты до Брянска, дабы затруднить сообщенія съ Литвою. Кромѣ того Царь приказалъ Окольничимъ Петру Шереметьеву и Михайлѣ Салтыкову собрать войско подъ Ливнами, подъ предлогомъ полученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ нападеніи Татаръ на Русскіе предѣлы. Выборъ Ливенъ для сборнаго мѣста войска былъ дѣйствительно удаченъ, ибо оттуда легко было обратить оное или на Донъ противъ Козаковъ, или къ Днѣпру противъ Польши.

Показанія Хрущева.

Но Царь еще надѣялся, не обнажая меча одною силою истины побѣдить разстригу, разувѣривъ его приверженцевъ. Для сего онъ отправилъ къ Донскимъ Козакамъ дворянина Хрущева, а боярамъ своимъ приказалъ послать къ Польскимъ вельможамъ разстригина дядю роднаго, Смирнаго Отрепьева, для изобличенія племянника въ присутствіи ихъ. Посылки сіи не имѣли и не могли имѣть успѣха, потому что ополчающіеся на Россію злодѣи искали не истины, а одной собствен-

Дѣла Польскія и показанія Хрущева.

ной выгоды. Польскіе вельможи не хотѣли показать Смирному Отрепьеву Самозванца, отзываясь, что имъ до него не было ни какого дѣла и что они ему ни въ чемъ помогать не намѣрены. Хрущева порученіе кончилось еще хуже. Козаки схватили его и окованнаго отправили къ Самозванцу. Устрашенный Хрущевъ измѣнилъ своему долгу. Представленный Лжедимитрію, онъ повергся къ стопамъ его увѣряя, что по сходству его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ узнаетъ въ немъ истиннаго Государя своего. Разстрига съ любопытствомъ распрашивалъ его о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Царя Бориса. Хрущевъ въ отвѣтахъ своихъ старался единственно угодить Самозванцу, и говорилъ много долженствующихъ ему нравиться небылицъ.

Король Сигизмундъ, самъ не смѣя воевать противъ Царя Бориса, не менѣе того возбуждалъ противъ него новыхъ враговъ. Посылая въ Крымъ гонца Черкашенина, онъ писалъ съ нимъ къ Хану Казы-Гирею, что Царевичъ Димитрій готовится вступить въ Россію, для поддержанія законныхъ правъ своихъ, и что Полякамъ пріятно будетъ, если Татары станутъ помогать ему въ семъ предпріятіи.

Между тѣмъ жители окрестностей Львова и Самбора терпѣли большія притѣсненія и обиды

Рукопись Жолкевскаго. отъ развратной шляхты, собравшейся подъ хоругвію Лжедимитрія. Всѣ желали какъ можно скорѣе избавиться отъ ней. Но наборъ производился медленно, хотя Мнишекъ и не щадилъ денегъ. Самозванецъ, въ нетерпѣніи своемъ, рѣшился не дожидаться, чтобы все ополченіе было готово, и 15-го Августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ сопровожденіи двухъ Езуитовъ, Николая Черниковскаго и Андрея Лавицкаго. Разстрига, 30-го того жъ мѣсяца, прибылъ въ Глиняны, гдѣ назначенъ былъ смотръ войску. Оное состояло только изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 1,100 всадниковъ, раздѣленныхъ на пять хоругвей, а именно: Царскую, Пана Мнишка Старосты Савоцкаго *, Пана Дворжицкаго, Пана Фредро и Пана Неборскаго. Хотя Король и поручилъ все дѣло старому Мнишку, но необузданная вольность гордой шляхты требовала ея согласія на избраніе начальника. На собранномъ въ Глинянахъ Колѣ (сходкѣ), Воевода Сендомирскій провозглашенъ Гетманомъ войска, а подъ нимъ назначены два Полковника Паны Жулицкой и Дворжицкой.

Гревенбрухъ. Пэрле. Маскѣвичъ. Рукопись Ротмистра Борша изъ Пулавской библіотеки.

3-го Сентября войско двинулось изъ Глинянъ по направленію къ Кіеву. Много другихъ шляхетскихъ хоругвей, не докончившихъ еще своего обра-

* *Примѣчаніе.* Сей былъ сынъ Юрія Мнишка, Воеводы Сендомирскаго.

зованія, получили приказаніе, по совершенномъ изготовленіи, слѣдовать тѣмъ же путемъ и спѣшить соединеніемъ съ прочими товарищами своими. Приближаясь къ Кіеву, Самозванецъ и Мнишекъ были встревожены появленіемъ войска Князя Острожскаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ состоящаго. Зная, сколь Князь сей желалъ сохраненія мира между Польшею и Россіею, они опасались нападенія его, и почли нужнымъ принять мѣры чрезвычайной осторожности. Воины ихъ проводили ночи безъ огня и держали лошадей своихъ осѣдланными. Но Острожскій не имѣлъ намѣренія вооруженною рукою дѣйствовать противъ людей, коихъ предпріятіе хотя имъ не одобряемое, было тайно покровительствуемо самимъ Государемъ его. Онъ имѣлъ только въ виду охраненіе жителей Кіевскаго воеводства отъ грабительствъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ, и для того приказалъ войску своему довольствоваться наблюденіемъ за ними во время слѣдованія ихъ до Днѣпра.

Разстрига, прибывшій въ Кіевъ 7-го Октября, встрѣтилъ тутъ неожиданное препятствіе. По повелѣнію Острожскаго всѣ перевозы на Днѣпрѣ были сняты. Нѣсколько дней прошло въ отыскиваніи паромовъ, и только 13-го числа совершилась переправа въ четырнадцати верстахъ выше

Кіева, близъ устья Десны. Уже Самозванецъ былъ обрадованъ прибытіемъ перваго подкрѣпленія изъ Россіи, состоящаго изъ 2,000 Козаковъ, приведенныхъ съ Дону Свирскимъ. Такимъ образомъ въ войскѣ, съ коимъ онъ готовился переступить за границу, считалось до 4,000 человѣкъ.

Паерле.

Переправясь за Днѣпръ, разстрига началъ дѣйствовать рѣшительно. 16-го Октября онъ перешелъ за Русскій рубежъ и сталъ лагеремъ за Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вступленіе его въ предѣлы Россіи несказанно возмутило строптивый народъ Сѣверской земли. Вездѣ чернь, ненавидѣвшая Бориса, радостно принимала Самозванца съ хлѣбомъ и солью. Первымъ Русскимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ въ сей сторонѣ замокъ Муромскъ. Еще Отрепьевъ стоялъ въ тридцати верстахъ отъ онаго, какъ уже тамошніе жители прислали ему сказать, что покоряются его власти. Разстрига спѣшилъ воспользоваться ихъ добрымъ расположеніемъ и 19-го числа, выступя изъ-подъ Жукина, остановился при Полчовѣ, десять верстъ не доходя замка. Тутъ Муромляне представили ему связанныхъ воеводъ своихъ, Бориса Лодыгина и Елизарея Безобразова. Самозванецъ почелъ нужнымъ ознаменовать милосердіемъ первыя царскія дѣйствія свои. Не вмѣняя въ вину воеводамъ вѣрность ихъ къ Борису, онъ

Дневникъ похода Мнишка въ Россію.

Карамзинъ.

единственно жалѣлъ объ ихъ заблужденіи и приказалъ освободить ихъ. 21-го числа Отрепьевъ вступилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вторженіи врага въ Россію изумила Бориса. Хитрить было уже не время. Предстояла необходимость противуставить силу силѣ. Царь приказалъ собрать войско въ Брянскѣ, но и тутъ еще или дѣйствительно не постигая важности обстоятельствъ, или притворяясь не вѣрующимъ оной, онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ усиліямъ чрезвычайнымъ. Въ тогдашнее время въ Россіи ополченія были двухъ родовъ: большія, состоящія изъ пяти или иногда и шести полковъ, и второстепенныя, раздѣлявшіяся на три полка. Собиравшееся въ Брянскѣ войско было трехъ полкное, и состояло подъ главнымъ начальствомъ боярина Князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, который имѣлъ при себѣ во вторыхъ въ большомъ полку Князя Михайлу Ѳеодоровича Кашина, въ передовомъ были Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ, а въ сторожевомъ бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Князь Ѳеодоръ Звенигородскій. Кромѣ того посланы знатные чиновники въ пограничные города; въ Путивль: Михайло Михайловичъ Салтыковъ, да съ нимъ осадный воевода Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ: Бояринъ

Разрядныя книги.

Князь Никита Романовичъ Трубецкой, Окольничей Петръ Өеодоровичъ Басмановъ и Голова Андрей Воейковъ; но сіи три чиновника уже не могли достигнуть своего назначенія.

Самозванецъ не терялъ времени. Оставя въ Муромскѣ малой отрядъ для охраненія замка, онъ, 22 Октября, двинулся вдоль праваго берега Десны, и 25-го стоялъ уже лагеремъ въ семи верстахъ отъ Чернигова, а двухъ тысячный Козацкій отрядъ, составлявшій его передовую дружину подступилъ подъ самый городъ, достаточно снабженный пушками и имѣвшій крѣпкій замокъ. Жители сначала хотѣли защищаться и убили многихъ Козаковъ, пытавшихся войти силою. Но когда узнали что Муромскъ сдался добровольно, то и они положили не противиться Царевичу. Напрасно начальствующій въ городѣ, Князь Иванъ Андреевичъ Татевъ, надѣялся еще удержаться въ замкѣ, съ бывшими при немъ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Чернь, пригласивъ на помощъ Козаковъ, соединенными силами хлынула къ замку. Тогда стрѣльцы, увлеченные общимъ примѣромъ, отворили ворота и выдали воеводу своего. Татевъ оказался стольже малодушнымъ, сколь и Хрущевъ; онъ вошелъ въ службу къ Самозванцу, и сдѣлался вѣрнѣйшимъ изъ его Клевретовъ. Впрочемъ Черниговцы получили достойное наказаніе за свою тат-

Борисъ и Паерле.

яость. Впущенные ими Козаки грабили городъ, какъ будто взяли оный приступомъ. Извѣщенный о томъ разстрига, немедленно послалъ къ Козакамъ двухъ Польскихъ Пановъ для прекращенія безпорядковъ, могущихъ охладить наклонность къ нему обывателей другихъ городовъ. Но Паны сіи уже нашли все ограбленнымъ. Самозванецъ, самъ прибывшій на другой день въ Черниговъ, приказалъ возвратить похищенное, однакожъ Козаки успѣли скрыть часть своей добычи, и хозяева не все утраченное получили обратно.

Разстрига остановился въ Черниговѣ, чтобы дать отдохновеніе своему войску, въ коемъ оказывался нѣкоторый ропотъ. Въ особенности шляхта жаловалась, что за неимѣніемъ денегъ, обносилась и нуждается въ продовольствіи. Къ счастію Самозванца въ замкѣ нашлось въ сборѣ 3,000 рублей (10,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Онъ роздалъ ихъ Полякамъ.

По осьмидневномъ отдыхѣ, Отрепьевъ выступилъ опять въ походъ по направленію къ Новгороду-Сѣверскому. Передовые Козаки подъ начальствомъ Поляка Бучинскаго, явились подъ симъ городомъ 9-го Ноября. Но тутъ встрѣтили мятежники первое важное сопротивленіе. Князь Трубецкой, Басмановъ и Воейковъ, отправленные Царемъ въ Черниговъ, не могли опередить тамъ

Самозванца, и рѣшились защищать Новгородъ-Сѣверскій. Хотя Бояринъ Трубецкій былъ гораздо чиновнѣе Окольничаго Басманова, но послѣдній заправлялъ всѣмъ. Въ смутное время часто истинное достоинство беретъ верхъ, и обыкновенные люди охотно уступаютъ искуснѣйшимъ власть и отвѣтственность. Басмановъ отличался столько же честолюбіемъ, сколько и храбростію, твердостію и знаніемъ ратнаго дѣла. Онъ предупреждая измѣну обывателей, ввелъ ихъ всѣхъ въ замокъ, самъ заперся въономъ съ бывшими при немъ 600 стрѣльцовъ, а городъ велѣлъ выжечь.

Козаки, принятые пальбою изъ замка, остановились, а Бучинскій съ малою свитою подъѣхалъ къ стѣнѣ для начатія переговоровъ, къ коимъ Русскіе, кидая шапки свои въ верхъ, казалось приглашали его. Басмановъ самъ находился на стѣнѣ и спросилъ его, чего онъ требуетъ? Полякъ объяснился такимъ образомъ: *я присланъ моимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ блаженной памяти Великаго Князя Іоанна Васильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ. Небесный промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Угличѣ измѣнникомъ Борисомъ: онъ здравствуетъ и чрезъ меня, слугу своего, объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Муромска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному Госу-*

дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь на сіе, то знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, и мужей и женъ, и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не будетъ пощады. Басмановъ отвѣчалъ: *Государь нашъ и Великій Князь Борисъ, теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и негодяй; скоро онъ будетъ на колѣ со всѣми его клевретами! Спѣши удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ живыхъ.* Сія рѣчь мало понравилась Бучинскому, который расположивъ отрядъ свой на горѣ, куда Русскіе пули не достигали, спѣшилъ самъ извѣстить Самозванца, что тутъ одною лестію успѣть не можно.

Разстрига самъ подступилъ подъ замокъ 11-го числа, и расположившись, на пепелище города послалъ нѣсколькихъ Польскихъ Пановъ и Муромскихъ Русскихъ уговаривать къ сдачѣ осажденныхъ, но Басмановъ не хотѣлъ вступать въ дальнѣйшіе переговоры и приказалъ стрѣлять по посланнымъ.

Видя его упорство, Самозванецъ приступилъ къ формальной осадѣ, хотя не имѣлъ при себѣ достаточнаго снаряда для сего предпріятія. Стали копать траншеи и плесть туры, за копми выставили 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ. Поляки, подъ покровительствомъ

почти ничтожной пальбы изъ сихъ батарей, вздумали 14 числа итти на приступъ. Гусары ихъ * подступили къ замку и охотники изъ нихъ слезши съ лошадей, двукратно бросались къ стѣнѣ. Осажденные отстрѣливались такъ удачно, что непріятель оба раза былъ отраженъ съ урономъ. Не смѣя болѣе дѣйствовать открыто, Поляки подѣлали деревянные срубы, которые поставя на сани, въ ночи съ 17 на 18, двинули къ замку, а сами тихо шли позади, заслоняясь оными. За гусарами слѣдовали еще 300 человѣкъ съ соломою и хворостомъ, чемъ должны они были завалить ровъ замка, и потомъ поджечь сіи припасы въ надеждѣ пожаромъ одолѣть осажденныхъ. Такимъ образомъ Поляки безвредно подошли ко рву, но тутъ встрѣтили столь мужественное сопротивленіе со стороны вѣрныхъ воиновъ, Басмановымъ одушевленныхъ, что предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Тщетно въ ярости своей продолжали они штурмъ во всю ночь. Рѣшительно отбитые, они вынуждены были наконецъ отступить съ немалою потерею.

Неудача сія, повергла Лжедимитрія въ чрезмѣрную горесть. Сопротивленіе ничтожной крѣ-

* *Примѣчаніе.* Польская конница была двухъ родовъ: *Гусарами* назывались латники или нынѣшніе кирасиры, а легкая конница означалась подъ именемъ *Пятигорцевъ*.

пости, каковою былъ Новгородъ-Сѣверской, казалось ему разрушеніемъ всѣхъ мечтаній его. Въ порывѣ досады своей, онъ укорялъ Поляковъ, и говорилъ, что не находилъ въ нихъ ожидаемаго имъ удальства. Обидившіеся Поляки отвѣчали, что штурмовать городъ, не сдѣлавши прежде пролома въ стѣнѣ, было дѣломъ сумазброднымъ. Обоюдныя неудовольствія возрасли до такой степени, что шляхта хотѣла уже возвратиться въ Польшу. Къ счастію разстриги, чрезвычайно благопріятныя для него извѣстія, полученныя имъ въ то самое время, когда онъ самъ началъ предаваться отчаянію, ободрили всѣхъ приверженцевъ его и побудили ихъ не оставлять начатаго предпріятія.

Пламень бунта быстро распространялся по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, коимъ способствовала очевидная наклонность къ нему простаго народа, проникали по всюду и разсѣвали манифесты его, въ коихъ онъ оглашая себя Царевичемъ Димитріемъ, чудеснымъ промысломъ Всевышняго спасеннымъ отъ удара, изготовляемаго ему Годуновымъ, напоминалъ присягу, данную отцу его Царю Іоанну, и увѣщевалъ всѣхъ отстать отъ злодѣя Бориса и покориться его законной власти. Чернь съ умиленіемъ слушала сіи манифесты и съ радостію отказывалась отъ Хронографы.

послушанія ненавистнаго ей Бориса. Одни чиновные люди сохраняли еще нѣкоторую пристойность. Правда многіе изъ нихъ, выданные Самозванцу, служили уже ему, но вину ихъ можно еще было приписать страху и принужденію. Первымъ добровольнымъ измѣнникомъ оказался одинъ изъ потомковъ Рюриковыхъ, Князь Василій Михайловичъ, Мосальскій-Рубецъ. Начальствуя во вторыхъ въ Путивлѣ, онъ вмѣсто того, чтобы обуздывать жителей и воиновъ, самъ возмутилъ ихъ, связалъ главнаго начальника Окольничаго Михайлу Михайловича Салтыкова и присягнулъ разстригѣ со всѣми людьми своими, кромѣ 200 Московскихъ стрѣльцевъ, пребывшихъ вѣрными, которыхъ обезоружили, а голову и сотниковъ ихъ послали къ Самозванцу. Путивль, многолюдный и обнесенный каменною оградою, (что означало важность мѣста, потому что тогдашнія укрѣпленія городовъ Россійскихъ были почти вездѣ деревянныя), считался главнымъ городомъ въ Сѣверской землѣ. Молва о покореніи онаго Самозванцу разнеслась съ неимовѣрною скоростію, и подала поводъ къ новымъ измѣнамъ. Пагубному примѣру послѣдовали Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Борисъ-городъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ что въ Южной полосѣ Россіи, на протяженіи 600 верстъ отъ

Никоновская Лѣтопись и Гревенбрухъ.

Дневникъ Марины.

Запада къ Востоку, всѣ признавали разстригу за законнаго своего Государя.

Обрадованный симъ неожиданнымъ успѣхомъ, Самозванецъ приложилъ новыя старанія къ овладѣнію Новгородомъ-Сѣверскимъ. По повелѣнію его привезли изъ Путивля пять орудій осадныхъ и 8 полевыхъ, кои 1-го Декабря открыли огонь по замку. Почти цѣлую недѣлю, стрѣльба сія продолжалась безпрерывно денно и нощно. Деревянныя стѣны замка часто были пробиваемы, но Басмановъ не унывалъ, хотя въ одинъ день выбѣжало отъ него 80 человѣкъ, и хотя собранное подъ Брянскомъ Царское войско ничего не предпринимало для его избавленія. Начальникъ сего войска, Князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства силъ, и что потому онъ въ необходимости просить подкрѣпленія.

Борщъ и дневникъ Марины.

Никоновская Лѣтопись.

Отложеніе обширныхъ областей, робость высланнаго противъ враговъ войска и болѣе всего не понятное ослѣпленіе народа, вездѣ и даже въ самой Москвѣ оказывающаго несомнѣнную наклонность къ Самозванцу наконецъ убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожающей ему бѣды. Видя неумѣстность дальнѣйшаго выказыванія притворной самонадѣянности, онъ рѣшился употребить

на уничтоженіе злодѣя всѣ еще весьма сильныя средства, коими могъ располагать самодержецъ Россійскій. Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародовано общее земское ополченіе, отъ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, по мѣрѣ владѣемой земли. Сими ратными приготовленіями не ограничилось правительство. Царь и Патріархъ во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ торгахъ приказывали провозглашать церковное проклятіе надъ Отрепьевымъ, какъ надъ злымъ еретикомъ, хотившимся похитить Царство Московское, истребить православную Христіанскую вѣру и ввести проклятую Папежскую. Въ Москвѣ Князь Василій Ивановичь Шуйскій на лобномъ мѣстѣ торжественно увѣрялъ народъ, что будучи главнымъ лицемъ слѣдственнаго наряда о убіеніи Димитрія, онъ самъ хоронилъ его тѣло, и потому лучше всѣхъ можетъ свидѣтельствовать, что дѣйствительно въ Угличѣ убитъ былъ никто иной, какъ самъ Царевичь. Но рѣчи сіи и подобныя Патріарха и другихъ Бояръ дѣлали мало впечатлѣнія надъ предубѣжденными слушателями, которые промежъ себя толковали, что такъ говорили имъ по наущенію Бориса, которому нечего инаго и дѣлать было, какъ скрывать истинну.

Хронографы и грамоты Патріарха къ Сольвычегодскому Архимандриту.

Царь среди всѣхъ окружающихъ его опасностей, сохранялъ еще пристойную величавость въ отношеніи иностранныхъ державъ. Карлъ IX Король Шведской, естественный врагъ Польши, вызвался прислать ему вспомогательное войско, но Борисъ отвѣчалъ, что Россія при Царѣ Іоаннѣ въ одно время воевавшая съ Турками, Татарами, Поляками и Шведами, сама управится съ своимъ злодѣемъ. Впрочемъ Царь самъ не желая помощи отъ иностранцевъ, также искалъ отнять оную и у Самозванца. Въ семъ намѣреніи онъ послалъ къ Королю Сигизмунду дворянина Огарева съ грамотою, въ коей описывая все происхожденіе Отрепьева, доказывалъ его самозванство прибавляя что если бы даже и дѣйствительно онъ былъ Димитріемъ, то и тутъ не имѣлъ бы ни какого права на престолъ, ибо Царевичь, рожденный отъ седьмаго брака, церковью не признаваемаго, не могъ почитаться законнымъ наслѣдникомъ. Огаревъ имѣлъ порученіе жаловаться на помощь, даваемую Поляками разстригѣ, на побужденіе Татаръ противъ Россіи, на возмущеніе Козаковъ Литвиномъ Свирскимъ и на занятіе Княземъ Вишневецкимъ, вопреки перемирія, городища Прилуки, который Россія считала своею собственностію. Въ заключеніе, онъ долженъ былъ требовать рѣшительнаго отвѣта: чего желаетъ Польша, войны или

Нарушевичь и отвѣты Сигизмундовыхъ пословъ въ 1608 году.

мира съ Россіею? Встревоженный сею настойчивостію, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ лицемѣрнымъ увѣреніямъ, что хочетъ свято наблюдать перемиріе, и что если нѣкоторые Поляки, во зло употребляя дарованныя имъ законами вольности, въ чемъ либо нарушили постановленія сего перемирія, то будутъ строго наказаны.

Духовенство Россійское съ своей стороны, всячески, старалось предостеречь отъ обмана духовенство Польское. Патріархъ, Митрополитъ и всѣ Архіепископы и Епископы, послали къ оному гонца Бунакова съ грамотою, гдѣ всѣ они священнымъ словомъ своимъ, изобличали Отрепьева въ самозванствѣ. Кромѣ того Патріархъ послалъ отъ себя въ Кіевъ гонца Пальчикова съ письмомъ къ Князю Острожскому, коего онъ увѣщевалъ, приказать поймать разстригу и прислать его въ Москву. Но совершившіяся событія упредили отвѣты на оба сіи посланія. Участь государства уже зависѣла отъ успѣха войны.

Дѣла Польскія.

Князь Мстиславскій, собравъ на скоро нѣсколько войска въ Калугѣ, повелъ оное въ Брянскъ на соединеніе съ войскомъ Князя Димитрія Шуйскаго; совокупныя силы сіи составили сороко-тысячное ополченіе, раздѣленное на пять полковъ. Мстиславскій принялъ главное начальство, имѣя при себѣ во вторыхъ въ большомъ полку Князя Ан-

дрея Андреевича Телятевскаго; въ другихъ полкахъ начальствовали: въ правой рукѣ Князь Димитрій Ивановичь Шуйскій и Князь Михайло Θеодоровичъ Кашинъ; въ лѣвой рукѣ Василій Петровичъ Морозовъ и Князь Лука Осиповичъ Щербатовъ; въ передовомъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ; наконецъ въ сторожевомъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ. Мстиславскій выступилъ немедленно на выручку Новгорода-Сѣверскаго, и на пути, достигнувъ Трубчевска, писалъ воеводѣ Сендомирскому требуя, чтобы онъ немедленно оставилъ Самозванца и вышелъ съ Поляками своими изъ Россіи, не имѣющей брани съ Польшею. Но Мнишекъ не отвѣчалъ, ибо еще надѣялся на счастіе нареченнаго зятя своего. Дѣла Польскія.

18-го Декабря Россійское войско достигло рѣки Узруя, въ восьми верстахъ отъ Новгорода-Сѣверска, и переправилось чрезъ сію рѣку не смотря на сопротивленіе Самозванцевой передовой стражи, которая вынужденною нашлась отступить до его лагеря.

Хотя Лжедимитрій и былъ уже подкрѣпленъ прибытіемъ изъ Польши послѣднихъ тамъ образующихся шляхетскихъ ротъ, и вступленіемъ къ нему въ службу многихъ бродягъ Сѣверскихъ, однако со всѣмъ тѣмъ нельзя полагать, чтобы онъ

имѣлъ при себѣ болѣе 15,000 человѣкъ, изъ коихъ третья часть Поляковъ, и слѣдственно силы его казались весьма недостаточными, чтобы противиться наступающему на него сорокотысячному непріятелю. Но онъ хорошо постигъ, что отъ одной слѣпой отваги долженъ былъ ожидать удачи въ чудномъ предпріятіи своемъ, и потому вознамѣрился, не смотря на чрезвычайное неравенство силъ, вступить въ сраженіе, надѣясь впрочемъ, что измѣна поддавшихся ему городовъ будетъ имѣть вліяніе и на самихъ воиновъ Мстиславскаго, и что они не охотно подымутъ оружіе противъ того, котораго обширная часть Россіи признавала уже за истиннаго Государя своего.

Въ слѣдствіе сей рѣшимости 20-го Декабря онъ вывелъ войско свое изъ лагеря на обширную равнину, гдѣ стоялъ Мстиславскій. День проведенъ въ маловажныхъ стычкахъ и безполезныхъ

Рукопись Борша.

переговорахъ. Только Басмановъ частыми вылазками тревожилъ тылъ Самозванца, который для удержанія его вынужденъ былъ отрядить нѣсколько сотъ Козаковъ.

Мстиславскій 21-го числа подступилъ къ непріятельскому лагерю. Лжедимитрій опять смѣло вышелъ ему на встрѣчу и готовясь къ бою, почелъ нужнымъ воспламенить усердіе своихъ сподвижниковъ

движниковъ, плодовитою рѣчью, въ коей дерзалъ Паерле. призывать Царя Бориса къ суду Божію. Хотя измѣны, на которую считалъ Самозванецъ, и не оказалось, однако недоумѣніе разливалось въ рядахъ Царскихъ воиновъ и приводило ихъ въ такое оцѣпенѣніе, что сраженіе продолжалось не долго. Правда Москвитяне отразили первое нападеніе Польской конницы, но сія искра храбрости скоро угасла. Борштъ и Маржеретъ. Правое Царское крыло не выдержало новаго натиска свѣжихъ Польскихъ хоругвей и опрокинулась на Большой полкъ; сей также дрогнулъ, не смотря на благородныя усилія главнаго вождя, Князя Мстиславскаго, который не щадилъ себя, и отягченный многими ранами, палъ съ коня; подоспѣвшая къ нему на помощь дружина стрѣльцовъ едва успѣла спасти его отъ плѣна. Въ тоже время, Польская пѣхота вытиснула другихъ Царскихъ стрѣльцовъ изъ занимаемой ими лощины. По свидѣтельству очевидца, *казалось, что у Россіянъ не было рукъ для сѣчи*, и Лжедимитрій вѣроятно одержалъ бы побѣду совершенную, если бы въ рѣшительную минуту пустилъ въ дѣло запасныя войска свои, но по неопытности онъ не сдѣлалъ сего, и такимъ образомъ далъ возможность Царскимъ воеводамъ, послѣ двухъ или трехъ-часнаго боя, отступить хотя не безъ урона, но по крайней мѣрѣ съ сохранені-

емъ состава войска. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ на пространствѣ девяти верстъ. Сіе постыдное дѣло стоило Русскимъ до 4,000 человѣкъ убитыхъ; Поляковъ пало только 120.

Дневникъ Мнишка и Борша.

Впрочемъ одержанная Самозванцемъ побѣда ни сколько не была рѣшительною, а полууспѣха не достаточно было, чтобы улучшить его положеніе. Царская армія отошла не далеко, и остановилась въ четырнадцати верстахъ отъ мѣста сраженія въ лѣсу, гдѣ прикрылась окопами и засѣками. Лжедимитрій не смѣлъ, такъ сказать подъ ея глазами, продолжать осаду Новгорода-Сѣверска, не смотря на ожидаемое имъ сильное подкрѣпленіе. Старые товарищи его, Запорожцы, привлеченные надеждою богатой добычи, шли къ нему на помощь въ числѣ 12,000 человѣкъ, изъ коихъ 4,000 пѣшихъ прибыли въ станъ его на другой день сраженія. Прочіе 8,000 конныхъ, съ 14 пушками, также находились уже въ близкомъ разстояніи. Но если такимъ образомъ, число разстригина войска значительно увеличивалось, съ другой стороны настоящая сила онаго, ослабѣвала, потому что Поляки, составлявшіе лучшую его дружину, отказывались долѣе служить ему. Иноземцы сіи, изъ одной корысти принявшіе его сторону, роптали на предстоящіе имъ труды и неотступно требовали обѣщаннаго имъ жало-

ванья. Лжедимитріева казна не достаточна была для удовлетворенія ихъ. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ, Самозванецъ рѣшился дать отдохновеніе войску своему на зимнихъ квартирахъ, въ изобильной съѣстными припасами Комарицкой волости. Въ семъ намѣреніи, 2-го Января 1605 года, онъ оставилъ Новгородъ-Сѣверскій и переправясь черезъ Десну, направился на Сѣвскъ.

Между тѣмъ неудовольствіе Поляковъ возрастало ежедневно, и уже на второмъ переходѣ отъ Новгорода-Сѣверска они оказывали мало охоты углубляться далѣе въ Россію. Тогда товарищи хоругви Пана Фредро, кричавшіе болѣе всѣхъ прочихъ, велѣли тайно сказать Самозванцу, что если онъ однимъ имъ дастъ жалованье, то они останутся въ его службѣ, а что глядя на нихъ и другія хоругви не покинутъ его. Разстрига къ несчастію своему повѣрилъ имъ, но хотя раздача имъ денегъ была сдѣлана не гласно и въ ночное время, другія хоругви узнали объ оной, и тогда возмущеніе сдѣлалось всеобщимъ. Напрасно Самозванецъ скакалъ изъ хоругви въ хоругвь, увѣщевая недовольныхъ повременить еще возвращеніемъ въ Польшу. Его не слушали и буйство дошло до такой степени, что Поляки сорвали съ него соболью шубу и что одинъ изъ нихъ осмѣлился даже сказать ему: *Ей, ей быть тебѣ на столбѣ.*

Разгнѣванный Лжедимитрій наказалъ его пощечиною, но шубу свою не иначе получилъ обратно, какъ послѣ того, когда Русскіе его приверженцы выкупили оную за 300 злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Бунтъ окончился тѣмъ, что старый Мнишекъ, который былъ тогда боленъ, вынужденнымъ нашелся обѣщать самъ весть обратно въ Польшу соотечественниковъ своихъ. Такимъ образомъ большая часть Шляхты 4 Января оставила Лжедимитрія и направилась мимо Путивля на Пырятинъ. При Самозванцѣ осталось всего на всего не болѣе 1,500 Поляковъ. Мало утѣшенный прибытіемъ остальныхъ Запорожцевъ, онъ засѣлъ въ Чемлинскомъ острогѣ, откуда потомъ перешелъ въ Сѣвскъ.

Царскіе воеводы столь поражены были претерпѣнною ими неудачою подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, что отъ стыда даже не смѣли донесть Борису о происшедшемъ. Когда же Самозванецъ снялъ осаду Новгорода-Сѣверска, то они
Разряды 1605 года. сами отступили къ Стародубу. Царь, извѣщенный стороною о подробностяхъ несчастной битвы, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, послалъ чашника Вельяминова-Зернова, укорять Князя Димитрія Шуйскаго и товарищей его въ непростительномъ молчаніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Борисъ почелъ благоразумнымъ не умножать унынія въ ратныхъ

людяхъ, и для того не только удержался отъ заслуженныхъ ими упрековъ, но даже притворяясь, будто неизвѣстенъ о малодушныхъ ихъ дѣйствіяхъ, поручилъ Вельяминову сказать милостивое слово всему войску и засвидѣтельствовать признательность свою почтенному Князю Мстиславскому, для излѣченія коего послалъ изъ Москвы доктора и аптекаря.

Храбрые защитники Новгорода-Сѣверска также не остались безъ награжденія. Князь Трубецкой и Басмановъ, призванные въ Москву были весьма чествмы, а въ особенности Басмановъ, которому Царь изъ своихъ рукъ далъ золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами и сверхъ того 2,000 рублей (6,666 нынѣшнихъ серебряныхъ) и много серебра изъ Царской казны. Берг и Никоновская Лѣтопись.

Но первѣйшимъ занятіемъ Царя было поставить военныя силы свои въ такое положеніе, чтобы успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для сего, онъ отправилъ еще подкрѣпленія къ главному войску, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву собирать новый запасный корпусъ въ окрестностяхъ Кромъ. Мѣры сіи казались достаточными, но Борисъ безпокоился мыслію, что до выздоровленія Князя Мстиславскаго верховное начальство въ главномъ войскѣ находилось въ рукахъ Князя Дмитрія Шуйскаго, уже на опытѣ Разряды 1605 года.

оказавшаго свою ничтожность. Впрочемъ Царь не хотѣлъ обидить вельможу сего, который былъ ему своякомъ, и потому рѣшился назначить старшаго брата его роднаго, Князя Василія Ивановича, прибыльнымъ воеводою въ большомъ полку, что давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мстиславскаго.

Князь Василій Ивановичъ, въ сопровожденіи многихъ стольниковъ и стряпчихъ, отправился изъ Москвы и нашелъ войско близъ Стародуба. Хотя оное уже простиралось до 70,000 человѣкъ, однако воеводы не только ничего не предпринимали, но даже какъ бы сами скрывались среди лѣсовъ. Новый вождь объявилъ имъ волю Царскую, немедленно идти на непріятеля, и всѣ двинулись къ Сѣвску. Узнавъ о приближеніи ихъ, Лжедимитрій совѣтовался съ Польскими и Козацкими старшинами. Поляки представляли, что такъ какъ было еще болѣе несоразмѣрности въ силахъ, чѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ *, то

Боршъ и Маржеретъ.

* *Примѣчаніе.* Отрепьевъ не имѣлъ при себѣ болѣе 23,000 человѣкъ подъ ружьемъ. Н. М. Карамзинъ даетъ ему только 15,000, но онъ основываетъ сей расчетъ на показаніяхъ Бера и Паерле, которые очевидно вездѣ увеличиваютъ число Царскихъ войскъ и убавляютъ таковое жъ Самозванцевыхъ. Достовѣрно то, что въ Сѣвскѣ было при Лжедимитріѣ 12,000 Запорожцевъ и 1,500 Поляковъ, какъ показываетъ очевидѣцъ, служившій тогда въ числѣ Польскихъ Полковниковъ, Панъ Боршъ. Кромѣ того другой

казалось благоразумнѣе уклоняться отъ столь неравнаго боя, и сколь возможно медлить дѣйствіями въ ожиданіи удобнѣйшаго случая. Но Запорожскіе Атаманъ и Полковники были противнаго мнѣнія, и предлагали смѣло итти на встрѣчу Царскимъ воинамъ, въ надеждѣ смутить ихъ самою отвагою предпріятія. Такъ какъ Запорожцы составляли знатнѣйшую часть войска Лжедимитрія, то онъ почелъ необходимымъ послушаться ихъ, къ чему еще былъ побуждаемъ воспоминаніемъ Новгородъ-Сѣверской удачи.

Въ слѣдствіе сего Самозванецъ двинулся 20-го Января изъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, и подъ вечеръ встрѣтилъ Царское войско, тѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ. Разстрига, хотя рѣшившійся на бой, искалъ однако нападеніемъ въ расплохъ нѣсколько вознаградить неравенство силъ; въ семъ намѣреніи онъ приказалъ преданнымъ ему Добруньскимъ жителямъ ночью зажечь село, а самъ готовился внезапно ударить на разстроенныя тревогою Царскія войска. Но Борисо-

очевидѣцъ, Маржеретъ, пишетъ, что разстрига въ бытность свою въ Комарицкой волости собралъ, сколько могъ Русскихъ воиновъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Не безъ вѣроятія полагать можно, что онъ имѣлъ въ сборѣ до 10,000 Русскихъ воиновъ.

вы воеводы остереглись, и зажигатели не могли совершить своего предпріятія.

Оставалось сразиться въ открытомъ полѣ. На разсвѣтѣ 21-го Января Царская конница выстроилась по обѣимъ сторонамъ селенія, сильно занятаго пѣхотою: Князь Мстиславскій, можетъ быть не совершенно еще изцѣлившійся отъ полученныхъ ранъ, но не желавшій уступить одному Князю Василью Шуйскому честь побѣды, довольно вѣроятной, сѣлъ на коня и распоряжалъ войскомъ. Лжедимитрій съ своей стороны предполагая нанесть главные удары правому крылу Царскаго войска, самъ съ палашемъ въ рукахъ повелъ на оное Польскія хоругви и свои Русскія дружины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрядилъ конныхъ Запорожцевъ въ право, для удержанія лѣваго Царскаго крыла, а пѣшимъ Запорожцамъ приказалъ съ тяжелыми орудіями остановиться за горою, въ нѣкоторомъ разстояніи позади дѣйствующихъ войскъ, коимъ они должны были служить резервомъ; распоряженія довольно замѣчательныя, открывающія замысловатое намѣреніе, въ случаѣ успѣха отбросить Царское войско на рѣку Сѣву. Разстрига, съ обыкновенною своею словоохотливостію, говорилъ войску рѣчь почти одинаковаго содержанія съ произнесенною имъ подъ Новгоро-

домъ-Сѣверскимъ, но не всегда нечестивая наглость остается безъ заслуженнаго наказанія.

Послѣ небольшой стычки между передовыми отрядами, открылась пушечная пальба, въ слѣдъ за коей Самозванецъ приказалъ Полякамъ спуститься въ лощину, прикрывающую правое Царское крыло, и стараться отрѣзать оное отъ селенія, Борштъ. въ центрѣ находящагося. Семь Польскихъ хоругвей, подъ предводительствомъ Гетмана Дворжицкаго *, выстроились въ одинъ рядъ и бросились впередъ стремглавъ, будучи поддерживаемы послѣднею осьмою хоругвью Польскихъ гусаръ и всею Русскою конницею, которой приказано было надѣть сверхъ латъ бѣлыя рубахи, для различія отъ Паерле. Царскихъ всадниковъ. Князь Мстиславскій, не выждавъ нападенія, самъ двинулъ на встрѣчу непрія- Маржеретъ и Борштъ. телю правое крыло свое, въ головѣ коего находились двѣ дружины иноземцевъ, подъ начальствомъ Лифляндца Фонъ Розена и Француза Маржерета. Поляки неслись съ такою яростію, что иноземцы послѣ кратковременнаго сопротивленія были опрокинуты, а глядя на нихъ и вся Царская конница праваго крыла обратилась въ бѣгство. Тогда Дворжицкой, повернувъ въ право, направился

* *Примѣчаніе.* Послѣ отъѣзда Мнишка, Дворжицкой былъ назначенъ главнымъ начальникомъ оставшихся при Отрепьевѣ Польскихъ войскъ.

на селеніе, занимаемое Царскою пѣхотою, которая допустивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, сдѣлала по немъ залпъ изъ 10 или 12 тысячь ружей. Стрѣльба сія хоть не довольно мѣткая, чтобы много вредить Полякамъ, привела однако ихъ въ большое замѣшательство, которое обратилось въ совершенное разстройство, когда одинъ изъ соотечественниковъ ихъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные Запорожцы, встревоженные трескомъ и дымомъ ружейной пальбы, оставили мѣсто сраженія и не бывъ ни кѣмъ тѣснимы, опрометью побѣжали по Рыльской дорогѣ. Смущенная сею неожиданною робостію Днѣпровскихъ удальцевъ, конница Польская и Русскихъ злодѣевъ также обратила тылъ и понеслась въ слѣдъ за Козаками, оставивъ на жертву Запорожскую пѣхоту, которая немедленно была окружена и совершенно истреблена, послѣ мужественнаго сопротивленія. Бѣглецы безоглядно промчались до города Рыльска, находящагося въ 80-ти верстахъ отъ мѣста сраженія. Ихъ преслѣдовалъ шеститысячный отрядъ Царской конницы, но только на пространствѣ 8 верстъ. Петрей. Впрочемъ блистательная побѣда сія стоила не дорого; уронъ Царскаго войска состоялъ только изъ 500 Россіянъ и 25 иностранцевъ. Непріятель потерялъ 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій и

до 6,000 человѣкъ убитыми, кромѣ попавшихся въ плѣнъ. Самъ Лжедимитрій находился въ величайшей опасности. Раненый въ ногу конь его уже отказывался нести его; спасеніемъ своимъ онъ былъ одолженъ Князю Татеву, который выпроводилъ его до Рыльска. Маржеретъ. Никоновская Лѣтопись.

Запорожскіе Козаки также искали убѣжища въ Рыльскѣ; но тамошніе жители, упрекая ихъ въ измѣнѣ Димитрію и въ трусости, не только не согласились впустить ихъ къ себѣ, но даже стрѣляли по нимъ. Не лучше имъ сдѣланъ былъ пріемъ и въ Путивлѣ, почему и рѣшились они оставить Россійскіе предѣлы и возвратиться въ Запорожье. Беръ.

Царскіе воеводы отправили къ Борису съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ Чашника Михайлу Борисовича Шеина, и также послали въ Москву плѣнныхъ Поляковъ и Запорожцевъ. Русскіе же измѣнники, попавшіеся въ плѣнъ, были повѣшаны передъ войскомъ. Никоновская Лѣтопись. Маржеретъ.

Самозванецъ отдохнувъ два дня въ Рыльскѣ переѣхалъ въ Путивль. Не смотря на легкомысленную его самонадѣянность, положеніе, въ коемъ онъ находился, казалось ему самому отчаяннымъ. Послѣ претерпѣннаго пораженія, оставались при немъ только горсть людей, съ коими не льзя было ему надѣяться еще продолжать вой- Боршъ.

ну. Правда Сѣверскій народъ не отставалъ отъ него и готовъ былъ еще служить ему, но за недостаткомъ денегъ, новые набранцы оставались бы безъ оружія и безъ пропитанія. Въ сей крайности, Отрепьевъ замышлялъ уже отказавшись отъ предпріятія неудачнаго, тайно уйти въ Польшу. Но Русскіе приверженцы его не позволили ему исполнить сего намѣренія. Участь Добруньскихъ плѣнниковъ показывала имъ, что нельзя было имъ ожидать пощады отъ Бориса, и они рѣшились до конца отыскивать успѣха, хотя почти вовсе неимовѣрнаго, но въ коемъ находили для себя единственный залогъ безнаказанности. Они объявили Лжедимитрію, что не выпустятъ его изъ Путивля, и что ему предстоитъ пить одинакую чашу съ ними и спастись или погибнуть всѣмъ вмѣстѣ. Даже грозили ему, если онъ не ободрится, выдать его Царю и тѣмъ еще попытаться выслужить себѣ помилованіе. Разстрига, такимъ образомъ вынужденный продолжать свое самозванство, снова ревностно принялся за дѣло. Первымъ стараніемъ его было удержать при себѣ остатки разбитаго войска. Поляки готовились уже разойтиться по домамъ. Онъ уговорилъ большую часть изъ нихъ еще не покидать его, и такъ какъ они въ несчастной бытвѣ переломали или побросали всѣ копья, то онъ приказалъ имъ

Хронографы и отвѣты Польскихъ Пословъ въ 1606 году.

сдѣлать новыя. Между тѣмъ онъ не упустилъ также изыскивать средства къ возстановленію силъ своихъ, какъ извнѣ такъ и внутри Россіи. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ Князя Татева просить у Короля Сигизмунда немедленнаго вспоможенія. Для умноженія же числа своихъ приверженцевъ въ Россіи, онъ издалъ новые манифесты, гдѣ нѣсколько пространнѣе прежняго разсказывалъ вымышленную исторію свою, но новыхъ доказательствъ въ подлинности оной ни какихъ не представилъ, а ссылался, какъ и прежде, на свидѣтельство людей все умершихъ, какъ то, Князя Ивана Мстиславскаго, дьяка Андрея Щелкалова и Литовскаго Канцлера Сапѣгу. Впрочемъ нашлось много людей легковѣрныхъ, которые, слѣпо вѣря нравящейся имъ баснѣ, спѣшили въ Путивль, дабы предложить услуги свои тому, кого считали несчастною жертвою властолюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенности разстрига утѣшенъ былъ возвращеніемъ къ нему въ Путивль 4,000 Донскихъ Козаковъ. Неизвѣстно куда они ходили изъ подъ Новгорода-Сѣверска, но достовѣрно только то, что ихъ не было при Самозванцѣ подъ Добрыничами. Что же касается до посылки Князя Татева, то оная не имѣла успѣха. Король Сигизмундъ, видя худой оборотъ дѣлъ Отрепьева, Паерле.

Отвѣты Польскихъ Пословъ въ 1606 году.

не хотѣлъ подать повода Россіи негодовать на Польшу, и отказался принять Ташева.

Между тѣмъ Шеинъ нашелъ Бориса на богомольѣ въ Троицко-Сергіевомъ Монастырѣ. Извѣстія, привезенныя имъ, чрезмѣрно обрадовали Царя, который пожаловалъ вѣстника въ Окольничіи и немедленно послалъ чрезъ любимаго стольника своего, Князя Мезецкаго золотыя * воеводамъ и 10,000 рублей (33,333 нынѣшнихъ серебряныхъ) для раздачи войску. Можетъ быть здравая политика требовала бы, чтобы при семъ случаѣ Государь обуздалъ строгость, по крайней мѣрѣ преждевременную, оказываемую воеводами надъ Русскими плѣнными. Должно было предвидѣть, что неминуемымъ слѣдствіемъ оной будетъ отдалить всякую мысль покорности въ сподвижникахъ Самозванца, и принудить ихъ къ

Разрядныя книги и Беръ.

---

* *Примѣчаніе.* Присылка золотыхъ сихъ поселила раздоръ между воеводами. Начальникъ лѣвой руки, Василій Петровичь Морозовъ, не принялъ Царскаго дара потому что второй воевода большаго полка Князь Андрей АндреевичьТелятевскій, котораго онъ считалъ моложе себя, получилъ золотой одинаковаго достоинства съ присланнымъ ему. Онъ былъ отозванъ, но на мѣсто его назначенный Замятня-Сабуровъ, также обижался быть только начальникомъ полка лѣвой руки, когда Князь Василій Васильевичь Голицынъ, коему онъ не уступалъ въ старѣйшинствѣ, начальствовалъ надъ болѣе почетнымъ передовымъ полкомъ.

отчаянному сопротивленію. Но Борисъ былъ злопамятенъ и жестокосердъ. Въ упоеніи давно нетерпѣливо ожидаемой имъ побѣды, онъ не только далъ волю воеводамъ, но даже требовалъ отъ нихъ большей суровости, полагая дѣло уже совершенно конченнымъ и что оставалось ему только тѣшиться казнями тѣхъ, которые осмѣлились столь нагло потревожить его спокойствіе.

Житіе Димитрія Царевича, св. Димитрія Ростовскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что все могло бы быть конченнымъ, если бы воеводы живо воспользовались пораженіемъ врага, но они дѣйствовали вяло и какъ будто нехотя. Царское войско подступило подъ Рыльскъ на другой день выѣзда Самозванца изъ сего города. Жители, воспламененные начальниками своими, Княземъ Григоріемъ Рощею-Долгорукимъ и Яковомъ Зміевымъ, злыми приверженцами разстриги, не хотѣли сдаваться. Воеводы рѣшившись добывать городъ формальною осадою, приказали плесть туры, копать траншеи и ставить батареи, изъ коихъ открыли огонь. Рыляне также сильно отстрѣливались и просили помощи у Самозванца, который послалъ имъ 500 Поляковъ и 2,000 Русскихъ. Отрядъ сей, пользуясь безпечностію Царскихъ воеводъ, успѣлъ ночью тайно пробраться въ городъ и значительно усилилъ упорство осажденныхъ. Наконецъ Царскіе воеводы, послѣ пятнадцати - дневнаго

Никоновская Лѣтопись и Бортъ.

стоянія, сняли осаду Рыльска и отошедъ въ Комарицкую волость, расположились тамъ близъ Рагодетскаго острога, дабы до весны дать отдохновеніе войску, весьма утомленному зимнимъ походомъ. Оставался еще въ полѣ только Шереметевъ, который тотчасъ по полученіи имъ извѣстія о Добруньской побѣдѣ, собралъ предводительствуемый имъ запасный корпусъ и съ онымъ обложилъ городъ Кромы, коего жители, послѣдуя примѣру Рылянъ, изготовились къ оборонѣ.

Маржеретъ.

Обыватели Комарицкой волости изъявляли большую преданность Самозванцу, когда онъ съ войскомъ своимъ стоялъ у нихъ, и сею измѣною безъ сомнѣнія заслужили наказаніе. Но благомыслящее правительство, исполняя печальный долгъ, — карать преступниковъ, умѣетъ быть строгимъ безъ лютости. Не такъ поступили Царскіе воеводы. Ожесточенные претерпѣнною ими подъ Рыльскомъ неудачею, они звѣрски вымѣщали за оную надъ несчастными Комарицкими жителями. Вся волость была немилосердо опустошена; жителей мучили и убивали. Не только кресшьянъ, но женъ ихъ и дѣтей вѣшали за ноги на деревьяхъ и потомъ стрѣляли въ нихъ изъ ружей, какъ въ цѣль. Пишутъ, что такимъ образомъ погибло до нѣсколькихъ тысячь душъ.

Св. Димитрій Ростовскій, Беръ и Паерле.

Сими неистовствами можетъ быть воеводы желали еще выслужиться у злобнаго Царя. Но Борисъ, горестно удивленный отступленіемъ войска отъ Рыльска, былъ внѣ себя отъ досады. Отложивъ благоразуміе, оказанное имъ послѣ несчастной Новгородъ-Сѣверской битвы, онъ послалъ въ Рагодетской острогъ Окольничаго Петра Никитича Шереметева и думнаго дьяка Афанасья Власьева, объявить свой гнѣвъ не только воеводамъ, но и всему войску, оставляя на ихъ отвѣтственности бѣдствія, могущія произойти отъ ихъ нерадѣнія, коему обязанъ былъ разстрига своимъ спасеніемъ. Между тѣмъ требовалъ, чтобы вмѣсто отдохновенія, шли немедленно подъ Кромы на соединеніе съ отрядомъ Шереметева, и совокупными силами непремѣнно взяли сей городъ. Ослушаться еще не смѣли, но лѣтописцы наши замѣчаютъ, что вся рать оскорбилась укорнымъ словомъ Царя, и что съ тѣхъ поръ многіе, до толѣ вѣрные, страшась жестокой опалы, стали помышлять, какъ бы избыть Бориса и поддаться Самозванцу.

Никоновская Лѣтопись.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ Царскихъ подъ Кромами составляло ополченіе болѣе чѣмъ во сто тысячь человѣкъ, противъ усилій коихъ казалось вовсе невозможнымъ устоять ничтожному городу. Но защитники онаго, въ изступленіи

я

страстей, обыкновенно междоусобными раздорами возжигаемыхъ, и не помышляли о сдачѣ, а готовились къ отчаянному отпору. Впрочемъ, судя по малолюдству ихъ, отважная рѣшимость едва ли бы служила имъ спасеніемъ, если бы Самозванецъ не поспѣшилъ прислать къ нимъ на помощь
Борщъ. 4,000 Донскихъ Козаковъ и Русскихъ. Въ семъ случаѣ Царскіе воеводы оказали такую же оплошность, какъ подъ Рыльскомъ. Вспомогательный отрядъ, старавшійся ночью пробраться въ Кромы, былъ замѣченъ когда уже находился подъ стѣнами осажденнаго мѣста, и Царскія войска могли только тѣснить хвостъ непріятеля, и не воспрепятствовали ему войти въ городъ.

Огорченные сею неудачею, воеводы рѣшились нещадить городъ, и выставили сильныя батареи изъ пушекъ и мортиръ. Осажденные не робѣли и съ усердіемъ подвергались трудамъ и опасностямъ, слѣдуя примѣру начальниковъ своихъ, Григорья Акинфіева и Донскаго Атамана Корелы. Въ особенности доблестью и искусствомъ отличался Корела, такъ что
Петрей. между современниками онъ прослылъ чародѣемъ. Ненадѣясь на деревянную стѣну, составляющую единственное укрѣпленіе города, онъ приказалъ обвесть
Беръ. оный валомъ со рвомъ, а подъ валомъ подѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣсныхъ ударовъ. Сими оборонитель-

ными мѣрами не довольствовались Козаки: они изо-рва, прокопали нѣсколько контръ-апрошъ, откуда часто выползали и тревожили батареи и траншеи осаждающихъ. Когда же Царскія дружины собирались для нанесенія имъ сильнаго удара, то они уходили въ норы свои, куда не смѣли за ними слѣдовать Царскіе воины.

Князь Мстиславскій съ товарищами, стыдясь наконецъ терять безполезно людей и время подъ стѣнами маловажнаго города, приступили къ рѣшительному дѣйствію. Подосланные ими воины ночью зажгли деревянную городскую стѣну. Пожаръ сдѣлался ужасный; стѣна сгорѣла, а осажденные, гонимые пламенемъ, покинули городъ и искали убѣжища въ острогѣ. Царскія войска безпрепятственно засѣли на валу, такъ что городъ можно было почесть взятымъ; оставалось только покорить острогъ, гдѣ непріятель за тѣснотою мѣста не долго бы въ состояніи былъ держаться. По несчастію, одинъ изъ воеводъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, уже выступалъ на позорное поприще измѣны, на коемъ долженъ былъ доставить печальную извѣстность имени своему, и навлечь на себя проклятіе отечества. Безъ приказа главныхъ вождей и безъ совѣта товарищей своихъ, онъ свелъ съ вала засѣвшихъ тамъ воиновъ, и велѣлъ имъ отступить въ траншеи,

Никоновская Лѣтопись.

какъ говорятъ лѣтописцы *наровя тому окаянному Гришкѣ*. Такимъ образомъ осажденные, по утушеніи пожара, получили возможность выйти изъ острога и снова занять городской валъ.

Узы подчиненности до такой степени находились ослабленными въ Царскомъ войскѣ, что Мстиславскій и Шуйскій, не подумали, или не посмѣли наказать Салтыкова. Они даже не удалили его отъ себя, и злодѣй сохранилъ важное мѣсто, предоставляющее ему способы замышлять новыя измѣны.

После сего неудачнаго покушенія, воеводы не предпринимали болѣе ничего важнаго. Впрочемъ нѣсколько времени спустя войско находилось въ такомъ печальномъ состояніи, что несправедливо было бы осуждать вождей въ бездѣйствіи. Необыкновенная суровость поздней зимы имѣла пагубное вліяніе на здоровье Царскихъ воиновъ. Жестокій понось свирѣпствовалъ въ ихъ станѣ и причинилъ большую смертность. Царь съ свойственною ему заботливостію, прислалъ изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спасительное дѣйствіе прекратило болѣзнь.

Хронографъ.

Никоновская Лѣтопись.

Безплодное стояніе Борисовыхъ воеводъ подъ Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ правительству и наклонность къ Самозванцу. Даже въ Москвѣ громко толковали, что само Провидѣніе

видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго одолѣть не могутъ несмѣтныя силы, выставленныя противъ него. Ожесточенный Царь люто наказывалъ болтливыхъ: многимъ рѣзали языки, Хронографъ. другихъ даже предавали смерти. Суровость сія могла воздержать нескромныхъ, но не перемѣняла расположенія сердецъ, съ непонятнымъ ослѣпленіемъ влекомыхъ къ Лжедимитрію. Особливо въ Сѣверской землѣ всѣ единодушно признавали разстригу за истиннаго Царевича. Напрасно Борисъ пытался еще разъ вразумить тамошній народъ. По повелѣнію его три монаха, знавшіе Отрепьева, когда онъ былъ діакономъ, отправились въ Путивль съ грамотами отъ Царя и Патріарха къ Патріар. духовенству и обывателямъ, въ коихъ увѣщевали схватить Самозванца и съ приверженцами его отправить въ Москву. Иноки, прочитавъ грамоты, сами съ своей стороны заклинали народъ невѣрить гнусному обману, и говорили, что Лжедимитрій никто иной, какъ старый ихъ товарищъ Отрепьевъ. Разстрига велѣлъ немедленно поймать ихъ, и подвергнуть пыткѣ. Двое, которые были помоложе, выдержали муку, но третій, уже старикъ, оказалъ малодушіе. При самомъ началѣ истязанія, онъ обѣщалъ повиниться во всемъ, и просилъ переговорить съ Самозванцемъ на единѣ. Разстрига согласился допустить его до себя, и

слѣдствіемъ ихъ свиданія было то, что двое изъ окружающихъ Лжедимитрія сановниковъ, оговоренные старымъ монахомъ, были выданы народу и разстрѣляны на площади, подъ предлогомъ, что вели тайную переписку съ Борисомъ и обѣщали ему отравить Лжедимитрія. Доноситель былъ щедро награжденъ, а его непреклонныхъ товарищей заключили въ темницу.

Третій мѣсяцъ уже протекалъ послѣ Добрыньской битвы, а важнаго перевѣса не было ни на той ни на другой сторонѣ. Правда, дѣла Самозванца, оправившагося послѣ страшнаго пораженія, видимо улучшились, и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, но совсѣмъ тѣмъ, онъ не былъ еще въ состояніи снова выступить въ поле и вынужденнымъ находился оставаться въ Путивлѣ, въ оборонительномъ положеніи. Казалось, что междоусобію суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе, произвело нечаянный переломъ. Ничто не предвѣщало близкой кончины Царю Борису. Онъ имѣлъ отъ роду только 53 года, былъ бодръ, и здоровье его казалось надежнымъ; хотя онъ съ давнихъ лѣтъ и страдалъ подагрою, но всѣмъ извѣстно, что сей недугъ не противенъ долголѣтію. Не смотря на то, могила уже готовилась для него. По утру, 13-го Апрѣля, онъ еще зани-

мался дѣлами, потомъ обѣдалъ, но когда всталъ изъ-за стола, то вдругъ почувствовалъ сильную немощь. Едва успѣли причастить его и постричь подъ именемъ Боголѣпа. Послѣ двухъ-часныхъ страданій онъ скончался. Скоропостижная смерть сія, породила разные толки. Многіе полагали, что Царя отравили Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, отчаяваясь осилѣть Лжедимитрія, принялъ ядъ. Но можно ли допустить, чтобы Борисъ, нѣжно любившій дѣтей своихъ, рѣшился прекратить жизнь свою, не принявъ никакихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣтить, что когда по низверженіи разстриги, всенародно обвиняли его не только въ дѣйствительныхъ, но даже и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако не упрекали смертію Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы оставалось малѣйшее сомнѣніе на счетъ соучастія его въ отравленіи Царя. По симъ причинамъ долгъ безпристрастнаго Историка есть держаться разсказу Маржерета, который смерть Бориса приписываетъ апоплексіи. Никоновская Лѣтопись.

Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злостнаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы неспра-

ведливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамиліи Романовыхъ. Но не одни лѣтописцы наши описываютъ злодѣянія Борисовы. Самые имъ нѣжно честимые иноземцы, какъ напримѣръ Беръ, Маржеретъ и другіе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ. Послѣ столь единогласнаго свидѣтельства современниковъ, противурѣчить оному двѣсти лѣтъ спустя было бы гоняться за бездоказанною новизною.

Впрочемъ каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россіи, ибо предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственной опытности его, не удалось сокрушить Лжедимитрія, то можно ли было ожидать лучшаго успѣха отъ юношеской руки шестнадцатилѣтняго сына и преемника его, Ѳеодора Борисовича? Напрасно новый Царь, прекрасный тѣломъ и душой, отличался умомъ и познаніями чрезвычайными. Качества сіи не замѣняли зрѣлости и твердости, необходимыхъ правителямъ въ смутное время, для обузданія волнующихся страстей. Мать Ѳеодорова, вдовствующая Царица Марья Григорьевна, коей предстояло руководствовать любезнаго ей сына, сама столь же мало, какъ и онъ, имѣла навыка въ дѣлахъ.

Лѣтопись Кубасова.

Однако въ столицѣ вступленіе на престолъ

Өеодора совершилось спокойно. Строптивость умовъ еще воздерживалась невольнымъ уваженіемъ къ установленному правительству, повиноваться коему не легко разучиться. При семъ случаѣ съ большою пользою дѣйствовалъ Патріархъ, искренно преданный дому Годуновыхъ. Примѣру и увѣщаніямъ его ни кто еще не смѣлъ противиться. Москва присягнула юному Царю, хотя не единодушно, по крайней мѣрѣ, единогласно.

Но утвержденіе Өеодора на престолѣ зависѣло не столько отъ согласія столицы, сколько отъ покорности войска, собраннаго подъ Кромами. По несчастію Царица и сынъ ея не довѣряли знатнымъ боярамъ, начальствующимъ надъ онымъ, и опасались, чтобы они не вздумали, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, отложиться отъ ненавистнаго для ихъ гордости повиновенія, къ коему покойный Царь привелъ ихъ единымъ страхомъ своего могущества. Положили отозвать Князя Мстиславскаго и обоихъ Шуйскихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, что юному Царю необходимо окружить себя совѣтниками мудрыми. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ начальникомъ Боярина Князя Михайла Петровича Катырева-Ростовскаго, мужа честнаго, но не дальновиднаго, коему для совѣта и руководства придали, въ качествѣ втораго воеводы большаго пол- Никоновская Лѣтопись.

ка, Басманова, уже на дѣлѣ оказавшаго себя вождемъ смѣлымъ и вѣрнымъ *. Самое обстоятельство, что Басмановъ не былъ вельможею родовитымъ, казалось залогомъ его преданности въ томъ предположеніи, что онъ, возчувствуя цѣну неожиданной имъ милости, будетъ всемѣрно стараться заслужить оную. При отпускѣ его къ войску Царица и Царь говорили ему, что на него полагаютъ всю надежду свою, и просили его служить имъ, какъ служилъ Царю Борису. Басмановъ обѣщалъ, клялся, что не пощадитъ усилій, дабы направить всѣхъ на путь истинный, и увѣреніями своими успокоилъ царственнаго юношу. Но вскорѣ несчастный Ѳеодоръ и горестная мать его должны были испытать, что часто правители ошибаются, полагаясь на непоколебимую признательность выведенныхъ ими временщиковъ.

Съ Катыревымъ и Басмановымъ посланъ былъ также подъ Кромы Митрополитъ Новгородскій Исидоръ, для приведенія къ присягѣ всего войска.

* *Примѣчаніе*. Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе другихъ воеводъ. Бывшій вторый воевода большаго полка, Князь Телятевскій, принялъ начальство надъ сторожевымъ полкомъ, а командовавшій симъ послѣднимъ, Окольничей Годуновъ, поступилъ въ первые воеводы передоваго полка вмѣсто Князя Василья Голицына, коему передали, оставшееся за отозваніемъ Князя Дмитрія Шуйскаго празднымъ, начальство надъ полкомъ правой руки.

Они уже не нашли въ станѣ Мстиславскаго и Шуйскихъ. Отозваніе сихъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ было совершено съ такою оскорбительною для нихъ недовѣрчивостію, что предписывая имъ немедленно ѣхать въ Москву, таили еще отъ нихъ смерть Борисову. Войско извѣстилось объ оной только 17 Апрѣля, по прибытіи новыхъ вождей и Митрополита, которые имѣнемъ Ѳеодора обѣщали всѣмъ богатыя милости по отправленіи сорочинъ Борисовыхъ. Сдѣлалось большое волненіе. Благомыслящихъ людей печалило предчувствіе опасностей, угрожающихъ отечеству; многіе напротивъ того не скрывали преступной радости, внушаемой имъ надеждою на исполненіе коварныхъ замысловъ. Однако всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору, иные искренно, другіе нехотя и единственно отъ того, что не успѣли условиться въ дѣйствіяхъ съ своими единомышленниками. Маржеретъ. Никоновская Лѣтопись.

Шаткое расположеніе умовъ не только въ Государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не могло укрыться отъ проницательности Басманова, и погружало его въ глубокую думу. Сей мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолюбцемъ. Въ Новгородѣ - Сѣверскомъ онъ вѣренъ былъ не долгу своему, а еще неприкосновенному могуществу Борисову. Теперь же предусма-

возможности удержаться на престолѣ, и что ему Розену безумно было бы, гоняясь за призракомъ чести, обрекать себя на гибель столь же безполезную, сколь и неминуемую. Если Розенъ еще нѣсколько колебался, то единственно отъ того что думалъ, что воеводы ищутъ только испытать его преданность къ Θеодору; но удостовѣрясь наконецъ въ дѣйствительности намѣренія ихъ предаться Лжедимитрію, онъ тотчасъ же обѣщалъ имъ дѣйствовать съ своею дружиною съ ними заодно.

Письмо Самозванца къ Мнишку отъ $\frac{4}{11}$ Мая 1605.

Между тѣмъ какъ сіи ковы сплетались подъ Кромами, въ Путивлѣ разстрига ждалъ съ нетерпѣніемъ, какія слѣдствія будетъ имѣть смерть Борисова, о коей первое извѣстіе онъ получилъ 27 Апрѣля отъ выбѣжавшаго къ нему изъ Царскаго стана дворянина Бахметьева. Сперва онъ не вѣрилъ столь для него радостному событію, но въ скоромъ времени со всѣхъ сторонъ получаемыя вѣсти подтвердили показаніе Бахметьева. Также приверженцы его доносили ему, что вездѣ низкаго состоянія люди, изъ ненависти къ памяти Борисовой, гнушались повиноваться его сыну и что даже въ станѣ подъ Кромами многіе не таили своей наклонности отложиться отъ Годуновыхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ чувствовалъ, что для ускоренія перелома въ свою пользу,

полезно было бы ему снова выступить въ поле. Но хотя Ратомскій, староста Островскій, и привелъ ему новое подкрѣпленіе изъ Польши, всего на всего было при немъ только 2000 Поляковъ и 10,000 Русскихъ воиновъ. Силы сіи для наступательныхъ дѣйствій казались недостаточными Самозванцу, утратившему послѣ Добруньской неудачи прежнюю самонадѣянность свою. Самъ не смѣя еще выступить изъ Путивля, онъ рѣшился выдвинуть только по направленію къ Кромамъ отрядъ, состоящій изъ трехъ хоругвій Польскихъ и 3,000 Русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Поляка Запорскаго. Борштъ.

Городъ Кромы лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки того жъ имени; на томъ же берегу находился и главный станъ осаждающихъ войскъ. На противуположной же сторонѣ рѣки стоялъ только отрядъ для наблюденія дорогъ, изъ Путивля ведущихъ. Татарская конница, высланная отъ сего отряда для разъѣзда, донесла о приближеніи Запорскаго. Сіе извѣстіе произвело въ станѣ нѣкоторое смятеніе, которымъ Басмановъ не преминулъ воспользоваться для приведенія въ исполненіе своего постыднаго намѣренія. По повелѣнію его, 7 Мая Розенъ съ иностранною дружиною переправился за рѣку Крому и выстроился Пагрле.

на обширной равнинѣ, прилегающей къ правому берегу сей рѣки. За нимъ слѣдовали Русскіе полки, уже приготовленные къ измѣнѣ своими начальниками. Когда и они окончили переправу, то Басмановъ явился на мосту, громогласно провозгласилъ Государемъ Царя Димитрія, и обращаясь къ воинамъ, еще не подговореннымъ, звалъ тѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ служить сыну Царя Іоанна, соединиться съ вѣрными его дружинами, уже переправившимися за рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту. Напрасно Окольничій Годуновъ старался противиться сему стремленію; его схватили и связали. Еще вѣрные своему долгу, простодушный Князь Кашыревъ-Ростовскій и Князь Теляшевскій, видя малое число оставшихся при нихъ воиновъ, спѣшили отступить съ ними до самой Москвы. Жители Кромскіе, съ удивительною твердостію выдержавшіе трехъ-мѣсячную осаду, съ радостію отворили ворота новымъ друзьямъ своимъ.

Посягнувъ на дѣло противное долгу и чести, Басмановъ дѣйствовалъ смѣло и открыто; онъ понималъ, что впредь участь его дѣлалась нераздѣльною съ участію Самозванца, и потому рѣшился предаться ему тѣломъ и душею. Но робкій Голицынъ еще лукавствовалъ. Онъ самъ ве-

Никоновская Лѣтопись.

лѣлъ связать себя, дабы въ случаѣ неудачи Лжедимитрія, еще можно было бы ему приписать принужденію признаніе его за своего Государя. Но лживымъ поступкомъ симъ онъ не успѣлъ обмануть ни потомство, ни современниковъ, а только подалъ поводъ Басманову опередить себя въ милости у Самозванца.

Первымъ стараніемъ измѣнниковъ было послать въ Путивль къ Лжедимитрію съ повинною, отъ имени войска и Государства, Князя Ивана Васильевича Голицына съ выборными людьми отъ всѣхъ уѣздовъ. Легко себѣ вообразить восторгъ Самозванца. Дотолѣ называясь только Царевичемъ, онъ не усумнился болѣе принять имя Царя, которое ему давали уже восемдесять тысячь Русскихъ воиновъ. Милостиво принявъ присланныхъ изъ-подъ Кромъ, онъ послалъ повелѣніе войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ выступилъ изъ Путивля 15-го Мая, съ бывшими при немъ Польскими и Русскими дружинами. На пути привѣтствовали его измѣнившіе воеводы, сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ Князь Василій Голицынъ и съ нимъ пріѣхалъ также Шереметевъ, который, во время осады Кромъ, начальствовалъ въ Орлѣ. Воеводы сіи проводили Самозванца до Орла, гдѣ собранное войско приняло его съ радост-

Письмо Отрепьева къ Мнишку отъ 14/24-го Мая 1605 года.

Отвѣты Польскихъ Пословъ.

ными восклицаніями. Тѣ, кои и неохотно передавались разстригѣ, не менѣе прочихъ изъявляли ему свое усердіе, дабы не подвергнуться злой участи несчастныхъ, доносчиками изобличенныхъ въ преданности къ Ѳеодору, которыхъ разослали по темницамъ. Бывшій начальникъ передоваго полка, Окольничій Годуновъ, также подвергся заключенію. Наказавъ такимъ образомъ своихъ противниковъ, Самозванецъ немедленно приказалъ распустить недѣли на двѣ или на три всѣхъ воиновъ, имѣющихъ подмосковныя помѣстья. Прочимъ же далъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ подъ главнымъ начальствомъ Князя Василія Голицына, и стараться пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу, если тамъ еще будутъ противиться его воцаренію. Самъ Лжедимитрій, имѣя при себѣ 2,000 Поляковъ, слѣдовалъ за войскомъ, но не совсѣмъ довѣряя еще оному, на каждомъ ночлегѣ останавливался за 5 или за 6 верстъ отъ главнаго стана и всегда около его квартиры сто Поляковъ содержали ночной караулъ. Сіи мѣры предосторожности могли быть не совсѣмъ безполезными, ибо дѣйствительно многіе изъ дворянъ, ѣздившихъ съ Княземъ Иваномъ Голицынымъ изъ подъ Кромъ въ Путивль, узнали въ мнимомъ Димитріѣ Чудовскаго дьякона, и въ тайныхъ бесѣ-

Никоновская Лѣтопись.

Маржеретъ.

Борхъ.

Никоновская Лѣтопись.

дахъ съ горестію оплакивали, что вдались въ столь наглый обманъ.

Ѳеодоръ еще царствовалъ въ унылой Москвѣ, но вѣнецъ Мономаховъ уже спадалъ съ юной главы его. Правительственная дума его, въ безпамятствѣ отчаянія, не принимала никакихъ мѣръ, ни для замедленія шествія Самозванца, ни для отысканія вѣрнаго убѣжища для Царскаго семейства, и заботилась единственно объ удержаніи въ повиновеніи Московской черни, коей грозное молчаніе предвѣщало близкую бурю. Уже гонцы Лжедимитріевы пріѣзжали почти ежедневно въ столицу съ возмутительными грамотами, но ихъ подстерегали, ловили и предавали смерти. Беръ.

Не смотря на то, разстрига надѣялся еще взволновать столицу. Ему казалось нужнымъ, для упроченія своей державы, быть призваннымъ первопрестольнымъ городомъ, какъ законный Государь, а не врываться въ оный силою оружія, на правѣ безчиннаго побѣдителя. Для сего онъ отправилъ еще дворянъ, Наума Плещеева и Гаврилу Пушкина, но не въ самую Москву, а въ полторы версты отъ оной лежащее Село Красное, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, имѣвшіе въ столицѣ многихъ друзей и родственни- Никоновская Лѣтопись и Беръ.

ковъ. Съ сими посланными Самозванецъ писалъ, что онъ еще не винитъ Москвитянъ, которые, будучи обмануты Годуновыми, медлятъ признавать его, но что онъ надѣется, что наконецъ и они, по примѣру всей Россіи, откроютъ глаза; что покорность ихъ будетъ награждена, для бояръ прибавкою вотчинъ, для дворянъ и приказныхъ людей разными милостями, для торговыхъ людей убавленіемъ пошлинъ и податей, для всего народа благоденствіемъ и тишиною. При томъ Лжедимитрій напоминалъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны, они не избѣгнутъ заслуженнаго наказанія *.

Красносельцы приняли честно Плещеева и Пушкина, съ умиленіемъ читали привезенную ими грамоту и вызвались шумною толпою проводить ихъ въ столицу. Сіе происходило 1-го Іюня. Несчастный Өеодоръ еще надѣялся смирить крамольниковъ, и выслалъ противъ Краснаго Села воинскую дружину. Но въ тѣхъ, кои еще и не измѣняли ему, не было уже ни бодрости ни усердія. Оробѣвшіе воины его не дошли до Села и безъ боя обратили тылъ. По ихъ слѣдамъ Красносельцы ворвались въ Москву, и дойдя до лоб-

* Смотри Приложенія № VII.

наго мѣста, стали сзывать народъ для прочтенія Лжедимитріевой грамоты. Московскіе обыватели спѣшили на сборище, гдѣ сподвижники Самозванцевы толковали имъ, что бояре и войско не передались бы Димитрію, если бы онъ не былъ истиннымъ Царевичемъ, что настало время повиниться ему и что долѣе противиться было бы только безумно жертвовать собою, даже безъ пользы для ненавистнаго дома Годуновыхъ, ибо Москва, защищаемая только горстью воиновъ, ушедшихъ изъ подъ Кромъ, не могла устоять противъ великихъ силъ, направляющихся на нее. Увѣщанія подѣйствовали. Всѣ согласились провозгласить Димитрія, иные повинуясь внутреннему убѣжденію, другіе имѣя только въ виду собственную безопасность.

Въ то время, какъ такимъ образомъ возмущался народъ на лобномъ мѣстѣ, Ѳеодоръ съ матерью и сестрою, прелестною Ксеніею, трепетали во дворцѣ, окруженные знатными сановниками Государства, еще вѣрными данной юному Царю присягѣ, но съ ужасомъ предусматривающими уже неминуемое торжество Самозванца. Бодрствовалъ одинъ Патріархъ! Онъ заклиналъ Бояръ итти вразумить народъ, и направить его на путь долга и правды. Внемля ему Князь Мстиславскій, Маржеретъ.

Берх. Князь Шуйскій, Бѣльскій и другіе вышли на лобное мѣсто и тщетно пытались усовѣстить взволновавшуюся чернь. Грозный вопль мятежа заглушалъ рѣчи ихъ. Имъ кричали: *Не гибнуть намъ за Годуновыхъ! Да здравствуетъ Димитрій! Мы были во тьмѣ кромѣшней! Красное солнце наше восходитъ!* Съ сими словами, бунтовщики хлынули ко дворцу. Еще Кремлевскія стѣны могли бы остановить ихъ стремленіе, но въ безпамятствѣ страха никто не помыслилъ затворить крѣпостныя вороты. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, буйныя толпы ворвались во дворецъ, схватили Царя, Царицу и Царевну, но среди самаго неистовства своевольничества, сохраняя еще нѣкоторое уваженіе къ прежнимъ повелителямъ своимъ, отвели ихъ безвредно на старый дворъ Годунова. Воздержность сія тѣмъ болѣе была замѣчательна, что ненависть народная къ памяти Царя Бориса существовала во всей силѣ. Всѣ родственники его, Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы были заключены; домы ихъ разломали, имѣніе разграбили не только въ столицѣ, но даже потомъ и въ помѣстьяхъ и вотчинахъ ихъ. Имѣніе иностранныхъ медиковъ также подверглось расхищенію, единственно отъ того, что покойный Царь любилъ и жаловалъ ихъ.

Никоновская Лѣтопись.

Берх.

Наконецъ Бояре, уже дѣйствующіе именемъ Димитрія, утишили мятежъ. Вся Москва цѣловала крестъ Самозванцу, и 3-го Іюня боярская дума выслала къ нему съ покорностію столицы Бояръ: Князя Ивана Михайловича Воротынскаго и Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, Окольничаго Петра Шереметева и думнаго дьяка Власьева. Посланные сіи нашли разстригу въ Тулѣ, уже извѣщеннаго о событіяхъ Московскихъ, чрезъ полученныя имъ донесенія отъ Плещеева и Пушкина. Самозванецъ принялъ на себя видъ законнаго Государя, справедливо раздраженнаго слишкомъ продолжительнымъ упорствомъ своихъ подданныхъ. Первымъ наказаніемъ для прибывшихъ вельможъ служило то, что Отрепьевъ прежде ихъ допустилъ къ рукѣ своей присланныхъ къ нему съ Дону Козаковъ. Когда же позволилъ явиться предъ собою представителямъ думы Боярской, то грозно упрекалъ ихъ въ непокорности, а Князя Теляшевскаго не хотѣлъ даже простить за то, что подъ Кромами онъ не присталъ къ измѣнившимъ въ пользу его воеводамъ. Онъ приказалъ посадить его въ тюрьму, и позволилъ въ глазахъ своихъ Козакамъ бить его почти до полусмерти.

Розрядныя книги.

Никоновская Лѣтопись.

Опираясь на покорность войска и столицы, Отрепьевъ уже могъ вездѣ дѣйствовать какъ Царь

законный. По повелѣнію его въ отдаленнѣйшіе города Россіи разослали указы, для приведенія всѣхъ людей къ присягѣ Царицѣ инокинѣ Мароѣ Өеодоровнѣ, и сыну ея Царю Димитрію Іоанновичу *. Ни гдѣ не встрѣтилось ни малѣйшаго сопротивленія, и цѣлая Россія безпрекословно цѣловала крестъ дерзкому бродягѣ.

Однако Самозванецъ еще медлилъ вступленіемъ своимъ въ Москву. Его тревожила мысль, что тамъ будетъ встрѣченъ Патріархомъ, которому лично былъ извѣстенъ. Также не мало заботило его и то, что не ловкіе клевреты его въ день возмущенія позволили народу оставить въ живыхъ Царя Өеодора. Если бы разстрига дѣйствительно былъ настоящимъ Димитріемъ, то могъ бы великодушно миловать Өеодора, который въ глазахъ его былъ бы только невиннымъ сыномъ его злодѣя, но для Самозванца существованіе законнаго Государя представляло ежедневную опасность, ибо только явленіе настоящаго Димитрія могло справедливо уничтожить права на престолъ Өеодора, законно наслѣдовавшаго послѣ отца, коего избраніе было единогласнымъ дѣломъ цѣлой Россіи. Къ тому же, прекрасныя качества Өеодора при-

* Смотри Приложенія № VIII и IX.

влекали къ нему сердца всѣхъ, коихъ не ослѣпляла закоснѣлая ненависть къ Царю Борису. Отрепьевъ не былъ нрава свирѣпаго, не любилъ проливать крови, но въ семъ случаѣ желаніе упрочить свое владычество заглушало въ душѣ его гласъ совѣсти и человѣколюбія. Онъ рѣшился убіеніемъ Ѳеодора избавиться отъ докучнаго соперничества.

Принявъ сіе гнусное намѣреніе, Самозванецъ отправилъ передъ собою въ Москву Басманова съ частію войска. Но сердце человѣческое вмѣщаетъ въ себѣ различныя степени злодѣйства! Басмановъ могъ быть измѣнникомъ, а не палачемъ! Онъ взялъ на себя только удерживать въ повиновеніи столицу. Для святотатства же и цареубійства Лжедимитрій избралъ столь же низкаго душою, сколь высокаго родомъ Князя Василья Голицына, и ему придалъ въ товарищи подобнаго ему въ безстыдствѣ, Князя Василья Рубца-Мосальскаго, который въ Путивлѣ первый изъ чиновныхъ людей добровольно предался Самозванцу. Съ ними же былъ посланъ дьякъ Сутуповъ, человѣкъ одинакихъ съ ними свойствъ. По прибытіи своемъ въ Москву, злодѣи занялись сначала изгнаніемъ Патріарха. Посланные ими люди ворвались въ Успенскій соборъ, гдѣ священнодѣйствовалъ Іовъ, и не воздерживаясь святостію мѣста, въ самомъ алтарѣ Никоновская Лѣтопись.

стали рвать съ него святительскую одежду. Іовъ не унизилъ высокаго сана своего непристойною слабостію. Снявъ самъ съ себя панагію, онъ положилъ ее у чудотворной иконы Владимірской Богоматери, и со слезами возопилъ: *О всемилостивая пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго во храмѣ твоемъ, Владычица, у честнаго образа твоего чудотворной иконы; сею азъ грѣшный исправляхъ слово сына твоего Христа Бога нашего девятнадцать лѣтъ; сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, видимъ на сію православную христіанскую вѣру находяще еретичю, мы же грѣшные молимъ, умоли пречистая Богородица сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо.* Сіе упредительное воззваніе противъ готовящихся для правовѣрія напастей еще болѣе озлобило противъ святителя Лжедимитріевыхъ слугъ, которые одѣвъ его въ черную рясу простаго монаха, позорно таскали по храму и по площади, и наконецъ посадивъ въ телѣгу, послали на обѣщаніе въ Старицкій Богородицкій монастырь.

Совершивъ постыдный подвигъ надъ Патріархомъ, Князья Голицынъ и Мосальскій не замедли-

ли исполнить и ужасный приговоръ надъ царскимъ семейством. Взявъ съ собою Михайлу Молчанова, Андрея Шелеѳединова, да трехъ стрѣльцевъ, они отправились на Годуновъ дворъ, гдѣ нашли Царя, Царицу и Царевну сидящихъ вмѣстѣ. Ихъ немедленно развели по разнымъ комнатамъ, и принялись за злодѣйское дѣло. Царица тотчасъ же была удушена, но молодой Ѳеодоръ защищалъ жизнь свою какъ разъяренный левъ. Долгое время онъ боролся противъ четырехъ убійцъ и палъ мертвъ только тогда, когда получилъ ударъ, отнявшій у него всѣ силы *. Царевну Ксенію, которой дивная красота возбуждала сладострастіе часто видавшаго ее въ Чудовѣ монастырѣ Самозванца, была сбережена для похоти палача ея несчастнаго семейства, и отведена безвредно въ домъ позорнаго угодника Лжедимитріева, Князя Мосальскаго. По убіеніи державнаго юноши и его матери, безбожный Князь Голицынъ старался разгласить въ народѣ, что они сами со страха отравили себя. Но поелику Самозванецъ не инако могъ извлечь

Рукописное извѣстіе о Самозванцѣ.

* *Примѣчаніе.* Вотъ точныя слова лѣтописца: *Царевичамъ многие часы давша, якожъ не младости в тѣ поры далъ Богъ ему мужество, тѣ же ихъ злодѣи убоицы ужасошеся, яко единъ съ четырмя боряшеся; единъ же отъ нихъ злодѣи убоица взять его за таеные... и раздавы.*

пользу отъ смерти Феодоровой, какъ удостовѣривъ въ оной всю Россію, то и вынуждены были выставить всенародно трупы несчастныхъ жертвъ, такъ что всякой могъ убѣдиться, что смерть имъ приключилась отъ удавленія. Самый прахъ Царя Бориса не оставленъ въ покоѣ; тѣло его было выкопано изъ Архангельскаго собора, переложено въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ тѣлами супруги и сына погребено въ Варсонофіевскомъ монастырѣ на родовомъ кладбищѣ Годуновыхъ. Заключенные со дня мятежа, родственники Годуновыхъ, были разосланы по Низовымъ и Сибирскимъ городамъ. Только Семена Годунова, сосланнаго въ Переславль Залѣсскій, тамъ удушили. Сія казнь служила ему наказаніемъ за то, что при Царѣ Борисѣ онъ былъ главнымъ орудіемъ гоненій на Романовыхъ, къ коимъ Самозванецъ выказывалъ любовь свою, уважая въ нихъ родственную связь съ братомъ, будто милымъ сердцу его, Царемъ Феодоромъ Ивановичемъ.

Петрей.

Никоновская Лѣтопись.

Очистивъ такимъ образомъ столицу отъ всѣхъ противниковъ своихъ, разстрига рѣшился итти къ оной. На пути въ Серпуховѣ онъ въ великолѣпныхъ шатрахъ угощалъ обѣденнымъ столомъ до 500 знатныхъ особъ. Потомъ 16-го Іюня перешелъ въ село Коломенское, гдѣ дневалъ нѣ-

Бортъ.

сколько дней, чтобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ не преставалъ еще не довѣрять. Но опасенія его казались совершенно неосновательными. Сановники Московскіе спѣшили къ нему въ Коломенское съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами. Лазутчики его также единогласно извѣщали, что столица ждетъ его съ радостнымъ нетерпѣніемъ. Беръ.

Самозванецъ рѣшился наконецъ вступить въ Москву 20-го Іюня, но и среди торжественнаго шествія своего онъ для личной безопасности принималъ мѣры, которыя обнаруживали невольное смущеніе преступной души. Правда, его окружали шестьдесятъ Русскихъ вельможъ, но впереди и сзади ѣхали дружины Польской конницы; потомъ слѣдовали иностранное войско, Козаки, и наконецъ Русскіе стрѣльцы замыкали шествіе во все время, коего гонцы скакали безпрестанно взадъ и впередъ по всѣмъ улицамъ, и ежеминутно доносили Лжедимитрію о состояніи столицы. Но все кипѣло радостію и усердіемъ. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ толпился на улицахъ, по коимъ проѣзжалъ Самозванецъ; кровли домовъ и церквей усыпаны были зрителями. При появленіи Лжедимитрія, народъ кланялся въ землю и кричалъ: *Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Вели-* Петрей.

кой Князь Всероссійскій! Даруй Боже тебѣ многія лѣта! Да освѣтитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное! Самозванецъ отвѣчалъ: *Здравствуйте, мои дѣти, встаньте и молитесь за меня Богу!* Время было прекрасное, но въ ту самую минуту, какъ Самозванецъ чрезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота выѣхалъ на площадь, поднялся страшный вихрь, такъ что лошади едва не попадали. Народъ, въ ужасѣ, принялъ сіе за худое предзнаменованіе для новаго царствованія. Однако шествіе продолжалось и Самозванецъ достигнулъ лобнаго мѣста, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и иконами, сошелъ съ коня, приложился къ святынѣ и приказалъ пѣть молебенъ, въ продолженіи коего, къ соблазну и первому негодованію Москвитянъ, Поляки, не слѣзшіе съ лошадей, трубили въ трубы и ударяли въ бубны. Потомъ разстрига пошелъ въ Кремль и въ Царскихъ палатахъ сѣлъ на престолѣ мнимаго отца своего Іоанна Грознаго. Провожавшее его Польское войско помѣщено было все вмѣстѣ на Посольскомъ дворѣ. Лжедимитрій, не отстранившій еще отъ себя недовѣрія къ Москвитянамъ, желалъ иноземцевъ сихъ имѣть всегда у себя подъ рукою. Только въ послѣдствіи

Никоновская Лѣтопись.

Бортъ.

времени, изъ уваженія къ жалобамъ Поляковъ на претерпѣваемую ими тѣсноту, позволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти на особыя квартиры.

Впрочемъ подозрѣнія Самозванцевы имѣли нѣкоторое основаніе. Не возможно, чтобы въ продолженіи шествія его, почти черезъ весь городъ, ни кто изъ Московскихъ жителей не узналъ въ немъ дьякона Отрепьева. Уже многіе шептали между собою, что по явному попущенію Божію, Русскіе за грѣхи свои подпали подъ иго наглаго обманщика. Хотя таковые толки еще противурѣчущіе общему мнѣнію и не оглашались, но не менѣе того лазутчики Лжедимитріевы довели ихъ до его свѣдѣнія. Самозванецъ опасаясь, чтобы рано или поздно истина не разъяснилась, далъ порученіе Окольничему Богдану Бѣльскому, упредить грозный гласъ ея новымъ лживымъ свидѣтельствомъ. Бѣльскій, старый любимецъ Царя Іоанна Васильевича, былъ человѣкомъ тщеславнымъ и гибкосовѣстнымъ. Онъ вышелъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи другихъ вельможъ, и напомнивъ народу, что по избранію Царя Іоанна былъ пѣстуномъ малолѣтнаго Царевича Димитрія, клятвенно увѣрялъ, что Самозванецъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна, спасеннымъ по особенной Божеской милости, и наконецъ поцѣловавъ висящій на груди его образъ Николая Чудотворца, воскликнулъ:

Никоновская Лѣтопись.

Беръ.

Берегите и чтите своего Государя. Слушатели единогласно отвѣтствовали: *Богъ да сохранитъ Царя Государя и погубитъ всѣхъ враговъ его.* Симъ криводушнымъ дѣйствіемъ вѣроломнаго старца достойно заключилось позорное торжество сего несчастно незабвеннаго дня, въ который Русскіе, такъ сказать на раменахъ своихъ, внесли удалаго злодѣя въ священные чертоги древнихъ своихъ Державцевъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(1605—1606 годы.)

Съ перваго взгляда казалось бы, что человѣкъ, изъ низкаго состоянія достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ почитаться преодолѣвшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ столь многотруднымъ предпріятіемъ, и что ему остается только спокойно наслаждаться тяжко добытымъ величіемъ. Но Исторія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда являетъ намъ противное. Она многими примѣрами удостовѣряетъ, что скорѣе можно похитить престолъ, чѣмъ удержаться на похищенномъ. Впрочемъ, сіе довольно объясняется и тѣмъ, что никто безъ особенной отважности и слѣпой дерзости, не

можетъ безмѣрно возвыситься, а самыя свойства сіи исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власти и, напротивъ того, внушая чудному счастливцу опасную самонадѣянность, ведутъ его къ опрометчивости и своенравію, всегда пагубнымъ для правителей. Одинакія причины должны имѣть и одинакія послѣдствія: участь Лжедимитрія предугадывается.

Всякое новое царствованіе, каково бы оно ни было въ послѣдствіи, всегда начинается похвально. Первыя дѣйствія Самозванцева правленія тѣмъ болѣе ознаменованы были милостями, изліянными почти на всѣ сословія, что онъ самъ говаривалъ, что въ его понятіяхъ державцамъ представляются только два способа для укрѣпленія своей власти: удерживать всѣхъ въ повиновеніи чрезмѣрною суровостію, или милостями и щедротами стараться привязывать къ себѣ людей, не жалѣя для сего никакихъ сокровищъ, и что онъ, по побужденію сердца своего, избралъ послѣднее средство.

Письмо Бучинскаго къ Разстригѣ отъ Января 1606.

Не только мнимые родственники новаго Царя, Нагіе, и также Романовы, но и всѣ прочія жертвы мстительнаго и подозрительнаго Царя Бориса были возвращены изъ ссылки. Невольно постриженнаго въ монахи Филарета Никитича Романова посвятили въ Митрополиты Ростов-

Хронографъ.

скіе и Ярославскіе. Слѣпой Царь Симеонъ Бекбулатовичъ былъ вызванъ въ столицу и принятъ съ великою честію. Самые родственники Годунова испытали важное облегченіе въ своей участи. Ихъ не только освободили отъ заключенія, но даже дали имъ воеводскія мѣста въ Сибири и другихъ отдаленныхъ городахъ. Басмановъ первый получилъ боярство. Потомъ многіе изъ знатныхъ особъ были пожалованы въ бояре, другіе въ Окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили денежное жалованье. Торговля была объявлена совершенно свободною, какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. Приказамъ повелѣно вершить дѣла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ Царь будетъ въ каждую Среду и Субботу у себя на крыльцѣ принимать челобитныя отъ всѣхъ людей. Лжедимитрій не только самъ хотѣлъ хвалиться справедливостію, но даже оказывалъ готовность исправлять неправды прежнихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ, мнимый отецъ его, Царь Иванъ Васильевичъ, по злостному своенравію своему мало заботившійся о священной неприкосновенности частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ деньги, которыя никогда возвращаемы не были не только самымъ Грознымъ Царемъ, но даже и въ правленіе Бориса Годунова. Самозванецъ приказалъ выдать всѣ суммы сіи, кому онѣ принадле-

Разрядныя книги.

Беръ.

Письмо Бучинскаго къ разстригѣ отъ Января 1606.

жали. Слѣдуя принятому намѣренію, но возможности задобривать всѣхъ, онъ хотѣлъ было угодить и духовенству, призвавъ Епископовъ въ Государственную думу, которую предполагалъ преобразить на подобіе Польскаго Сената. Но сдѣланное уже имъ на сей предметъ предначертаніе не было произведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ столь важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для ихъ народной гордости подражаніемъ Польскому установленію.*

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ полагаетъ напротивъ того, что дѣйствительно Сенатъ былъ учрежденъ Лжедимитріемъ. Мнѣніе сіе основано только можетъ быть на существованіи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ росписи (Смотри Приложенія № X.) Московскимъ Сенаторамъ, писанной по Польски въ Іюнѣ 1605 года рукою Разстригина Секретаря, Яна Бучинскаго, и еще на томъ обстоятельствѣ, что Беръ называетъ Сенаторами Самозванцевыхъ думныхъ Совѣтниковъ. Но если взять въ соображеніе, что ни одинъ изъ Русскихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ о преобразованіи думы, и что даже въ 1606 году указы писались отъ имени однихъ Бояръ, то не льзя ли полагать, что роспись Бучинскаго оставалась проэктомъ безъ исполненія, и что Беръ называлъ тогдашнихъ Бояръ Сенаторами, только изъ подражанія Полякамъ, такъ переводившимъ Русское слово Бoярина, и съ коими онъ дружился болѣе, чѣмъ съ Русскими. Только дѣйствительно при Дворѣ введены были нѣкоторыя новыя должности, какъ напримѣръ *Великаго Мечника,* каковое наименованіе дается и въ Государственныхъ бумагахъ того времени Князю Шуйскому-Скопину.

Одни низкаго состоянія люди не видали отъ Самозванца облегченія въ участи своей. Но Лжедимитрій имѣя въ особенности въ виду привязать къ себѣ военныхъ людей, не хотѣлъ лишить ихъ великихъ выгодъ, предоставляемыхъ имъ законами Годунова о крестьянахъ и холопахъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя объявленъ былъ боярскій приговоръ, который хотя утверждалъ крѣпостное право владѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ обуздывалъ ихъ наклонность къ несправедливымъ притязаніямъ. По силѣ сего приговора, бѣжавшіе крестьяне возвращались безпрекословно прежнимъ владѣльцамъ, кромѣ покинувшихъ жилища свои въ голодные 1602, 1603 и 1604 годы, потому что на родинѣ не чѣмъ было имъ пропитаться. Таковые оставались за тѣми владѣльцами, въ домахъ или имѣніяхъ коихъ нашли достаточное призрѣніе въ нужное время. Также если крестьянинъ какого владѣльца, поступившій въ голодные года къ нему въ холопи, сталъ бы отбывать холопства подъ предлогомъ, что ему въ крестьянствѣ было чѣмъ прокормиться, но что его закабалилъ владѣлецъ насильно, то повелѣвалось разыскивать, записана ли кабала въ городѣ въ книгѣ? Если записана, то челобитчикъ оставался въ холопствѣ по той причинѣ, что не жаловался о насиліи при явкѣ кабалы; напротивъ

же того, не явленнымъ кабаламъ не позволялось давать вѣры, и въ такомъ случаѣ холопъ обращался по прежнему въ крестьянство. Впрочемъ, уже введенная въ обыкновеніе пятилѣтняя давность, на отыскаяніе бѣглыхъ крестьянъ, была утверждена во всей ея силѣ *.

Отрѣшеніе Іова оставляло празднымъ первосвятительское мѣсто въ Россіи. Самозванцу нужно было видѣть на ономъ человѣка уклончиваго, который бы согласился содѣлаться соучастникомъ тайныхъ замысловъ его противъ православія. Выборъ его палъ на Игнатія, Архіепископа Рязанскаго. Сей пастырь, льстивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде Архіепископомъ Кипрскимъ; но изгнанный Турками, онъ нашелъ сперва убѣжище въ Римѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ по особенному благоволенію Царя Бориса, поручили ему Рязанскую Епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за сіе благодѣяніе, онъ первый изъ святителей выѣхалъ въ Тулу на срѣтеніе Самозванцу. Возведенный на Патріаршій престолъ, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смотрѣлъ на всѣ соблазны, коими Самозванцу суждено было огорчать правовѣрныхъ. Карамзинъ.

* Смотри Приложеніе № XII.

Но ни посвященіе надежнаго Патріарха, ни какое либо государственное дѣло, не были тогда для Лжедимитрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было устремлено на успѣхъ начатыхъ имъ тайныхъ сношеній съ Царицею инокинею, Маѳою Ѳедоровною, матерью настоящаго Царевича Димитрія. Признаніе ею Самозванца за своего сына было для него необходимымъ условіемъ прочности его воцаренія. Подосланнымъ отъ него людямъ велѣно было напомнить Царицѣ ожидающія ея почести, а съ другой стороны внушить ей, что если она отважится изобличать его во лжи, то неминуемо обречетъ на вѣрную погибель не только себя, но и весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлеченная Царица, наконецъ согласилась способствовать обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ ней въ Выксинскій монастырь—звать ее въ столицу,—Великаго Мечника, Князя Михаилу Васильевича Скопина-Шуйскаго, съ блестящею свитою. Часъ перваго свиданія обманщика съ мнимою матерью для обѣихъ сторонъ былъ труднымъ испытаніемъ. Осторожность требовала не давать оному свидѣтелей, но также не благовидно было бы Самозванцу не встрѣчать Царицы. Для согласія сихъ противуположностей, онъ выѣхалъ 18-го Іюля въ Село Тайнинское, гдѣ по приказа-

Окружная грамота Царицы Маѳы 21-го Мая 1606 года.

нію его былъ разбитъ шатеръ близъ большой дороги. Царица одна, введенная въ шатеръ, ожидала уже въ ономъ Царя, который также одинъ вошелъ къ ней. Тутъ, повторяя ей обѣщанія и угрозы, онъ уговорилъ ее выказывать къ нему притворную нѣжность. Оба вышли изъ шатра обнимая другъ друга къ умиленію легковѣрныхъ зрителей, которыхъ собралось великое число. Царица сѣла

Дневникъ Марины.

въ карету, а Самозванецъ съ обнаженною головою шелъ возлѣ нея пѣшкомъ около трехъ верстъ, опираясь на подножку кареты. Потомъ онъ сѣлъ на

Беръ.

лошадь и поскакалъ впередъ, дабы встрѣтить ее на порогѣ Царскихъ Палатъ. Въ послѣдствіи, Царица перешла въ богато изготовленные для нея покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ получила царское содержаніе и была ежедневно посѣщаема мнимымъ сыномъ своимъ. Чрезъ три дня послѣ ея пріѣзда, Самозванецъ вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ, съ обыкновенными обрядами.

Хотя повидимому все споспѣшествовало Лжедимитрію, однако много еще заботъ ему предстояло для сокрытія истины. Настоящая мать

Палицынъ.

его, Варвара Отрепьева, родной братъ и дядя Смирной Отрепьевъ, не обинуясь всему Галичу объявляли о гнусномъ обманѣ. Смирной за сіи рѣчи былъ сосланъ въ Сибирь, но гласъ природы

не заглушился еще въ сердцѣ Самозванцевомъ; онъ не отчаялся распространить месть свою на родительницу и на единоутробнаго своего *, и безнаказанность сихъ лицъ придавала еще болѣе вѣсу ихъ уликамъ.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы, явился монахъ, всенародно удостовѣряющій, что давно знаетъ Отрепьева, который учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ, и что сей же именно человѣкъ овладѣлъ Царскимъ престоломъ подъ именемъ Димитрія. Монахъ былъ схваченъ и тайно умерщвленъ въ тюрьмѣ. Петрей.

Сколь ни важны были свидѣтельства сіи, по-

* Н. М. Карамзинъ, полагаясь на современное сочиненіе (Légende de la vie et de la mort de Demetrius) иностраннаго купца, жившаго тогда въ Москвѣ, утверждаетъ, что мать и братъ Самозванцевы были заключены въ темницу, но иноземецъ могъ только вѣрно описывать что происходило въ его глазахъ, а не въ отдаленныхъ мѣстахъ Государства: Келарь Авраамій Палицынъ, коего свидѣтельство гораздо достовѣрнѣе, упоминая о рѣчахъ Варвары Отрепьевой и ея сына и деверя, прибавляетъ только, что Смирной былъ сосланъ и *прiялъ много озлобленія* отъ своего племянника. Троицкій монахъ, не упускающій ни одного случая поносить Самозванца, часто даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, не преминулъ бы поставить на видъ жестокое обращеніе его съ самою матерью своею. Но Палицынъ сего не дѣлаетъ, и слѣдственно Варвара Отрепьева оставлена въ покоѣ.

свшія на себѣ безсомнѣнный отпечатокъ само-отверженія, недоступнаго для клеветниковъ, со-всѣмъ тѣмъ, происходя отъ людей не знатныхъ, они мало безпокоили Димитрія, котораго го-раздо болѣе тревожили разглашенія, дѣланныя въ столицѣ по наущенію Князя Василія Ивановича Шуйскаго. Сей вельможа, болѣе всѣхъ прочихъ убѣжденный въ самозванствѣ разстриги, могъ со-гласиться признать его за своего Государя един-ственно по необходимости покориться первому порыву всенароднаго увлеченія. Но въ сердцѣ сво-емъ онъ не переставалъ питать надежду, что въ скоромъ времени сила истины разсѣетъ чадъ не-понятнаго предубѣжденія. Удрученный стыдомъ и горестію, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, способствовать ожидаемому имъ спасительному противудѣйствію, въ чемъ могъ успѣть болѣе всякаго другаго, потому что имѣлъ вліяніе на Московскихъ гражданъ, которые вообще любили его за его привѣтливость, и уважали въ немъ не-обыкновенныя способности ума высокаго, соеди-ненныя съ великимъ богатствомъ и знаменито-стію происхожденія. Многочисленные приверженцы его стали распространять въ народѣ толки о самозванствѣ Царя. Внушенія сіи были дѣланы да-же безъ надлежащей осмотрительности, такъ что дошло объ нихъ до свѣдѣнія Басманова, ко-

торый спѣшилъ предостеречь Лжедимитрія. Раз- Сказанія еже гласителей схватили и пытали: многихъ изъ нихъ содѣяся. разослали по темницамъ, но двухъ болѣе прочихъ изобличённыхъ въ дерзкихъ рѣчахъ противъ обла- Никоновская дателя престола, а именно дворянина Петра Тур- Лѣтопись. генева и мѣщанина Ѳедора Калачника казнили Палицынъ. смертію. Калачникъ, готовясь положить голову на плаху, съ твердостію говорилъ народу: *се пріяли есте образъ антихристовъ, и поклонистеся посланному отъ сатаны, и тогда разумѣете, егда вси отъ него погибнете.* Но еще не разувѣренная чернь ругалась ему и кричала, что по дѣломъ погибаетъ клеветникъ.

Оставалось наказать главнаго виновника опасной молвы, Князя Шуйскаго. Но мужъ сей стоялъ на столь высокой степени въ общемъ мнѣніи, что Самозванецъ, для безпрепятственнаго совершенія надъ нимъ казни, почелъ необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при постановленіи приговора, такъ и при исполненіи онаго. Шуйскій предсталъ предъ соборомъ, составленномъ, какъ въ то время водилось только при рѣшеніи великихъ Земскихъ дѣлъ, изъ Духовенства, Бояръ и выбранныхъ людей всѣхъ сословій. Всѣ единогласно признали Шуйскаго винов- Маржеретъ. нымъ въ оскорбленіи Царскаго Величества дерзкою клеветою, и приговорили его къ отсѣченію

головы. Въ назначенный для казни день осужденный выведенъ былъ на лобное мѣсто, которое окружали вооруженные Стрѣльцы и Поляки и гдѣ уже палачъ готовилъ сѣкиру и плаху. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ выставлены были также воины съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ роился по площади. Бояре Салтыковъ и Басмановъ, разъѣзжая между толпами, читали слѣдующее провозглашеніе: *Сей Великій Бояринъ, Князь Василій Шуйскій, мнѣ природному своему Государю Царю и Великому Князю Димитрію Іоанновичу всея Россіи измѣняетъ, и разсѣваетъ непріязныя рѣчи; не хотя меня на Государствѣ Царемъ видѣти, и остужаетъ со всѣми Бояры и людьми Московскаго Государства, и со всѣми православными Христіаны; называетъ меня еретикомъ, Гришкою Отрепьевымъ, Разстригою, и за то его осудили мы смертію казнити, да умретъ. Ибо сіе не мною, не ново уложилось, но отдревле, отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнити, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Бояръ.* Слушатели, удержанные въ повиновеніи присутствіемъ войскъ, однимъ унылымъ молчаніемъ выражали свое негодованіе. Шуйскій не оказывалъ робости. Когда палачъ сталъ раздѣвать его, то онъ еще громко воскликнулъ: *Братья! умираю за Вѣру Христіанскую и за васъ!* Уже онъ клалъ

Хронографъ.

голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ воротахъ раздается крикъ: «*стой! стой!*» Выбѣжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ Царскою грамотою въ рукахъ, объявляетъ, что Царь, по ходатайству Поляковъ, даруетъ жизнь преступнику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ не Полякамъ Шуйскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Напротивъ того, многіе изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедимитрію, предусматривали большую опасность въ помилованіи столь важнаго врага. Но за Князя Василія Ивановича явился ходатай, котораго представительства не могъ отвергнуть и самъ Самозванецъ. Царица Инокиня Мароа, вынужденная потворствомъ своимъ упрочивать богопротивный обманъ, томилась душевною тоскою; для уменьшенія тяготившаго ея совѣсть грѣха, она рѣшилась по крайней мѣрѣ не допускать до казни знатнѣйшаго свидѣтеля истины и требовала отъ мнимаго сына своего смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедимитрій не смѣлъ противиться ея желанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разгласилъ, что умилостивился по просьбѣ Поляковъ, вѣроятно, чтобы участіе Царицы въ семъ дѣлѣ скрыть отъ народа, которому дѣйствительно могло казаться страннымъ видѣть мать, заботящуюся о избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго

Письмо Яна Бучинскаго къ разстригѣ, въ Январѣ 1606 года.

Маржеретъ и Никоновская лѣтопись.

врага сына своего. — Князь Василій Ивановичъ съ двумя родными братьями своими, Димитріемъ
Хронографъ. и Иваномъ, были сосланы въ пригороды Галицкіе, а имѣніе ихъ отобрано въ казну.

Представился еще другой случай, гдѣ также Царица вмѣнила себѣ въ священную обязанность противиться волѣ Самозванца. Тѣло настоящаго Царевича Димитрія похоронено было въ Угличѣ въ соборной церкви. Сія почесть несовмѣстна была съ воцареніемъ мнимаго Димитрія, кото-
Петрей и рукопись Жолкевскаго. рый призналъ необходимымъ для себя, вырыть тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ простаго поповскаго сына. Но не дерзая исполнить сего безъ соизволенія Царицы, онъ просилъ ее не противиться столь нужному для его спокойствія дѣйствію. Царица ужаснулась и рѣшительно отказалась предать на поруганіе останки милаго ея сердцу отрока. Всѣ усилія Самозванца, чтобы поколебать ея упорство, были безуспѣшны, и онъ вынужденнымъ былъ отказаться отъ своего предпріятія. Впрочемъ, одно намѣреніе потревожить прахъ сына, такъ ожесточило мать, что она стала искать тайнаго средства, важнымъ свидѣтельствомъ своимъ, изобличить въ самозванствѣ гнуснаго обманщика. При ней находилась у ней воспитанная молодая Лифляндка Розенъ, взятая въ плѣнъ ребенкомъ во время Лифляндской

войны. Сія дѣвушка вошла въ сношеніе съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, который по убѣжденію ея поѣхалъ въ Польшу съ порученіемъ Царицы, извѣстить Короля, что похититель Московскаго престола не есть ея сынъ, хотя она для своей безопасности явно и признала его за таковаго.

Около того же времени случилось большое смятеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на потворство Царя. Одинъ изъ ихъ товарищей шляхтичъ Липскій, уличенный въ преступленіи, былъ схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнутомъ. Но когда, по тогдашнему Русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки бросились отбивать его. Сдѣлалась сильная драка, въ коей съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ. Такъ какъ число Русскихъ постепенно увеличивалось, то Поляки укрылись въ занимаемомъ ими посольскомъ дворѣ, который немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ Московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для отвращенія сей бѣды, Царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и требовать отъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, приказать подвесть пушки для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки отвѣчали, Борцъ.

онъ вездѣ и всегда пренебрегалъ отечественными обрядами, и упражненія и потѣхи свои устроивалъ на иноземный образецъ. Русскіе слышали съ омерзѣніемъ, что у него во время стола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по Польски, ѣлъ телятину, не молился иконамъ садясь за обѣдъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго. Удивлялись также тому, что онъ не ходилъ въ баню по Субботамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ дворца, самъ другъ, для посѣщенія аптекарей, серебрениковъ или какихъ другихъ ремесленниковъ. Самое удальство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, билъ самъ медвѣдей. Все сіе было неприличнымъ въ глазахъ людей, привыкшихъ къ степенной величавости прежнихъ Царей, которые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ поддерживаемы подъ руки кѣмъ либо изъ окружающихъ ихъ многочисленныхъ царедворцевъ, а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили скамью, чтобы облегчить трудъ Государя. Не удивительно, что слѣдствіемъ столь рѣзкой перемѣны было общее охлажденіе къ Лжедимитрію, и что не усматривая въ немъ ничего, означающаго Царское происхожденіе, стали называть его Польскимъ *свистуномъ*.

Беръ и Нарушевичъ.

Впрочемъ не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ большей важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ онъ приказалъ отвесть Езуитамъ, для свободнаго священнодѣйствія по Римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. (Де Ту.) Въ Боярской думѣ, гдѣ засѣдалъ почти ежедневно, хотя и отличался нѣкоторымъ остроуміемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ въ сильное негодованіе бояръ, безпрестанными упреками за ихъ невѣжество и совѣтами учиться у иноземцевъ. (Бергъ.) Вообще съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: иногда дружился съ ними безъ надлежащаго приличія, за то часто ругалъ ихъ и бивалъ палкою, и то и другое къ явному нарушенію Царскаго достоинства. Любострастіе его также не знало ни какихъ границъ; онъ безчестилъ даже юныхъ монахинь, и въ довершеніе неистовствъ своихъ, взялъ себѣ въ наложницы несчастную жертву своего властолюбія, Царевну Ксенію. (Хронографъ. Письмо Мнишка къ Лжедимитрію изъ Кракова, отъ 25 Декабря 1606 года.) Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣрной расточительности. Издержавъ въ первые три мѣсяца своего правленія до семи съ половиною милліоновъ рублей (до 25 милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) онъ не переставалъ сыпать деньгами, и то не для государственныхъ нуждъ, (Письмо Бучинскаго къ Самозванцу, Января 1606 года. Нарушевичъ.)

а для удовлетворенія собственныхъ прихотей; тратился на музыкантовъ и другихъ угодныхъ ему тунеядцевъ, и самъ любилъ роскошь необычайную. Какъ будто пренебрегая прежнимъ жилищемъ Царей, онъ выстроилъ въ Кремлѣ, на берегу Москвы рѣки, деревянный дворецъ, великолѣпно убранный, насупротивъ коего выставилъ огромнаго мѣднаго Цербера, съ брящающими челюстьми. Сіе изображеніе адскаго чудовища ужасало набожныхъ Россіянъ, и усилило уже начинавшее распространяться въ нижнихъ состояніяхъ мнѣніе, что престоломъ овладѣлъ чародѣй.

Дневникъ послов Польскихъ 1606 года. Хронографъ.

Къ довершенію безразсудныхъ дѣйствій своихъ, Самозванецъ готовился исполнить данное имъ Мнишку обѣщаніе, вступить въ бракъ съ дочерью его Мариною, хотя легко могъ предвидѣть, что выборомъ невѣсты иновѣрной и принадлежащей къ народу, всегда враждебному Россіи, онъ крайне возстановитъ противъ себя своихъ подданныхъ. Но не переставая пренебрегать мнѣніемъ Россіянъ, онъ назначилъ посланникомъ въ Польшу надворнаго казначея Аѳанасія Власьева, для торжественнаго испрошенія согласія Короля на обрученіе его съ Мариною, и для немедленнаго совершенія сего обрученія, по силѣ даннаго ему полномочія.

Прежде еще отъѣзда Власьева изъ Москвы,

прибылъ шуда посланникомъ ошъ Короля Сигизмунда секрешарь его, Александръ Гонсѣвскій Сшаросша Велижскій. Кромѣ поздравленія Лжедимишрія съ возшесшвіемъ на пресшолъ и увѣдомленія о намѣреніи Короля, вступишь въ бракъ съ Австрійскою Эрцгерцогинею Консшанціею, Гонсѣвскій имѣлъ еще порученіе увѣдомишь Самозванца о пронесшемся въ Польшѣ слухѣ, что Борисъ Годуновъ еще живъ и находишся въ Англіи. Обѣщая всякое нужное содѣйсшвіе Польши, для внушренняго успокоенія Россіи, онъ шребовалъ взаимносши со стороны Царя въ ошношеніи къ Польшѣ, и просилъ его не дружишься со Швеціею и предосшавишь Полякамъ шакой же свободный шоргъ во всей Россіи, каковымъ пользуюшся Русскіе въ Польшѣ. Посланнику ошвѣчали, что слухъ о Годуновѣ не имѣешъ никакой основашельносши, что Польскимъ купцамъ будешъ свободный пропускъ по всему Государсшву, но что нельзя еще нынѣ удовлешворишь желанію Короля касашельно Швеціи, пошому что хошя Царь и гнушаешся пресшупными дѣйсшвіями похишишеля Шведскаго пресшола, однако не можешъ присшупишь къ насшоящему разрыву съ нимъ, пока не увѣришся въ исшинной пріязни къ себѣ Короля Сигизмунда, который, уменьшая шишулъ Государя Россійскаго, подавалъ поводъ сомнѣвашься въ своемъ добро-

Тайная рѣчь Гонсѣвскаго и отвѣтъ на оную.

желашельсшвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Король въ письмѣ своемъ не называлъ Лжедимишрія Царемъ, а шолько Господаремъ и Великимъ Княземъ *. Сіе шѣмъ болѣе оскорбляло Самозванца, чшо даже шишулъ Царскій казался не довольно пышнымъ для сего, счасшіемъ возлелѣяннаго пришельца. Онъ самъ себя называлъ непобѣдимымъ Цесаремъ, и домогался сего именованія и ошъ иносшранныхъ дворовъ.

Въ слѣдъ за Гонсѣвскимъ пріѣхалъ шакже въ Москву съ поздравленіемъ ошъ Папы Павла V посланникъ, Графъ Александръ Рангони, племянникъ Папскаго Нунція въ Польшѣ, первоначально сшоль много содѣйсшвовавшаго успѣху предпріяшія Лжедимишріева. Необычайная довѣренносшь Короля Сигизмунда къ его дяди была уже довольно извѣсшна Самозванцу, и пошому онъ рѣшился, не обинуясь, объяснишься съ Графомъ по предмешу сношеній своихъ съ Польшею и просишь его шайно предсшавишь Королю, чшо не смошря на возникшія между ими взаимныя неудовольсшвія, онъ никогда не забудешъ прежнія Сигизмундовы милосши, чшо Король съ своей сшороны не долженъ шребовашь условленной усшупки городовъ, до шѣхъ поръ, пока не упвердишся власшь новаго Царя досшашочно для безопаснаго и безпрепяшсшвеннаго исполненія сей сшашьи, неминуемо долженсшву-

* Смотри Приложенія № XII.

ющей огорчить Россіянъ, и наконецъ, что хотя онъ и помышленія не имѣетъ воевать съ Польшею за титулъ, но никогда не откажется отъ слѣдующей ему почести, и будетъ ожидать справедливаго удовлетворенія отъ дружескаго къ себѣ расположенія Короля *.

Между тѣмъ Власьевъ, уже отправившійся въ Польшу, продолжалъ путь свой, и прибывъ въ Краковъ 30-го Октября, остановился въ домѣ у воеводы Сендомирскаго. 4-го Ноября онъ имѣлъ торжественную аудіенцію у Короля, коему вручивъ грамоту Самозванцеву, свидѣтельствовалъ о желаніи Государя своего вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею въ особенности противъ Турокъ; на второй же аудіенціи, данной ему четыре дня спустя, онъ просилъ Сигизмунда, позволить бракъ Лжедимитрія съ Мариною Мнишковою, на что Король тотчасъ же изъявилъ свое согласіе. Дневникъ Марины.

Но такъ какъ въ то же время прибылъ въ Краковъ посланный изъ Москвы отъ Царицы Марѳы Шведъ, то Сигизмундъ не утаилъ отъ Мнишка привезенное имъ извѣстіе объ отреченіи самой Царицы отъ мнимаго сына. Не смотря на важность сего свидѣтельства, честолюбивый вое- Жолкѣвскаго рукопись.

* Смотри Приложенія № XIII.

вода пренебрегъ онымъ, и напротивъ того рѣшился поспѣшить обрученіемъ своей дочери. По пріѣздѣ Власьева, Марины еще не было въ Краковѣ. Она съ матерью своею прибыла туда 9-го Ноября, а 12-го совершилось обрученіе съ большою пышностію, въ присутствіи самого Короля. Священнодѣйствовалъ, по Латинскому обряду, Кардиналъ Маціовскій, Епископъ Краковскій. При семъ случаѣ Власьевъ, по происхожденію своему человѣкъ не знатный, не умѣлъ сохранить достоинство высокаго сана, въ который былъ облеченъ по прихоти или по довѣрію Самозванца, и оказывалъ подобострастіе, простиравшееся до грубѣйшей простоты. Такъ напримѣръ, на обычный вопросъ Кардинала, не давалъ ли прежде Царь обѣщанія жениться иной невѣстѣ, онъ отвѣчалъ: *А мнѣ какъ знать? о томъ не имѣю ни какого порученія.* Только по настоянію прислужниковъ своихъ рѣшился примолвить: *Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не слалъ бы меня сюда.* Когда дошло до перемѣны колецъ, то посланникъ вынулъ изъ малаго ларчика перстень съ толстымъ алмазомъ, величиною съ хорошую вишню, и подалъ Кардиналу, который надѣлъ оной Маринѣ на палецъ. Кардиналъ хотѣлъ также невѣстинъ перстень надѣть на палецъ представляющаго лице Димитрія, посланника. Власьевъ, не

Дневникъ Марины.

Нѣмцевичъ.

шолько не дозволилъ сего, но даже отказался принять перстень въ голыя руки, а просилъ Епископа опустить оный въ тотъ же ларчикъ, въ которомъ принесенъ былъ Царскій алмазъ. Продолжая причудничать, посланникъ, когда по приглашенію Кардинала долженъ былъ взять руку Марины, хотѣлъ непремѣнно обернуть свою въ чистый платокъ, и не безъ труда успѣли увѣрить его, что обрядъ требовалъ, чтобы онъ съ невѣстою стоялъ рука въ руку. По совершеніи обрученія, посланникъ кланялся въ землю передъ невѣстою. Богатство поднесенныхъ имъ при семъ случаѣ даровъ изумило самыхъ роскошныхъ Поляковъ *. Дневникъ Марины.

После обрученія, воевода Сендомирскій угощалъ всѣхъ присутствующихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Нѣмцевичъ. За особымъ столомъ сѣли Король, невѣста, Сигизмундова сестра Королевна Шведская, Королевичъ Владиславъ, Русскій посланникъ, Папскій Нунцій и Кардиналъ Маціовскій. Прежде кушанья всѣмъ имъ подали воды для умовенія рукъ; одинъ Власьевъ не хотѣлъ умыться. Также замѣтили, что онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, и тщательно оберегался, чтобы платье его не касалось платья сидѣвшей подлѣ него Марины. Напрасно Король посылалъ уговаривать его, чтобы

* Смотри Приложенія № XIV.

ѣлъ; онъ отозвался, что непристойно холопу ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, и что ему и то велика честь смотрѣть, какъ они кушаютъ. За обѣдомъ слѣдовали пляски, которыя началъ самъ Король съ невѣстою. Наконецъ Воевода Сендомирскій приказалъ дочери своей преклонить колѣна передъ Королемъ и благодарить его за всѣ его милости. Сигизмундъ, вставъ съ своего мѣста, и скинувъ шапку, поднялъ Марину. Потомъ надѣвъ опять шапку, говорилъ ей слѣдующую рѣчь: *Ваша милость отъѣзжаетъ въ чужую землю, къ иноземному народу, къ обрученному жениху, который, по Божіей волѣ и по нашей милости, достигъ тамошняго престола! Когда, ваша милость, будете тамъ, прошу васъ, ради Бога, не оставляйте умножать и укрѣплять хвалу Божію и миръ съ нами и съ тою державою, въ которой вы родились и въ которой оставляете отца, братьевъ, сестеръ и родственниковъ своихъ. Ваша милость и будущему супругу своему напоминайте, чтобы онъ не забывалъ нашу благосклонность и наше содѣйствіе, исполнялъ данныя намъ и нашей державѣ обѣщанія, утвержденныя его присягою, и не только во всю жизнь оказывалъ бы намъ благорасположеніе и дружелюбство, но даже передалъ бы чувства сіи и могущимъ родиться у него дѣтямъ.* Невѣста отвѣчала: *Стану молить Бога, дабы будущій господинъ*

мой супругъ, умѣлъ угодить Богу и умножать его хвалу и служеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывалъ Королю, вашей милости, и державѣ Польской должную признательность за излiянныя на него милости и одолженія.... Тутъ слезы прервали ея слова. Кардиналъ Мацiовскiй продолжалъ благодарить Короля, отъ имени ея и воеводы Сендомирскаго.

На другой день былъ отпускъ посланнику. Канцлеръ Литовскiй объявилъ ему, что Король черезъ него поздравляетъ Царя съ благополучнымъ обрученiемъ, а что въ разсужденiи союза противъ Турокъ, нужно будетъ, по дальнѣйшимъ сношенiямъ обстоятельнѣе уговориться. Власьевъ, не смотря на свое невѣжество и на преданность свою Лжедимитрiю, былъ Русскимъ въ сердцѣ и ненавидѣлъ Поляковъ. Такъ какъ при отпускѣ его, Канцлеръ называлъ Государя Россiйскаго только Великимъ Княземъ, то Власьевъ не упустилъ жаловаться на сiе. Также онъ оскорблялся и тѣмъ, что на канунѣ невѣста Царская кланялась въ землю Королю. Ему отвѣчали, что пока Марина не покинетъ Польскаго края, она не престанетъ быть подданною Короля.

23-го Ноября Марина отправилась въ Промникъ, замокъ, лежащiй въ 5-ти верстахъ отъ Кракова, гдѣ должна была оставаться, пока отецъ ея

не устроитъ дѣлъ своихъ въ Краковѣ. Напрасно Власьевъ увѣщевалъ Мнишка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода отзывался неимѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплату съ многочисленными заимодавцами своими. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожать невѣсту до Москвы, однако для удобности въ переѣздѣ уговорились, чтобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидалъ Мнишковъ въ Слонимѣ, куда они обѣщали прибыть тотчасъ по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый случай Власьевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злотыхъ.

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

Съ своей стороны, Лжедимитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злотыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разстрига, не смотря на вѣтренность свою, самъ постигалъ, что благоразуміе требовало, чтобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, онъ предписывалъ ему настаивать, чтобы невѣста его не убирала себѣ волосъ, и чтобы Папскій Нунцій доз-

Грамота Лжедимитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5-го Ноября 1605.

Наказъ Бучинскому.

волилъ ей въ день вѣнчанія принять причастіе отъ Патріарха, поститься въ Середу вмѣсто Субботы и ходить иногда въ Греческую церковь, что не могло ей служить препятствіемъ исполнять во внутренности покоевъ своихъ всѣ обряды исповѣдываемой ею Латинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Декабря, не успѣлъ склонить Рангони на просимую Самозванцемъ снисходительность. Хотя Езуиты, всегда руководимые свѣтскою мудростію, и охотно допускаютъ единовѣрцевъ своихъ къ святотульному лицемѣрію, когда сіе оказывается для нихъ нужнымъ или выгоднымъ, но вѣроятно въ семъ случаѣ они почли необходимымъ вынудить Лжедимитрія явнымъ дѣйствіемъ сдѣлать первый приступъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры въ своемъ Государствѣ, и такимъ образомъ снова возбудить видимо охладѣвшую въ немъ ревность къ папежству. Въ самомъ дѣлѣ разстрига, принявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а единственно въ угодность лицъ, отъ коихъ зависѣла тогда его участь, не торопился исполненіемъ опаснаго предпріятія. Можетъ быть, видя искреннюю и глубокую преданность Русскихъ къ старинному своему исповѣданію, рѣшился бы онъ и совсѣмъ оставить ихъ при ономъ, но боялся оскорбить Короля Сигизмунда и лишить пре-

не устроитъ дѣлъ своихъ въ Краковѣ. Напрасно Власьевъ увѣщевалъ Мнишка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода отзывался неимѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплату съ многочисленными заимодавцами своими. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожать невѣсту до Москвы, однако для удобности въ переѣздѣ уговорились, чтобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидалъ Мнишковъ въ Слонимѣ, куда они обѣщали прибыть тотчасъ по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый случай Власьевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злотыхъ.

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

Съ своей стороны, Лжедимитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злотыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разстрига, не смотря на вѣтренность свою, самъ постигалъ, что благоразуміе требовало, чтобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, онъ предписывалъ ему настаивать, чтобы невѣста его не убирала себѣ волосъ, и чтобы Папскій Нунцій доз-

Грамота Лжедимитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5-го Ноября 1605.

Наказъ Бучинскому.

волилъ ей въ день вѣнчанія принять причастіе отъ Патріарха, поститься въ Середу вмѣсто Субботы и ходить иногда въ Греческую церковь, что не могло ей служить препятствіемъ исполнять во внутренности покоевъ своихъ всѣ обряды исповѣдываемой ею Латинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Декабря, не успѣлъ склонить Рангони на просимую Самозванцемъ списходительность. Хотя Езуиты, всегда руководимые свѣтскою мудростію, и охотно допускають единовѣрцевъ своихъ къ святотатственному лицемѣрію, когда сіе оказывается для нихъ нужнымъ или выгоднымъ, но вѣроятно въ семъ случаѣ они почли необходимымъ вынудить Лжедимитрія явнымъ дѣйствіемъ сдѣлать первый приступъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры въ своемъ Государствѣ, и такимъ образомъ снова возбудить видимо охладѣвшую въ немъ ревность къ папежству. Въ самомъ дѣлѣ разстрига, принявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а единственно въ угодность лицъ, отъ коихъ зависѣла тогда его участь, не торопился исполненіемъ опаснаго предпріятія. Можетъ быть, видя искреннюю и глубокую преданность Русскихъ къ старинному своему исповѣданію, рѣшился бы онъ и совсѣмъ оставить ихъ при ономъ, но боялся оскорбить Короля Сигизмунда и лишить пре-

столъ свой надежнѣйшей опоры, которую находилъ только въ содѣйствіи Польши. По крайней мѣрѣ искалъ выиграть время, и на всѣ подстрекательства Римскаго духовенства отзывался что такое великое дѣло не можетъ быть совершено безъ предварительныхъ пріуготовленій.

Письмо Самозванца къ Папѣ Павлу V-му изъ Москвы отъ Декабря 1605 и Нунція Рангони къ Самозванцу изъ Кракова отъ 5-го Февраля 1606.

Недовольные сею медлительностію Езуиты склонили Нунція отвѣчать Самозванцу, что онъ долженъ непремѣнно, силою самодержавной власти своей, оградить нарѣченную супругу отъ всякаго принужденія по предмету исполненія обрядовъ исповѣдуемой ею вѣры.

Лжедимитрій, извѣстившись о обрученіи Марины, послалъ съ благодарительными письмами къ Королю и къ Мнишку гонца, Ивана Безобразова, который прибывъ въ Краковъ 4-го Января,

Дневникъ Марины.

началъ исполненіемъ главнаго своего порученія. Но гораздо важнѣйшее дѣло было еще тайно ввѣрено Безобразову. Онъ пользовался всею довѣренностію Князя Шуйскаго, по совѣту коего Самозванецъ отправилъ его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на его благоразуміе и на приверженность его къ себѣ, приказалъ ему довесть до свѣдѣнія Короля о неудовольствіи Бояръ противъ Самозванца. Въ слѣдствіе сего, Безобразовъ просилъ тайно переговорить съ Канцлеромъ Литовскимъ Сапѣгою, но Король нашелъ, что важность

Рукопись Жолкевскаго.

сана, занимаемаго Сапѣгою, слишкомъ обращала на него общее вниманіе, и что потому трудно было бы сокрыть свиданіе съ нимъ отъ Бучинскаго и Русскихъ чиновниковъ, въ Краковѣ находящихся. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги, гонецъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Безобразовъ объявилъ ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуютъ на Короля, давшаго имъ въ Государи человѣка нрава легкомысленнаго и свойствъ низкихъ; который предаваясь суровости, распутству и расточительности, какъ будто самъ старается оказать себя недостойнымъ Царскаго вѣнца; что они рѣшились изыскивать средства избавиться отъ него, и что наконецъ онъ такъ имъ несноснымъ казался, что лучше бы хотѣли вмѣсто его видѣть на Московскомъ престолѣ Сигизмундова сына, Королевича Владислава. Сіе неожиданное предложеніе породило, на пагубу Россіи, въ умѣ Сигизмунда мысль со временемъ воспользоваться онымъ для удовлетворенія врожденнаго въ немъ тщеславія. Однако онъ не посмѣлъ еще, по первому вызову, войти въ дальнѣйшія сношенія по сему предмету съ Русскими вельможами, и потому приказалъ отвѣчать имъ, что прискорбно ему слышать, какъ неистово ведетъ себя тотъ, котораго дотолѣ онъ почиталъ настоящимъ Димитріемъ, что онъ нисколь-

ко не намѣренъ препятствовать имъ дѣйствовать противъ него, какъ заблагоразсудятъ; и что наконецъ, касательно сына своего, такъ какъ онъ самъ имѣетъ за правило не увлекаться властолюбіемъ, то желаетъ, чтобы таковою же умѣренностію руководствовался и Владиславъ, предавая впрочемъ будущность волѣ Божіей. Изъ сего двусмысленнаго отзыва Безобразовъ заключить долженъ былъ, что по крайней мѣрѣ Сигизмундъ не будетъ стоять за Самозванца, — обстоятельство важное для успѣха въ замышляемомъ заговорѣ.

Хотя Король, Сапѣга и Гонсѣвскій не нарушили даннаго ими обѣщанія, не оглашать ввѣренной имъ тайны, но какъ сіе довольно обыкновенно бываетъ въ дѣлахъ такого рода, слабый и неопредѣлительный отголосокъ Русскихъ жалобъ, раздался по Кракову, и дошелъ даже до Бучинскаго, который писалъ Лжедимитрію, что худая молва разносится о немъ въ Польшѣ, что гордые паны сильно негодуютъ на него за доногательства его о новомъ титулѣ, и что одинъ изъ нихъ, а именно воевода Познанскій, не обинуясь говорилъ о смѣхотворной надменности, съ какою онъ самъ себя называлъ *непобѣдимымъ*; и также о томъ, что въ самой Москвѣ уже *догадываются, что онъ за человѣкъ*.

Письмо Бучинскаго къ Лжедимитрію изъ Кракова отъ Января 1606.

Казалось что знатная сумма денегъ, привезенная Бучинскимъ Мнишку, не оставляла никакого предлога воеводѣ еще мѣшкать своимъ отъѣздомъ въ Россію. Дѣйствительно, Марина выѣхала изъ Промника 11-го Января 1606 года, но вмѣсто того чтобы направиться прямымъ путемъ, черезъ Сандомиръ, Люблинъ и Брестъ къ Слониму, гдѣ ее ожидалъ Власьевъ, она поѣхала съ отцемъ своимъ въ имѣніе его Самборъ. Открылись обоюдныя неудовольствія. Самозванецъ оскорблялся, что невѣста его не отвѣчаетъ на его письма и не оказываетъ ни малѣйшей готовности поспѣшать къ нему. Мнишекъ съ своей стороны жаловался, что присланныхъ денегъ не достаточно ему для уплаты долговъ своихъ, и выговаривалъ разстригѣ, что держитъ у себя въ наложницахъ Царевну Ксенію. По послѣднему предмету Лжедимитрій тѣмъ охотнѣе согласился сдѣлать ему должное удовлетвореніе, что онъ скучалъ уже Ксеніею. Постриженная подъ именемъ Ольги, она была отправлена въ монастырь, гдѣ печальная жизнь ея продолжалась еще 16 лѣтъ. Безъ невольнаго содроганія нельзя помыслить объ ужасныхъ превратностяхъ ея судьбины. Одаренная отъ природы необычайною красотою и привлекательными свойствами ума и сердца, она цвѣла беззаботно подъ сѣнію родительской любви. Все предвѣщало ей блистатель-

Дневникъ Марины.

Письмо Станислава Бучинскаго къ Мнишку изъ Москвы отъ 27-го Декабря 1605.

Грамота Лжедимитрія тому же изъ Москвы отъ 29-го Января 1606.

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605, изъ Минска отъ 4-го Апрѣля и изъ Борисова отъ 8 го Апрѣля 1606.

Надгробная надпись въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ.

ную будущность. Уже попечительный Борисъ располагался навсегда упрочить ея благоденствіе, пріисканіемъ для нее достойнаго жениха. Выборъ его палъ на юнаго Герцога Іоанна, роднаго брата Христіерна IV Короля Датскаго. Герцогъ, сановитый и радушный витязь, понравился Царевнѣ, которая весело ожидала брака. Но не на радость обречена была Ксенія! Первымъ испытаніемъ было для нее болѣзнь и кончина жениха. За симъ ударомъ рока слѣдовали еще лютѣйшіе. Переживъ гибель отца, матери и брата, прелестная дѣва вынужденною была позорно удовлетворять преступнымъ желаніямъ убійцы милыхъ сердцу ея ближнихъ. Кто можетъ исчислить душевныя терзанія ея въ объятіяхъ злодѣя! Къ довершенію ея бѣдствій, смерть не спѣшила положить конецъ ея страданіямъ, и осужденная влачить жизнь свою еще многіе годы, она долго томилась воспоминаніями о постыдной и горестной участи своей. Неисповѣдимый гнѣвъ Божій страшно разражался надъ несчастнымъ семействомъ злодѣйски властолюбиваго Бориса.

Однако Мнишекъ все еще оставался въ Самборѣ, или дѣйствительно занимаясь необходимыми приготовленіями, для снаряженія огромной своей свиты, или устрашенный и до него доходившимъ отголоскомъ Московскихъ толковъ. Власьевъ,

более мѣсяца безполезно ожидавшій его съ невѣстою въ Слонимѣ, рѣшился наконецъ самъ ѣхать къ нему въ Самборъ, дабы лично объяснить, что дальнѣйшее мешканье, раздраживъ Самозванца, можетъ быть вредно для собственныхъ его выгодъ. На сей разъ его увѣщанія не остались безуспѣшными. Марина выѣхала изъ Самбора 20-го Февраля, въ сопровожденіи отца, брата, Власьева, Бучинскаго и множества родныхъ и знакомыхъ своихъ.

Движеніе Марины.

Хотя весенняя распутица и трудность продовольствія для многочисленной свиты всѣхъ сихъ пановъ, представляли большія препятствія въ пути, однако огромный обозъ подвигался довольно поспѣшно по направленію Люблина, Слонима, Минска и Орши. Дорогою Мнишекъ получилъ еще изъ Россіи 35,000 злотыхъ (то же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), да кромѣ того Самозванецъ прислалъ Маринѣ 5,000 червонцевъ.—Въ слѣдъ за невѣстою, Король Сигизмундъ отправилъ также въ Москву великихъ пословъ своихъ, Николая Олесницкаго Каштеляна Малагоскаго, и бывшаго уже въ Россіи, Александра Гонсѣвскаго, старосту Велижскаго.

Письмо Самозванца къ Бучинскому изъ Москвы отъ 28-го Февраля 1606.

Пока все сіе происходило въ Польшѣ, безразсудность Лжедимитрія все болѣе и болѣе умножала негодованіе Русскихъ и подозрѣнія ихъ на счетъ

его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали что онъ посѣщая другія церкви и обители, ни когда не бывалъ въ Чудовѣ монастырѣ, къ коему мнимые предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнутій, Митрополитъ Крутицкій, бывшій Архимандритомъ въ Чудовѣ, когда монашествовалъ тамъ Отрепьевъ, хорошо узналъ подъ Царскимъ вѣнцомъ юнаго инока своего, но молчалъ единственно отъ страха.

Légende de la vie et de la mort de Demetrius.

Лжедимитрій, извѣщенный о неблагопріятномъ для него народномъ говорѣ, и соображая оный съ полученными имъ предостереженіями изъ Польши отъ Мнишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ отложить прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усилить власть свою особенною преданностію къ себѣ военныхъ людей. Въ семъ намѣреніи, онъ сталъ отмѣнно ласкать и награждать стрѣльцевъ, въ Москвѣ находящихся. Но и сего не почиталъ онъ достаточнымъ для личной безопасности своей. Стрѣльцы были Русскіе, и потому, не смотря на всѣ милости его, могли быть увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежнѣе ему казалось окружить себя иноземными тѣлохранителями. Въ Январѣ

Беръ и Маржеретъ.

Маржеретъ. Легкомысліе его по крайней мѣрѣ не всегда оказывалось злонравнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не дозволялъ жениться Князьямъ Ѳедору Ивановичу Мстиславскому и Василію Ивановичу Шуйскому, дабы не умножать уваженія, которымъ они пользовались въ народѣ, и которое и безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья сіи, хотя въ преклонныхъ лѣтахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не препятствовать имъ вступить въ бракъ. Лжедимитрій тѣмъ охотнѣе согласился удовлетворить ихъ желанію, что при семъ открывался новый случай къ любимымъ имъ пиршествамъ. Князь Мстиславскій взялъ въ супружество двоюродную сестру Царицы Марѳы, а Князь Шуйскій помолвилъ на Княжнѣ Буйносовой, также свойственницѣ Нагихъ.

Утопая въ забавахъ, Самозванецъ не менѣе того помышлялъ и о воинской славѣ. Успѣхъ борьбы его съ Борисомъ, хотя единственно основанный на измѣнѣ, такъ усилилъ врожденную въ немъ самонадѣянность, что онъ дѣйствительно почиталъ себя непобѣдимымъ, и хотѣлъ всему свѣту выказать свое богатырство. Въ то время Турецкая Имперія была еще во всей полнотѣ своего могущества, и сношенія ея съ Россіею, хотя не совсѣмъ пріязненныя, не подавали однако повода къ

явному разрыву. Не смотря на сіе Лжедимитрій, изъ одного самохвальства, готовился объявить войну Оттоманской Портѣ, не жалѣя важныхъ пожертвованій, коимъ безъ нужды подвергалъ свое государство. Разосланы были повелѣнія для сбора, по веснѣ, значительнаго войска у Ельца, куда уже везли множество пушекъ. Другая рать, плавная, назначалась для спуска по Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лжедимитрій искалъ содѣйствія прочихъ державъ, сосѣдственныхъ съ Турками. Порта уже вела войну съ Шахомъ Персидскимъ за Грузію, и съ Римскимъ Императоромъ за Венгрію и Седьмиградскую землю; но Императоръ оказывалъ большую наклонность къ примиренію. Лжедимитрій назначилъ посольство къ Шаху, чтобы уговориться съ нимъ о обоюдныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго непріятеля, а съ другой стороны онъ писалъ къ Папѣ, прося его ходатайства не только на удержаніе Императора отъ преждевременнаго мира, но даже на побужденіе его къ заключенію тѣснаго наступательнаго союза съ Польшею и Россіею, для подавленія вѣчнаго врага христіанства. Но Польскій Король уклонился отъ участія въ семъ предпріятіи подъ предлогомъ, что по врожденному отвращенію не легко Полякамъ дружиться съ Нѣмцами, и что не вѣроятно, чтобы всѣ Имперскіе чины согласились принять обязательство не только со-

Палицынъ.

Письмо Рангони къ Салозавину изъ Кракова отъ 25-го Февраля 1606.

совокупными силами поддерживать Императора, но даже ни въ какомъ случаѣ отдѣльно отъ Польши не мириться съ Портою, безъ каковаго завѣренія Польша подвергалась бы опасности—быть оставленною на жертву Туркамъ. Папскій Нунцій Рангони, извѣщая Самозванца о семъ Сигизмундовомъ отзывѣ, писалъ къ нему, что въ сихъ обстоятельствахъ Папа находитъ полезнымъ ограничиться обращеніемъ Русскихъ и Польскихъ силъ на истребленіе Крымскихъ Татаръ, чѣмъ, такъ сказать, обрѣжутся крылья у Порты, и слѣдственно нанесется ей сильный ударъ, съ соблюденіемъ прямыхъ выгодъ обѣихъ участвующихъ въ семъ подвигѣ Государствъ, которымъ не представлялось другаго средства для обезопасенія навсегда предѣловъ своихъ отъ безпрестанныхъ хищническихъ нападеній гнусно-безпокойныхъ сосѣдей сихъ. Въ семъ же смыслѣ Рангони объяснялся и съ Поляками на собранномъ въ Краковѣ сеймѣ. Должно признаться, что Папское предложеніе было основано на благоразумныхъ и дальновидныхъ соображеніяхъ, но оно, кажется, не понравилось разстригѣ, который въ затѣваемомъ имъ предпріятіи искалъ не настоящихъ выгодъ Россіи, но выказыванія на обширномъ поприщѣ своихъ ратныхъ качествъ.

Намѣреніе его было начать походъ взятіемъ

Азова. Дабы ознакомить главныхъ Русскихъ военачальниковъ съ осаднымъ искусствомъ, онъ приказалъ обвесть ледяною крѣпостью Вяземской Верь. монастырь, лежащій въ 37-ми верстахъ отъ Москвы, и прибылъ туда съ Нѣмецкими тѣлохранителями, двумя отрядами Польской конницы и всѣми боярами и знатными чиновниками Русскими. Защищать крѣпость поручено было Русскимъ, а Самозванецъ самъ повелъ Нѣмцевъ на приступъ. Съ обѣихъ сторонъ снѣжные комья должны были замѣнять оружіе; но Нѣмцы, избалованные всегда оказываемою имъ Лжедимитріемъ потачкою, превратили потѣху въ кровавую драку. Они вмѣстѣ съ снѣгомъ стали бросать въ Русскихъ каменьями, и переранили многихъ бояръ. При столь неравномъ бое, не трудно было одолѣть защитниковъ крѣпости. Розенкрига первый ворвался въ оную, и воскликнулъ: *Дай Боже взять со временемъ такимъ же образомъ и Азовъ!* Подали всѣмъ пива, меду и вина, а между тѣмъ Самозванецъ велѣлъ готовиться къ продолженію ратной потѣхи, но ему донесли, что Русскіе, ожесточенные вѣроломствомъ Нѣмцевъ, запасаются для отмщенія длинными ножами. Устрашенный Царь приказалъ прекратить опасную игру и возвратился въ Москву.

Пренебрегая очевидными признаками народнаго

къ себѣ охлажденія, Лжедимитрій, какъ будто умышленно, изыскивалъ новыя средства къ возбужденію противъ себя всѣ сословія. Самое много въ Россіи тогда уважаемое духовенство не избѣгло его притѣсненій, сопряженныхъ съ явнымъ и оскорбительнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Арбатскіе и Чертольскіе священники были выгнаны изъ своихъ домовъ, для помѣщенія въ оныхъ Нѣмецкихъ тѣлохранителей, которыхъ Самозванецъ хотѣлъ имѣть даже и внѣ службы по близости Кремля. Но симъ частнымъ угнѣтеніемъ духовныхъ лицъ не ограничился Лжедимитрій. На пріуготовленія къ замышляемому имъ походу требовались издержки, для коихъ уже не доставало безпутно истощенной имъ Царской казны. Для пополненія оной, сперва онъ занималъ безвозвратно деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ рѣшился захватить монастырскія имѣнія. По приказанію его всѣ обители были осмотрѣны, и составлены вѣдомости о ихъ доходахъ и о цѣнности ихъ вотчинъ, изъ коихъ за ними оставлены только необходимыя для содержанія монаховъ, всѣ прочія были отобраны въ казну, а доходы съ нихъ обращены на жалованье собирающемуся войску.

Гревенбрухъ, Légende и Беръ.

Мѣры сіи, совершенно противныя духу времени, умножали раздраженіе умовъ противъ Самозванца и придавали новый вѣсъ разносившейся о

немъ худой молвѣ. Лжедимитрій, уже отложившій прежнее милосердіе, тайно, но жестоко наказывалъ тѣхъ, кои называли его разстригою; Многихъ изъ нихъ заключали въ темницы; другихъ же топили въ ночное время. Но безпрестанно являлись новые обличители, которые, съ безстрашіемъ повторяя рѣчи прежнихъ, волновали народъ, указывая въ особенности на наклонность Самозванцеву къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ и правъ духовенства. Даже среди самихъ стрѣльцовъ, весьма имъ ласкаемыхъ, нашлись люди, которые порицали его въ раззореніи православной вѣры. Одинъ изъ ихъ товарищей донесъ о томъ Басманову, а Басмановъ самому Лжедимитрію, который, призвавъ во дворецъ Стрѣльцевъ всѣхъ приказовъ, поставилъ передъ ними обвиняемыхъ, числомъ семь человѣкъ, и жаловался на ихъ дерзновеніе. Тогда Стрѣлецкій голова Григорій Микулинъ, подученный Самозванцемъ, воскликнулъ: *Освободи, Государь, мнѣ, я у тебя твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю.* Сказавъ сіе, Микулинъ мигнулъ стрѣльцамъ, которые въ доказательство своей преданности бросились на несчастныхъ, и всѣхъ семерыхъ изрубили въ куски. За сей достойный палача подвигъ Микулинъ былъ пожалованъ въ думные дворяне.

Палицынъ.

Никоновская Лѣтопись, и показанія Бучинскихъ въ Маѣ 1606.

Въ то же время подвергнулся опалѣ простодушный слѣпецъ, Царь Симеонъ. Сей Татаринъ по роду, былъ Русскимъ по сердцу и по духовному убѣжденію. Благодарность къ Самозванцу, воротившему его изъ ссылки, заглушалась въ немъ омерзеніемъ, внушаемомъ ему отступленіями Лжедимитрія отъ обрядовъ церковныхъ и свѣтскихъ Русскаго народа. Онъ въ бесѣдахъ своихъ, увѣщевалъ посѣщавшихъ его, не предаваться папежскимъ новизнамъ и крѣпко стоять за православіе. Разгнѣванный Самозванецъ сослалъ его въ Кириловъ монастырь, гдѣ онъ былъ постриженъ подъ именемъ Стефана.

Никоновская Лѣтопись и Грамота Лжедимитрія въ Кириловъ монастырь отъ 29-го Марта 1606.

Строгости сіи не удерживали ревнителей о вѣрѣ, которые по примѣру первыхъ страдальцевъ за правду, смѣло проповѣдывали оную. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ явился дьякъ Тимофей Осиповъ; сей мужъ по добродѣтели своей всѣми уважаемый, готовясь на отважное дѣйствіе, говѣлъ и причастился Святыхъ тайнъ. Потомъ пошелъ во дворецъ и допущенный до Самозванца, всенародно воскликнулъ: *Ты во истину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не непобѣдимый Цесарь, ни Царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ.* Лжедимитрій, пылая яростію, приказалъ немедленно умертвить Осипова.

Палицынъ.

Расположеніе умовъ было уже такъ непріязненно

для Самозванца, что не только смѣлые страстотерпцы, но даже самые уклонные царедворцы какъ бы напрашивались на гнѣвъ его. Вѣрнѣйшимъ признакомъ близкаго паденія правителей бываетъ то, когда заслуженная отъ нихъ опала возвышаетъ людей въ общемъ мнѣніи, и дѣлается предметомъ желаній честолюбцевъ. Думный дворянинъ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, всегда считался преданнѣйшимъ изъ слугъ Лжедимитрія, но и онъ, послѣ умерщвленія стрѣльцевъ, совершенно перемѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, и сталъ оказывать ему противность. Вскорѣ представился Татищеву случай пререканіемъ своимъ выставить Самозванцеву безразсудность съ весьма невыгодной стороны. За обѣденнымъ столомъ, коимъ въ Четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста разстрига угощалъ многихъ знатныхъ особъ, подали жареную телятину. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который также самъ старался давать возможную гласность неприличнымъ поступкамъ Лжедимитрія, сказалъ ему, что ѣсть мясо въ постъ противно церковному правилу, и что кромѣ того Русскіе во всякое время гнушаются телячьимъ мясомъ. Такъ какъ Самозванецъ принялся возражать Шуйскому, то Татищевъ заступился за Князя, и говорилъ такъ дерзко, что выведенный изъ терпѣнія Лжедимитрій, приказалъ вы-

Маржеретъ и сказаніе еже содѣяся.

гнать его и даже намѣревался сослать на Вятку. Но Басмановъ, ежечасно старавшійся исправлять по возможности ошибки Лжедимитрія, представилъ ему, что наказаніе Татищева неминуемо будетъ принято Русскими въ видѣ новаго опыта гоненій на приверженниковъ къ уставамъ православной церкви и къ обычаямъ народной старины. На сей разъ Самозванецъ послушался его, и въ день праздника Пасхи Татищевъ получилъ прощеніе.

Хотя происшествія сіи тайно волновали столицу, но по наружности она пребывала спокойною, такъ какъ и большая часть Государства, кромѣ восточныхъ областей онаго, гдѣ открылись важныя неустройства. Терскіе Козаки, возбужденные примѣромъ товарищей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время возстанія своего за Лжедимитрія, вздумали также искать счастія въ грабительствѣ, въ большомъ размѣрѣ произведенномъ. Сначала думали они итти на Куру-рѣку, громить Турецкихъ подданныхъ, а если удачи тутъ не будетъ, то предложить услуги свои Персидскому Шаху Аббасу. Но вскорѣ мысли ихъ получили другое направленіе. Мутившіе ихъ зачинщики говорили: *Государь насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи бояре, переводятъ жалованье боляря, да не дадутъ жалованья.* Слѣдствіемъ сихъ на-

Грамота Царя Василья Ивановича въ Соль-Вычегодскую изъ Москвы отъ 19-го Октября 1607 и Дѣла Польскія въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

ущеній было, что триста изъ удалѣйшихъ Козаковъ, подъ начальствомъ Атамана Ѳедора Бодырина, условились между собою дать себѣ собственнаго Государя, именемъ коего они надѣялись придать своимъ безчинствамъ нѣкоторый видъ законности въ глазахъ простоумной черни. Для исполненія сего новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и потому они стали разглашать, что въ 1592 году Царица Ирина родила сына Петра, но что Годуновъ, коего властолюбивые замыслы разстроивались появленіемъ законнаго наслѣдника престола, подмѣнилъ Царевича дѣвочкою Ѳеодосіею, вскорѣ послѣ того скончавшеюся. Мятежники нѣсколько времени колебались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго Царевича. Два молодые Казацкіе товарищи, Астраханецъ Димитрій и Муромецъ Илья, были признаны способными къ сему дѣлу. Но Димитрій отстранилъ отъ себя опасную почесть, отзываясь, что такъ какъ онъ не бывалъ никогда въ Москвѣ, то и не имѣетъ никакого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о Царскихъ обычаяхъ. Уважая сіи причины, общимъ приговоромъ положили Ильѣ быть Царевичемъ. Сей юноша, уже съ младенчества вовлеченный въ жизнь предпріимчивую и странствующую, былъ незаконнорожденный сынъ Муромскаго жителя, Ивана

Коровина. Послѣ смерти его отца и матери, Нижегородскій купецъ Грозилниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній въ сидѣльцы. У Грозилникова онъ оставался три года, въ теченіи котораго времени былъ посылан въ Москву, и жилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ находился въ струговыхъ батракахъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, между Нижнимъ, Астраханью и Хлыновымъ, а въ 1603 году ходилъ въ Казакахъ до Тарковъ при войскѣ окольничаго Бутурлина, посланнаго противъ Шамхала Кумыцкаго. Въ Таркахъ онъ нанялся въ стрѣльцы на мѣсто заболѣвшаго племянника одного стрѣлецкаго пятидесятника. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Терскій городъ изъ сего похода, для Россіянъ и ихъ вождя столь же славнаго сколь и пагубнаго, Илья вошелъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ же онъ поѣхалъ въ Астрахань и тамъ опять вступивъ въ Казаки, отправился на Терекъ въ отрядѣ Казачьяго Головы Аѳанасія Андреева. Всѣ сіи похожденія ясно показываютъ, что Ильѣ отъ роду не могло быть менѣе 20-ти лѣтъ, а мнимому Царевичу еще не минуло бы и 14. Но сія лѣтосчислительная несообразность не остановила Бодырина Казаковъ, которые отвезли Царевича своего къ Казачьему Атаману, Гаврилѣ Пану, живущему въ городкѣ на Быстрой, по близости

Терскаго города. Терскій воевода, Петръ Головинъ, извѣстившись о появленіи сего новаго Самозванца, послалъ приглашать Казаковъ, чтобы отослали его къ нему въ городъ, но Козаки не выдали его и напротивъ того немедленно удалились, спустившись на стругахъ до моря, гдѣ остановились на острову, лежащемъ противу устья Терека. Тутъ къ первымъ тремъ стамъ мятежникамъ пристали и всѣ прочіе Терскіе Казаки, съѣхавшіеся на островъ изъ Юртъ своихъ. Напрасно воевода Головинъ увѣщевалъ ихъ, не обнажать границы и оставить по крайней мѣрѣ половину Козаковъ на Терекѣ; они не послушались и всѣ числомъ до 4,000, направились къ Астрахани. Такъ какъ ихъ не впустили въ сей городъ, то они миновавъ оный, поплыли вверхъ по Волгѣ, упражняясь въ разбойничествѣ. Въ особенности много претерпѣли отъ нихъ купцы, торгующіе черезъ Астрахань съ Персіею, такъ что добычу ихъ цѣнили въ 300,000 рублей (1,000,000 нынѣшнихъ серебряныхъ. Лжедимитрій съ безпокойствомъ расчитывалъ, что появленіе новаго обманщика можетъ поселить недовѣріе къ прежнему, и потому почиталъ необходимымъ немедленно искоренить соперника. Но Самозванецъ не посмѣлъ открыто дѣйствовать противъ Самозванца. Разстрига прибѣгнулъ къ лукавству: онъ послалъ

Трешьяка Юрлова, звашь Царевича въ сшолицу и объявишь ему, чшо приказано взяшь нужныя мѣры для обезпеченія его продовольсшвія на пуши. Юрловъ засшалъ его въ Самарѣ. Безразсудные Казаки повѣрили, чшо Ошрепьевъ гошовъ удѣлишься пресшоломъ съ мнимымъ племянникомъ своимъ, и спѣшили вверхъ по Волгѣ двинушься къ Москвѣ.

Дневникъ Марины.

Въ сіе время сшолица находилась въ ожиданіи пріѣзда Царской невѣсшы. Осьмаго Апрѣля, Марина вступила въ предѣлы Россіи, и на мосшу ручья, образующаго границу, была всшрѣчена чешырьмя Русскими чиновниками. Хошя многіе изъ сопровождавшихъ ее Польскихъ пановъ ворошились съ дороги, усшрашенные весеннимъ распушьемъ, однако въ свишѣ ея было еще болѣе двухъ шысячъ, по большой часши вооруженныхъ людей, чшо предсшавляло видъ довольно значишельнаго воинскаго ошряда *. Не доѣзжая Смоленска, въ де-

* *Примѣчаніе.* Прилагаемъ списокъ всѣхъ особъ, въѣхавшихъ въ Россію съ Мариною:

	челов.	лошад.
1. Марина, при ней	251	251
2. Отецъ ея Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, при немъ.	445	411
3. Воеводинъ братъ, староста Красноставскій, при немъ.	107	115
4. Воеводинъ зять, Князь Константинъ Вишневецкій, при немъ	215	255
5. Воеводинъ сынъ, Янъ Мнишекъ, Староста Саноцкій, при немъ	415	411

Царицынымъ свойственникомъ Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Съ сими сановниками Лжедимитрій прислалъ невѣстѣ своей 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами, и три кареты, обитыя внутри соболями. Царица сѣла въ одну карету, запряженную двѣнадцатью лошадьми; другая карета съ десятью лошадьми слѣдовала за нею, а въ третьей, съ осмью лошадьми, ѣхали сопровождавшія ее дамы. Остальныхъ лошадей вели въ поводахъ. Марина продолжала путь свой чрезъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму не безъ труда, по причинѣ полноводія, хотя дороги и были исправлены по возможности. Польскіе послы переѣхали границу только 16-го Апрѣля, и направились тѣмъ же путемъ; при нихъ также находилась многочисленная вооруженная свита.

Дневникъ Польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго.

На пути Поляки много буянили и обижали Русскихъ жителей, такъ что воевода вынужденъ былъ назначить судей, для обузданія строптивыхъ. Но сія мѣра не имѣла успѣха, и къ своевольству пріобыкшіе люди мало слушали судей. Такимъ образомъ весьма естественно, что между необузданными Поляками и огорченными Русскими жителями усилилось врожденное отвращеніе.

Дневникъ Марины.

Девятнадцатаго Апрѣля невѣста достигла Вязьмы. Тутъ воевода разстался съ дочерью своей и поѣхалъ впередъ съ сыномъ, зятемъ и пле-

мянникомъ, взявъ съ собою небольшое число служителей. Симъ исполнялъ онъ желаніе Лжедимитрія, приглашавшаго его ускорить прибытіемъ въ столицу, дабы уговориться о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, и о необходимыхъ при оной обрядахъ.

Воевода прибылъ въ Москву 24-го числа. Самъ онъ и сопутствующіе ему три знатные Поляка ѣхали верхомъ на высланныхъ отъ Царя великолѣпно убранныхъ лошадахъ. Еще за двѣ версты отъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ Бояринъ Басмановъ, въ богатомъ гусарскомъ платьѣ, который съ окружающею его многочисленною толпою знатныхъ людей и Московскихъ дворянъ, проводилъ новопріѣзжихъ до изготовленнаго для нихъ дома.

На другой день былъ торжественный пріемъ воеводѣ у Лжедимитрія. Разстрига сидѣлъ на тронѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ алмазнымъ и лаловымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ изумрудный крестъ; въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ, а голова его была украшена высокою короною, осыпанною драгоцѣнными каменьями. Тронъ изъ чистаго серебра съ позолотою, вышиною въ три локтя, находился подъ балдахиномъ, составленномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно положенныхъ, надъ коими возвышался круглый шаръ, поддерживавшій двуглаваго орла изъ Паерле и Дневникъ Марины.

чистаго золота. Надъ креслами висѣла икона Богоматери, украшенная драгоцѣнными каменьями. У подножія трона на углахъ лежали серебряные львы, величиною съ *волка,* на коихъ утверждались круглые столбы. Отъ щитомъ надъ передними столбами, висѣли съ каждой стороны по кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ коихъ находился топазъ, величиною болѣе грецкаго орѣха. На двухъ высокихъ серебряныхъ ножкахъ стояли грифы, касаясь столбовъ. Ведущія къ трону три ступени были покрыты золотою парчею. Съ обѣихъ сторонъ стояло по два рынды, съ желѣзными бердышами на золотыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горностаями, въ бѣлыхъ сапогахъ и съ золотыми цѣпями на груди. По лѣвую руку Царя стоялъ Князь Михаилъ Шуйскій-Скопинъ съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за Царемъ Власьева сынъ въ богатомъ кафтанѣ, имѣя въ рукахъ платокъ. Справа сидѣлъ въ креслахъ Патріархъ, въ черной бархатной рясѣ, выложенной по краямъ въ ладонь шириною жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Передъ нимъ служка держалъ на золотомъ блюдѣ крестъ и серебряную чашу съ святою водою. Ниже Патріарха помѣщались на лавкахъ семь Архіепископовъ и Епископовъ, а за сими бояре и дворяне, кои так-

же сидѣли и на лѣвой сторонѣ трона. Персидскіе ковры покрывали полъ и скамьи.

Мнишекъ, увидѣвъ презрѣннаго имъ пришельца во всемъ блескѣ Царскаго Величества, невольно смутился, и только по нѣкоторомъ молчаніи поклонился Лжедимитрію и поцѣловалъ его руку. Потомъ говорилъ ему рѣчь, гдѣ превознося его достоинства и счастіе своей дочери, не упустилъ однако дѣлать намеки на прежнюю ничтожность, изъ коей онъ вывелъ его своимъ стараніемъ и попеченіемъ. Разстрига заливался слезами. За него Мнишку отвѣчалъ Власьевъ. Послѣ чего Самозванецъ, подозвавъ воеводу, самъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, на который и родственники его съ ихъ свитою были званы Басмановымъ. Столовая, обитая Персидскою голубою тканью, съ парчевыми занавѣсами у оконъ и дверей, была вся уставлена до самого потолка золотою или серебряною посудою, а изъ огромнаго серебрянаго сосуда вода кранами лилась въ три таза. Царскія кресла были покрыты черною тканью, вышитою золотыми узорами. Лжедимитрій сидѣлъ одинъ за столомъ, серебрянымъ съ позолотою, накрытымъ скатертью, вышитою золотомъ. По лѣвую сторону отъ него, за другимъ столомъ, посадили воеводу и его родственниковъ. За третьимъ столомъ, накрытымъ напротивъ Царскаго, помѣстили Польскихъ служи-

шелей, черезъ человѣка съ Русскими чиновниками, назначенными ихъ угощать. Но Бояре Русскіе сидѣли особо, по правую сторону Самозванца. На сей разъ пиршество происходило со всею строгостію старинныхъ придворныхъ обычаевъ, съ однимъ только измѣненіемъ, что четыремъ Панамъ подали тарелки, коихъ не водилось давать никому. Такъ какъ сіе происходило въ Пятницу, то кушанье все было рыбное. Хлѣба на столахъ не находилось, но когда сѣли, то Царь разослалъ каждому по большому куску калача. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Поляки удивлялись, что стольники исполняли должность свою безъ поклоновъ и даже не снимая шапокъ, а только слегка наклоняя голову. По окончаніи стола закусокъ не подавали, а только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя Царь своеручно раздавалъ стольникамъ въ награжденіе за ихъ службу.

Дневникъ Марины.

Въ слѣдующій день Паны послѣ обѣда были приглашены во дворецъ, гдѣ играли сорокъ музыкантовъ Яна Мницки. Подавали множество напитковъ и веселились до самаго вечера. Разстрига нѣсколько разъ переодѣвался то по гусарски, то по Русски. Гусарскій нарядъ его состоялъ изъ парчеваго полукафтанья и краснаго бархатнаго доломана, усыпаннаго жемчугомъ, съ краснымъ непо[illegible] [illegible] и сафьянными башмаками. [illegible]

Вишневецкій плясалъ передъ нимъ съ Яномъ Миншкомъ. Самозванецъ наградилъ музыкантовъ съ свойственною ему расточительностію. Онъ приказалъ выдать имъ 2,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.)

28-го числа, Лжедимитрій съ гостями своими ѣздилъ на охоту на одинадцатую версту по Смоленской дорогѣ. Выпускали многихъ звѣрей и наконецъ медвѣдя. Такъ какъ ни одинъ изъ Пановъ не отважился сразиться съ нимъ, то самъ разстрига пошелъ на него, и однимъ ударомъ рогатины убилъ его и саблею отсѣкъ ему голову. Ударъ рогатиною былъ такъ силенъ, что рукоятка оной разлетѣлась въ дребезги. Послѣ сего подвига, всѣ обѣдали по близости въ палаткахъ, приготовленныхъ для невѣсты. Великолѣпныя ставки сіи, расположенныя на живописныхъ лугахъ, прилегающихъ къ рѣчкѣ Сѣтуни, были окружены полотняною оградою, представляющею видъ замка, съ четырнадцатью раскатами и тремя воротами. Посрединѣ находились для Марины пять нарядныхъ шатровъ, и осмнадцать другихъ наметовъ для сопутниковъ ея. Въѣздъ Польскихъ Пословъ въ Москву, въ 1606 году.

Среди пировъ и забавъ, занимались и дѣломъ, для коего воевода былъ вызванъ въ Москву. Изъ начатыхъ переговоровъ съ Русскимъ духовенствомъ,

старый Мнишекъ убѣдился о необходимости не вполнѣ удовлетворять наставленія Нунція Рангони. Положили, чтобы для наружности Марина ходила въ Греческія церкви, приняла причастіе отъ Патріарха и постилась въ Среду вмѣсто Субботы. Но по прочимъ статьямъ она должна была сохранять обряды своей вѣры, и даже позволялось ей имѣть Латинскую церковь во внутреннихъ покояхъ ея. Патріархъ Игнатій изъявилъ согласіе на сихъ условіяхъ не только благословить бракъ Марины, но даже и вѣнчать ее на царство, каковая почесть дотолѣ никогда Царицамъ предоставляема не была. Прочее духовенство безмолвствовало, кромѣ Ермогена, Архіепископа Казанскаго и Іоасафа Епископа Коломенскаго, которые смѣло говорили, что если невѣста не перекрестится въ Греческую вѣру, то бракъ не можно будетъ почитать законнымъ. Непреклонные святители обратили на себя гнѣвъ

Сказаніе еже содѣлся.

разстриги, который приказалъ выслать Ермогена въ Казань и тамъ, лишивъ его сана, заключить въ монастырь. Такую же участь Самозванецъ готовилъ и Іоасафу.

Дневникъ Марины.

Между тѣмъ Марина, достигшая Вязьмы, оставалась тамъ нѣсколько дней, и только 29-го Апрѣля переѣхала въ шатры, на Сѣтуни распо-

вошла въ одинъ изъ изготовленныхъ шатровъ, гдѣ представлялись ей до 300 Русскихъ бояръ и другихъ знатныхъ сановниковъ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны. Князь Мстиславскій отъ имени всѣхъ ихъ говорилъ поздравительную рѣчь, послѣ коей подвезли великолѣпную карету, которую Лжедимитрій дарилъ невѣстѣ своей. Высокая и огромная карета сія, устроенная на Русскій образецъ, сверху была покрыта алымъ золотымъ глазетомъ, а внутри обита соболями и вся вызолочена. У колесъ ступицы были золоченыя, а спицы лазоревыя съ золотыми звѣздами. Спереди вмѣсто козелъ стояли два золоченые ангела, держащіе въ рукахъ розаны. Верхъ кареты украшался золотымъ орломъ, а на бокахъ испещряли ее драгоцѣнные камни, жемчугъ и позолота. Ее везли десять чубарыхъ лошадей, въ хомутахъ изъ алаго бархата, съ серебряными вызолоченными пряжками и съ шелковыми постромками. Каждую изъ лошадей велъ подъ уздцы особый конюхъ. Когда Марина сѣла въ сію карету, то началось шествіе. Впереди ѣхали Царскіе дворяне и Боярскіе дѣти, а за ними знатные Поляки, сопутствующіе Маринѣ, за коими ѣхалъ старый Мнишекъ, на прекрасномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремена его были изъ литаго золота съ бирюзами. Ему при-

служивалъ Арапъ, богато одѣтый по-Персидски. Потомъ слѣдовала великолѣпная карета, въ коей въ большомъ мѣстѣ сидѣла Марина, а напротивъ ея старостина Тарлова. При каретѣ находились шесть гайдуковъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, съ золотымъ позументомъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. Нѣсколько поодаль, также по обѣимъ сторонамъ кареты, шли Нѣмецкіе тѣлохранители и стрѣльцы, близъ моста ожидавшіе прибытія невѣсты. За первою каретою слѣдовала другая, въ которой невѣста выѣхала съ ночлега, и которая, обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею, была везена восемью бѣлыми лошадями въ красныхъ бархатныхъ шорахъ, коими правили возничіи, въ красныхъ атласныхъ жупанахъ и ферезяхъ. Карета сія ѣхала пустая, хотя и стояли въ ней четыре стула, богато позолоченные и покрытые красною парчею. Въ третьей каретѣ, также запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, въ красныхъ бархатныхъ шорахъ съ серебряною позолоченною оправою, сидѣли Княжна Косырская, Хоронжина Тарлова и паньи Гербуртова и Казановская. Возничіи ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ атласныхъ ферезяхъ. Потомъ ѣхали двѣ линейки: одну, раззолоченную, рѣзной работы, обитую краснымъ бархатомъ съ золотою

бахрамою, везли шесть чубарыхъ лошадей въ бархатныхъ зеленыхъ шорахъ, съ возничими въ зеленомъ атласномъ платьѣ; другая, обитая чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, была запряжена шестью карими лошадьми съ возничими въ черныхъ камчатныхъ ферезяхъ. Въ первой линѣйкѣ сидѣли двѣ паньи, а во второй комнатныя дѣвушки Марины. Кромѣ того было еще нѣсколько каретъ, съ старыми паньями и горничными, за коими ѣхали Польскіе гусары Марининой свиты, и наконецъ двѣ тысячи конныхъ Русскихъ стрѣльцовъ замыкали шествіе.

Когда Марина черезъ Куряшныя ворота въѣхала въ Китай-городъ, то загремѣли, поставленные на подмосткахъ близъ Кремлевской стѣны, 73 барабанщика и столько же трубачей. Сія нескладная музыка продолжалась до тѣхъ поръ, пока невѣста не вступила въ Вознесенскій монастырь, гдѣ до свадьбы своей она должна была жить при Царицѣ Мареѣ.

Народъ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что во время шествія Марины черезъ городъ поднялась буря, подобная той, которая въ день вступленія Лжедимитрія въ столицу уже принята была за худое предзнаменованіе для его царствованія. Московскіе жители, подозрительно смотрѣвшіе на многочисленную вооруженную свиту Польскихъ

Беръ.

дишь нарѣченнаго зятя своего, не дѣлать неумѣстныхъ возраженій. Мнишекъ обѣщалъ имъ употребить на сіе всѣ возможныя усилія, и они вошли въ палату. Думный дворянинъ Микулинъ, который ввелъ ихъ, подойдя съ ними къ трону, произнесъ слѣдующія слова: *Всепресвѣтлѣйшій и могущественнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію Великій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ Царствъ и Государствъ, Московской державѣ подвластныхъ, Государь, Царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію Короля Польскаго Великаго Князя Литовскаго, Послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій, бьютъ челомъ у престола Вашего Царскаго Величества.* Тогда Олесницкій, поклонившись сказалъ: *Всепресвѣтлѣйшій, Великій Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣдный Король Шведскій, Готскій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ земель, благоволилъ послать насъ, пословъ своихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, Каштеляна Малагоскаго, и Пана Александра Корвина Гонсѣвскаго, Секретаря и дворянина своего, Старосту Велижскаго, помѣщика Конюховскаго съ тѣмъ, чтобы именемъ Его Коро-*

И такъ возьмите сіе письмо обратно и отвезите къ своему Государю. Олесницкій горделиво отвѣчалъ: *Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили мы Аѳанасью Ивановичу письмо его Королевскаго Величества, пріемлемъ оное обратно, чтобы возвратить Государю нашему, когда ваше Господарское Величество гнушается имъ. Изъ всѣхъ Государей христіанскихъ только ваше Царское Величество не признаетъ древняго титула Его Королевскаго Величества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Королевское Величество и всю Рѣчь Посполитую. Возсѣвъ на тронъ сей дивнымъ Божіимъ промысломъ, по милости Его Величества Короля, при помощи народа Польскаго, Ваше Господарское Величество скоро забыли сіе благодѣяніе! И не только Его Королевское Величество, Государь, нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы послы ея, но и всѣ сіи знаменитые Поляки, стоящіе предъ очами Вашего Господарскаго Величества, оскорблены уничиженіемъ достоинства нашего Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о коихъ Ваше Господарское Величество узнали бы изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозволенія возвратиться на квартиру.* Тогда Лжедимитрій, не воздерживая болѣе врожденную въ немъ словоохотливость, самъ пустился въ неприличное преніе и сказалъ слѣдующее: *Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы Монархи, возсѣдая на тронъ, спорили*

Отвѣтъ Лжедимитрія Польскимъ посламъ, въ рукописяхъ бывшей Пулавской библіотеки.

съ послами; но Король Польскій, опуская наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Удивляемся, что насъ Король, его милость, братомъ и другомъ своимъ именуетъ, а насъ какъ бы въ голову ударяетъ, унижая насъ и отнимая собственный нашъ титулъ, который дарованъ намъ отъ самаго Бога, который имѣемъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, и на употребленіе котораго ни Римляне, ни другіе древніе Монархи не могли болѣе насъ имѣть права. Насъ именуютъ Императоромъ по тѣмъ же причинамъ, по коимъ и ихъ такъ именовали, ибо не только кромѣ Бога нѣтъ никого выше насъ, но мы также имѣемъ власть законодательную, и, что еще важнѣе, сами законъ въ великомъ Государствѣ нашемъ, что и означаетъ Монарха или Императора. Мы, по милости Божіей, пользуемся такою же властію, какою пользовались Цари Ассирійскіе, Мидійскіе и Персидскіе. Мы также сами повелѣваемъ нѣсколькими Царями Татарскими, а потому и не усматривается, почему бы мы теперь были хуже Великаго Хана, котораго весь Историки называютъ Татарскимъ Императоромъ? Впрочемъ многіе и насъ такъ называютъ, и сами Его Цесарское Христіанское Величество и святѣйшій Отецъ никогда не стыдились въ письмахъ своихъ насъ, или предковъ нашихъ, именовать Цесарями. Посланникъ нашъ къ Его Королевскому Величеству, Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, придворный нашъ Казначей, имѣлъ на то при себѣ до-

статочныя доказательства. Мы хорошо знаемъ, что предки нашего сего титула не употребляли и онаго не требовали, но сіе не можетъ служить для насъ препятствіемъ, ибо молчаніе Монарховъ или неупотребленіе ими довлѣемаго титула не составляетъ никакой давности, и отъ безпечности предковъ наслѣдники въ семъ случаѣ не утрачиваютъ своихъ правъ. Къ тому же должно вспомнить, что всякое Государство начинается съ простоты и грубости, и только со временемъ все болѣе и болѣе получаетъ образованности въ нравахъ, обычаяхъ и даже самыхъ рѣчахъ. Такъ мы читаемъ, что въ вѣкъ простоты Цари назывались Пастырями, судьями и другими не пышными именованіями, и сіе замѣчается при началѣ всѣхъ Государствъ. Въ слѣдствіе, нисколько не удивительно что въ прежнія времена поступали неосмотрительно не только предки наши, но и другіе Государи. Ибо ежели правда, какъ о Короляхъ Польскихъ пишутъ Польскіе Историки, что они получили отъ Императора Оттона корону и титулъ Короля, хотя прежде того уже были и именовались Монархами, то они приняли отъ равнаго себѣ то, что имѣли отъ Бога, и навѣрное нынѣ того бы не сдѣлали. Сверхъ того каждый Государь можетъ называть себя, какъ хочетъ. Такъ у Римлянъ многіе Императоры называли себя народными Трибунами, Консулами, Авгурами, и оставляли свой титулъ по произволу. Всѣмъ также извѣстно, что съ начала

Римскіе Императоры именовались только Принцыпами. Августъ Императоръ не хотѣлъ называться Господиномъ, хотя дѣйствительно былъ таковымъ, ибо сами Римляне особеннымъ закономъ предоставили ему полную повелительную власть, освободивъ его отъ всѣхъ законовъ. Самые предки Короля, его милости, назывались Князьями, Монархами и только наконецъ Королями. По симъ причинамъ, мы объявляемъ симъ Королю, его милости, что мы не только Господарь, Царь, но и Императоръ, и не намѣрены по напрасну терять сей титулъ Государства нашего. Если Король, его милость, почитаетъ насъ братомъ и другомъ, почему же отказываетъ въ достояніи нашемъ: ибо тотъ болѣе мнѣ врагъ, кто умаляетъ преимущества и украшенія моего Государства, которыя Монархи берегутъ, какъ зѣницы глазъ, чѣмъ кто посягнетъ на мое имѣніе. Самая высшая справедливость есть воздавать каждому, что ему принадлежитъ. Иное дѣло было, когда предки находились въ враждѣ съ Польскою державою. Тогда пристойно было унижать другъ друга, какъ сіе и въ другихъ Государствахъ дѣлалось и дѣлается. Но въ дружбѣ должно поступать иначе; почему мы и надѣялись, что Король, его милость, будучи старѣйшій, самъ направитъ насъ ко всему, клонящемуся къ добру и чести нашей и государства нашего.

По выслушаніи сего многословнаго изъясненія, Олесницкій возразилъ: *Ваша пресвѣтлѣйшая гос-* Дневникъ пословъ.

подарская милость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное дѣло Монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ послами. Точно такъ: столь же необыкновенно, чтобы послы осмѣливались говорить о томъ, чего не предписано въ данномъ имъ наказѣ. Но какъ Ваше Господарское Величество сами къ тому принуждаете меня, то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи рѣчи Вашему Господарскому Величеству, однакожъ какъ Полякъ, человѣкъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. Вспомните, Ваше Господарское Величество! или прикажите справиться въ коронныхъ канцелляріяхъ, въ Литовской и въ своей Московской, даже спросите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, какой титулъ употребляли предки Вашего Господарскаго Величества? всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши никогда не приписывали имъ Цесарскаго титула, который Ваше Господарское Величество неправильно себѣ присвоиете. Предки ваши никакого Цесарства подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ Его Королевское Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый Государь. Развѣ иначе писывалъ къ вамъ Король Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ владѣніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Господарское Величество, съ усерднымъ желаніемъ помогалъ вамъ отыскать прародительскій вѣнецъ? И теперь, оставаясь въ прежней искренней пріязни, не тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее Вашему всепресвѣтлѣйшему Госпо-

дарскому Величеству, когда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Господарское Величество, что на сей престолъ Вы взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіей, по милости Его Королевскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь свою за Ваше всепресвѣтлѣйшее Господарское Величество! Вы платите вмѣсто благодарности неблагодарностію, вмѣсто пріязни непріязнію; доброе расположеніе и дружелюбіе Его Величества, Государя нашего, пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ таковой Его Королевскому Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемся предъ вами, всепресвѣтлѣйшій Господарь! самимъ Богомъ и сими думными боярами, что не Король Польскій, Государь нашъ, а Ваше Господарское Величество разрываете дружбу съ Его Величествомъ и Рѣчью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ симъ къ нашему Государю, и просимъ проводить насъ на квартиру.

Если бы Лжедимитрій умѣлъ сохранять достоинство своего сана, то, услышавъ столь дерзкія

нарѣканія, немедленно велѣлъ бы выслать посла. Вмѣсто того, продолжая съ нимъ преніе, онъ говорилъ слѣдующее: *Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ бы ихъ на бумагѣ, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, когда велимъ нашимъ думнымъ боярамъ вступить съ вами въ переговоры. Король же, умалчивая употребляемый нами титулъ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и все христіанство. Если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ, вы вѣрно не отвѣчали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу принять сего письма, потому что въ надписи онаго нѣтъ моего полнаго титула. Мы обѣщали Королю быть для него братомъ и такимъ другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла держава Польская; а теперь мы должны остерегаться Короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ единоземцевъ убѣждаютъ Его Величество, Короля, не признавать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе споры.* Посолъ отвѣчалъ: *Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать разговоровъ съ Вашимъ Господарскимъ Величествомъ. Вы обѣщали повелѣть думнымъ боярамъ переговорить съ нами о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ другими порученіями Его Королевскаго*

Величества. За симъ, послы готовились выйти, но Лжедимитрій, снова обращаясь къ Олесницкому, сказалъ ему: *Панъ Малогоскій! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко мнѣ привязанность, и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу принять васъ въ государствѣ моемъ не какъ посла, а какъ пріятеля моего.* Подойдите къ рукѣ нашей. Посолъ не тронулся съ мѣста и возразилъ: *Всепресвѣтлѣйшій, Великій Господарь! нижайше благодарю за милость, которую Ваше Господарское Величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете меня не посломъ, то я не могу оною пользоваться, и прошу Ваше Господарское Величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осыпанный милостями Вашего Господарскаго Величества, я старался доказать вамъ въ Польшѣ свою доброжелательную услужливость: да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и вѣрность Его Королевскому Величеству.* Хотя разстрига и повторилъ приглашеніе, Олесницкій только поклонился и отозвался, что не можетъ исполнить царскаго желанія. Смущенный стойкостію посла, Лжедимитрій наконецъ воскликнулъ: *Подойди, вельможный панъ, какъ посолъ!* Олесницкій и тутъ упорствовалъ и отвѣчалъ: *Подойду, если Ваше Господарское Величество возьметъ письмо Королевское.*— *Возьму,* сказалъ Самозванецъ. Тогда оба посла по-

цѣловали его руку. Власьевъ принялъ письмо и прочиталъ его передъ трономъ. Потомъ, по приказанію Димитрія, сказалъ посламъ: *Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; однакожъ Его Цесарское Величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ сіе письмо и васъ, пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго никакихъ писемъ безъ полнаго Цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмунда Государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ Цесарскимъ престоломъ.*

Послы отправили посольство обыкновеннымъ порядкомъ. Олесницкій въ рѣчи своей объяснилъ, что онъ съ товарищемъ своимъ, присланы отъ Короля, дабы вмѣсто его особы присутствовать на свадьбѣ Димитрія. Гонсѣвскій же сказалъ, что имъ поручено также войти въ сношеніе съ думными боярами, по предмету взаимныхъ требованій Польши и Россіи, дабы съ благополучнымъ

окончаніемъ сихъ дѣлъ можно было приступить къ тѣсному союзу противъ Турокъ. Въ отвѣтъ на сіи рѣчи Власьевъ объявилъ, что Государь прикажетъ боярамъ начать предлагаемые переговоры. Дневникъ Марины.

Послы замѣтили, что по старинному обряду Россійскіе Государи всегда спрашивали о здоровьи Короля, вставъ съ своего мѣста. Лжедимитрій, услышавъ сіе, спросилъ не вставая съ мѣста: *Его Королевское Величество, Государь вашъ, въ добромъ ли здоровьи!* Олесницкій отвѣчалъ: *Его Королевское Величество, Государь нашъ былъ въ добромъ здравіи и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству надлежало привстать, спрашивая о здравіи Его Королевскаго Величества.* Лжедимитрій отвѣчалъ: *Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здравіи*, и приподнявшись не много присовокупилъ: *Мы радуемся, что Король, вашъ Государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ здравіи.*

По поднесеніи Послами подарковъ, Власьевъ сказалъ имъ: *Цесарское Величество жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ.* Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи ихъ на посольскій дворъ, Чашникъ Василій Бутурлинъ прибылъ къ нимъ съ различными яствами и напитками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. Въ сей день разсирига Дневникъ пословъ.

огорчилъ и Поляковъ и Русскихъ; сусславныя настоянія его о титулѣ возбудили негодованіе Поляковъ, а Русскіе, хотя и не одобряли настояній сихъ, но не менѣе того досадывали, когда увидѣли, что онъ, какъ будто устрашенный рѣшимостію Посла, согласился отстать отъ оныхъ. Также сказанное Гонсѣвскимъ о взаимныхъ требованіяхъ обѣихъ Государствъ, много потревожило Русскихъ, которымъ казалось сіе подтвержденіемъ уже носившихся слуховъ о обѣщанной Самозванцемъ Королю уступки городовъ, хотя Лжедимитрій, извѣщенный о сей молвѣ, и увѣрялъ, что ни единой пяди Русской земли никогда не отдастъ Польшѣ.

Никоновская Лѣтопись.

Марина, вмѣсто того, чтобы въ кельяхъ монастырскихъ вести жизнь скромную и уединенную, помышляла только объ удовлетвореніи своихъ прихотей, въ чемъ не получала отказа отъ жениха. Напримѣръ такъ какъ ей не по вкусу были приносимыя изъ дворца яства, то Лжедимитрій приказалъ готовить для нея кушанье Польскимъ поварамъ, и отдать имъ ключи отъ царскихъ запасовъ и погребовъ. Для увеселенія же невѣсты своей Самозванецъ вводилъ къ ней въ монастырь скомороховъ, скрыпачей и пѣсенниковъ, которые шумными забавами нарушали мирную тишину святой обители, къ большому соблазну

Дневникъ Марины.

Légende.

набожныхъ Москвитянъ. Разстрига также безъ мѣры дарилъ невѣсту. Онъ прислалъ ей ларецъ, съ разными драгоцѣнными вещами, цѣною на 500,000 рублей (два милліона съ половиною нынѣшнихъ серебряныхъ) и дозволилъ ей раздавать изъ оныхъ, что кому пожелаетъ. Кромѣ того старый Мнишекъ получилъ на заплату долговъ своихъ въ Польшѣ 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Считаютъ, что Самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ растратилъ до 800,000 рублей (до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ.)

Никоновская Лѣтопись.

Дѣла Польскія.

Разстрига, какъ бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣнчанія на царство Марины Четвергъ 8-го Мая. Уставъ православной церкви не дозволяетъ совершать обрядъ бракосочетанія ни подъ Пятницу, ни подъ всякій праздникъ. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нарушалось правило, ибо 9-е число было не только въ Пятницу, но и Николинъ день.

Для избѣжанія давки на Царской площади, Марина поздо вечеромъ въ Среду, переѣхала во дворецъ, при свѣтѣ множества факеловъ. Дѣти боярскіе и Нѣмецкіе алебардщики шли передъ ея каретою. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы Мари-

Дневникъ Марины.

Бер. на вѣнчалась въ Польскомъ плащѣ подъ предлогомъ, что она не привыкла къ иному; Лжедимитрій и въ томъ желалъ угодить имъ, но Русскіе сановники требовали непремѣнно, чтобы она одѣлась по-Русски. Непреклонность ихъ убѣдила наконецъ разстригу, что отступленіе въ семъ предметѣ отъ старинныхъ обычаевъ, сочтено было бы ими за оскорбленіе чести народной. Не смотря на обыкновенную вѣтренность свою, онъ сказалъ: *Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ!*

Свадебные обряды того времени были соблюдены въ точности. Посажеными отцемъ и матерью назначены Князь Мстиславскій съ супругой. Тысяцкимъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, а дружками у жениха были Бояре: Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Григорій Θедоровичъ Нагой, а у невѣсты: бояринъ Михайло Александровичъ Нагой и панъ Тарло. Свахами какъ у жениха, такъ и у невѣсты были супруги ихъ дружекъ. Въ поѣздѣ находились двадцать одинъ знатныхъ Московскихъ дворянъ, а въ сидячихъ шесть бояринь, семнадцать бояръ, четверо окольничихъ два думныхъ дворянина, четыре думныхъ дьяка, Постельничій и два стряпчихъ съ ключемъ. Въ

Разряды.

назначенный часъ Марину ввели въ столовую избу ея отецъ и Княгиня Мстиславская. Передъ невѣстою шли дружки и Рожественскій Протоіерей въ эпитрахили и поручахъ, съ святою водою и крестомъ, а за нею слѣдовали свахи и боярыни сидячія. Марина была въ красномъ бархатномъ Русскомъ платьѣ, съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ подкованныхъ сапогахъ, но все на ней было такъ усыпано алмазами, лалами и жемчугомъ, что не видно было ни бархата ни сафьяна. Головной уборъ ея состоялъ изъ богатаго кокошника. Протоіерей и дружки пошли за женихомъ, который немедленно съ ними отправился въ столовую, взявъ еще съ собою только однихъ *поѣзжанъ*. Одежда его покрывалась червленною бархатною мантіею, унизанною жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а на головѣ сіяла корона; въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой державу, осыпанную алмазами. По прибытіи его въ столовую началось обрученіе по Русскому обряду. Протоіерей говорилъ приличныя молитвы, дружки рѣзали короваи и подносили ширинки. Послѣ обрученія, женихъ и невѣста пошли постельнымъ крыльцомъ въ грановитую палату, гдѣ ожидали ихъ *сидячіе* и гдѣ изготовленъ былъ возлѣ Царскаго трона другой, поменьше, для Марины. Лжедимитрія вели подъ руки Воевода Сендомирскій и

Брачный обрядъ при Лжедимитріевой свадьбѣ съ Мариною. Дневникъ Польскихъ Пословъ. Паерле.

*

Князь Мстиславскій, а Марину Княгини Мстиславская и Шуйская. За нею шли знатныя Польки, обѣ Тарловы, Гербуртова и Казановская. Войдя въ грановитую палату, Лжедимитрій сѣлъ на тронъ, а тысяцкій Князь Шуйскій подойдя къ Маринѣ, произнесъ слѣдующія слова: *А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Руссіи! Божьимъ праведнымъ судомъ, и за изволеніемъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго Самодержца, Великаго Государя Дмитрія Ивановича, Божіею милостью, Цесаря и Великаго Князя всея Руссіи, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволилъ васъ, наяснѣйшую Великую Государыню взяти себѣ въ Цесареву, а намъ въ Государыню, и Божіею милостію, обручанье ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы наяснѣйшей и Великой Государынѣ нашей, по Божьей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступити на свой Цесарской маестатъ и быть съ нимъ Великимъ Государемъ на своихъ преславныхъ Государствахъ.* Послѣ сей рѣчи, Протоіерей осѣнилъ крестомъ малый тронъ, который и заняла Марина. Тогда ввели въ палату Польскихъ Пословъ и другихъ знатныхъ Поляковъ. Всѣ сѣли, какъ иноземцы, такъ и Русскіе, кромѣ поѣзжанъ. Ожидали большой короны, живо-

шворящаго креста и бармовъ, за которыми послано было на казенный дворъ. По принесеніи сей Царской утвари, принялъ ее Бояринъ Михайло Θедоровичъ Нагой и поднесъ Лжедимитрію, который приложился ко кресту и поцѣловалъ корону. То же сдѣлала и Марина. Послѣ чего Благовѣщенскій Протоіерей, покрывъ пеленою утварь, отнесъ ее на головѣ своей въ Успенскій Соборъ, и былъ встрѣченъ у дверей Патріархомъ, который положилъ утварь на изготовленномъ посреди церкви налоѣ. Когда донесли Лжедимитрію, что все готово для священнодѣйствія, то онъ чрезъ красное крыльцо отправился въ соборъ. Впереди шли стольники, стряпчіе, знатные Поляки и Королевскіе Послы, а за ними поѣздъ. Потомъ несъ скипетръ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и державу Бояринъ Басмановъ. За Басмановымъ слѣдовалъ въ эпитрахили Благовѣщенскій Протоіерей, кропящій святою водою передъ женихомъ и невѣстою, которые шли рядомъ одинъ подлѣ другаго. Лжедимитрія подъ правую руку поддерживалъ Воевода Сендомирскій, а Марину подъ лѣвую Княгиня Мстиславская. За ними шли Бояре, Дворяне, думные и приказные люди и прочіе Поляки изъ Мнишковой свиты. Путь усталъ былъ сукномъ, а по оному фіолетовымъ бархатомъ. Охраненіе порядка было поручено на красномъ

крыльцѣ и отъ онаго до собора шести головамъ стрѣлецкимъ, двадцати сотникамъ, да тремъ стамъ стрѣльцамъ. Кромѣ того стояли еще въ ружьѣ Нѣмецкіе тѣлохранители и нѣсколько стрѣльцовъ. Въ соборѣ устроено было чертольное мѣсто, обитое краснымъ сукномъ о двѣнадцати ступеняхъ. Наономъ стоялъ тронъ для Лжедимитрія, Персидскій, золоченый съ каменьями *, а по обѣимъ сторонамъ онаго находились стулья; на правой сторонѣ, поменьше для Патріарха, а на лѣвой большой золоченый для Марины. Войдя въ церковь, Лжедимитрій и Марина прикладывались къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и къ ракамъ чудотворцевъ. Потомъ проводили ихъ на чертольное мѣсто Патріархъ и Митрополитъ Новогородскій. Тогда, къ изумленію Русскихъ, началось коронованіе Марины, не только прежде отреченія ея отъ папежства, но даже прежде брачнаго обряда. Уклончивый Патріархъ не усумнился возложить животворящій крестъ, бармы и Царскій вѣнецъ на иновѣрную Польскую дѣвицу. По окончаніи коронованія, Патріархъ служилъ обѣдню, которую Лжедимитрій слушалъ съ обыкновеннаго Царскаго мѣста, а Марина сначала

* *Примѣчаніе*. Тронъ сей, присланный въ 1605 году Шахомъ Аббасомъ Царю Борису, еще теперь находится въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

Дневникъ Пословъ.

ники Марины съ ихъ свитою. Королевскіе послы также были приглашены, но не поѣхали, потому что Самозванецъ не хотѣлъ посадить ихъ за собственнымъ столомъ своимъ. Основываясь на томъ, что въ Краковѣ Власьевъ сидѣлъ за собственнымъ Королевскимъ столомъ, они домогались, чтобы по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ была оказана такова же почесть. Разстрига поручилъ Власьеву уговаривать ихъ, но Власьевъ въ душѣ ненавидѣлъ Поляковъ и воспользовался случаемъ, чтобы неприличными рѣчами еще болѣе раздражить пословъ. Такъ напримѣръ, онъ говорилъ имъ, что если дѣйствительно въ Краковѣ сажали его самаго за Королевскій столъ, то иначе и быть не могло, потому что за тѣмъ же столомъ имѣли мѣсто послы Цесарскіе и Папскіе, а Русскій Государь выше всѣхъ Монарховъ Христіанскихъ и каждый попъ у него папа. Столь странныя разсужденія не могли убѣдить Пословъ; они и въ Субботу отказались ѣхать на обѣдъ къ Лжедимитрію. Старый Мнишекъ всемѣрно старался посредничествомъ своимъ миролюбно окончить сіе дѣло; но видя непреклонность зятя своего, онъ обратился къ посламъ и представилъ имъ, что въ Польшѣ мятежная шляхта, недовольная тѣснымъ союзомъ Сигизмунда съ Австріею, готовится къ междоусобной войнѣ, что въ сихъ смутныхъ

Дневникъ Марины. мѣ Князя Масальскаго и Власьева. Столъ и услуга были въ Польскомъ вкусѣ. Послѣ обѣда долго плясали, и разъѣхались только послѣ захожденія солнца. На другой же день, у Марины былъ пиръ для однихъ Русскихъ.

Но среди сихъ торжествъ составлялся опасный для разстриги заговоръ, въ коемъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Русскимъ, безъ различія сословій, казались нестерпимыми безпутство Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы гости сіи силою оружія овладѣли столицею, то и тутъ не могли бы хуже обходиться съ жителями оной. Въ особенности во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ достигло до высочайшей степени. На пирахъ во дворцѣ они ругали Русскихъ и даже самыхъ знатнѣйшихъ, смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками и въ хвастливѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, страшась коей, Русскіе, по словамъ ихъ приняли отъ ихъ руки Царя. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, (Беръ.) возвращаясь изъ дворца, рубили саблями встрѣчающихся людей, и вытаскивая изъ каретъ знатныхъ боярынь, безчестили ихъ. Самая святыня мало уважаема была ими. Они ходили по церквамъ съ собаками, а во время коронованія въ соборѣ, (Показанія Бучинскихъ.) именитѣйшіе изъ нихъ, иные сидѣли, другіе

громко издѣвались надъ иконами, и дремали прислонясь къ онымъ. Сіи непристойности такъ озлобили Русскія сердца, что всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ удобнаго часа для мести, и что противъ пріятеля Поляковъ, разстриги, возставали даже и тѣ, которые были главнѣйшими зачинщиками измѣны въ пользу его. Изъ самыхъ приближенныхъ его, остался ему преданнымъ только одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за безпрестанно возрастающею народною ненавистью къ Самозванцу, и съ радостію убѣдился, что оная достигла до высочайшей степени, и что насталъ часъ для избавленія отечества отъ поноснаго подданства, и для наказанія дерзкаго пришельца, осмѣлившагося положить вельможную голову его на плаху, ибо, по естественной наклонности человѣческаго сердца, онъ болѣе хранилъ въ памяти своей сей позоръ, чѣмъ дарованное ему прощеніе. Въ единомысліи съ нимъ были знатнѣйшіе люди въ Государствѣ, и въ числѣ оныхъ не только находился убійца Царя Ѳеодора Борисовича, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но даже сей Бояринъ, съ Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ, были главнѣйшими помощниками Шуйскаго. Подвизаясь на дѣло отечественное, они хотѣли отстранить

Сказанія еже содѣлся.

отъ себя вредное вліяніе личныхъ страстей, могущихъ поселить раздоръ между самыми сообщниками ихъ, и потому всѣ трое дали обѣщаніе другъ другу непремѣнно извѣсть разстригу, а которому изъ нихъ приведется быть Царемъ послѣ него, отнюдь не мстить никому за прежнія вины, и управлять Государствомъ общимъ совѣтомъ. Изъ всей Боярской думы одному Князю Мстиславскому не ввѣрили тайну заговора, опасаясь извѣстнаго его малодушія.

Увѣрившись въ синклитѣ, Шуйскій обратился и къ нижнимъ сословіямъ, которыми, какъ уже сказано выше, былъ весьма уважаемъ. Созвавъ въ домъ свой уговоренныхъ бояръ, да еще купцевъ и городскихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, онъ представилъ собранію печальную картину Россіи въ рукахъ Поляковъ, и Москвы, наполненной опасныхъ для спокойствія ея иноземцевъ. Онъ напомнилъ, что хотѣлъ предупредить зло, но что Москвичи его не поддержали, и что онъ самъ едва не оставилъ головы своей на плахѣ. Въ отношеніи къ Самозванцу онъ далъ замѣтить, что вообще признали его за Царевича, дабы избавиться ненавистнаго владычества Годуновыхъ, и въ надеждѣ найти въ юномъ витязѣ храбраго защитника православной Вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но что сіе ожиданіе не сбылось и напротивъ того, Лжедимитрій обращаетъ-

Беръ.

терпѣнія поступками Лжедимитрія и Поляковъ, что никто и не помыслилъ заступаться за Самозванца, котораго менѣе года тому принимали съ восторгомъ. Напротивъ всѣ жаждали видѣть конецъ его нелѣпаго властвованія.

Уже 12-го Мая, громко говорили на рынкахъ, что Лжедимитрій измѣнилъ православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, вводитъ чужіе обычаи, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ Иконами и послѣ свадьбы ни разу, съ поганою женою своею, не мылся въ банѣ. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ дерзкихъ болтуновъ и представили во дворецъ. Разстрига велѣлъ допросить его; но Бояре, коимъ поручено было исполнить сіе, донесли Самозванцу, что виновный вралъ съ пьяну, что впрочемъ и въ трезвомъ видѣ онъ не умнѣе бываетъ по природной простотѣ, и что Государю не слѣдуетъ тревожиться наушничествомъ Нѣмцевъ, потому что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы какой безумецъ и затѣялъ подобный.

Но и безъ сихъ лукавыхъ внушеній не легко было увѣрить разстригу въ угрожаемой ему опасности. Безпечность его основывалась не только на врожденной самонадѣянности, но еще на какомъ-то предсказаніи, обѣщавшемъ ему придца-

тичетырехлѣтнее царствованіе. Въ ослѣпленіи своемъ онъ даже изъявлялъ гнѣвъ свой тѣмъ, которые его предостерегали. Палицынъ.

Хотя множество людей уже вошли въ заговоръ, но чувство отвращенія къ Самозванцу было такое единодушное и глубокое, что не нашлось ни одного доносителя. Однакожъ не возможно было, чтобы при семъ многолюдствѣ тайна не разгласилась. Въ особенности провѣдали о ней Нѣмцы, отъ коихъ менѣе берeглись, чѣмъ отъ Поляковъ. Ротные Начальники Нѣмецкихъ тѣлохранителей, три дни сряду, а именно 13-го, 14-го и 15-го Мая, письменно доносили Самозванцу о замышляемомъ возстаніи, но получили въ отвѣтъ, что все это ничего не значитъ. Разстрига, или дѣйствительно избалованный счастіемъ, не предусматривалъ опасности, или желалъ выказывать безстрашіе для обузданія злонамѣренныхъ. Онъ приказалъ готовиться къ новымъ забавамъ. Въ слѣдующее Воскресенье у Марины должны были происходить пляски въ маскахъ; а въ тотъ же день Лжедимитрій намѣревался для воинской потѣхи дѣлать примѣрный приступъ къ деревянному съ насыпью городку, по повелѣнію его выстроенному въ полѣ, за Срѣтенскими воротами. Уже нѣсколько пушекъ отправлены были туда. Симъ случаемъ еще воспользовались Бояре, чтобы Беръ. Сказаніе еже содѣяся и Дневникъ Польскихъ пословъ.

увѣрить народъ, что Лжедимитрій замышляетъ не потѣху, а избіеніе знаменитѣйшихъ Москвитянъ, дабы потомъ безпрекословно ввесть въ Россію папежство *.

Между тѣмъ, ожесточеніе Московскихъ обывателей на Поляковъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ не дождавшись, чтобы начальники заговора назначили день для дружнаго возстанія, вздумали сами собою приступить къ дѣйствію. Въ ночи съ 14-го на 15-е, многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ. Въ особенности до четырехъ тысячъ человѣкъ собралось близъ квартиры Князя Вишневецкаго, который надменностію своею болѣе всѣхъ прочихъ Ляховъ вооружилъ противъ себя Русскихъ. Но такъ какъ никто изъ вождей не явился, то предпріятіе ограничилось безплоднымъ шумомъ и съ разсвѣтомъ всѣ разошлись по домамъ.

Дневникъ Марины и пословъ.

* *Примѣчаніе.* Если вѣрить показаніямъ Бучинскихъ, отобранныхъ отъ сихъ Секретарей разстриги, послѣ его смерти, дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе, во время потѣхи, велѣть Полякамъ убить двадцать знатнѣйшихъ Бояръ, въ томъ числѣ Мстиславскаго и обѣихъ Шуйскихъ, дабы потомъ по своей волѣ перемѣнить вѣру и обычаи народные. Теперь, не имѣя ни какихъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, Бучинскіе оклеветали ли изъ низкаго подобострастія память благодѣтеля своего, въ угодность торжествующимъ его врагамъ, или въ самомъ дѣлѣ Самозванецъ надѣялся злодѣйскимъ подвигомъ отстранить всѣ, досѣлѣ встрѣчаемыя имъ противности.

томъ найти предлогъ самимъ уклониться отъ содѣйствія. Послы обидились таковымъ упрекомъ, въ доказательство несправедливости коего приводили, что всегда предлагающій предпріятіе обязывается первый объяснить, какими мѣрами надѣется достигнуть желаемой цѣли. Тогда Русскіе сановники пошли доложить Самозванцу о слышанномъ ими. Татищевъ, Власьевъ и Грамотинъ возвратились съ такимъ отвѣтомъ, что Царь приказалъ думнымъ людямъ своимъ, заняться изложеніемъ мыслей своихъ по предмету нужныхъ средствъ для замышляемыхъ дѣйствій, и что онъ въ непродолжительномъ времени самъ будетъ о семъ совѣщаться съ послами, въ присутствіи своихъ Бояръ.

Изъ дворца Послы поѣхали обѣдать къ пану Тарло, куда приглашены также были Князь Вишневецкій, панъ Немоевскій, оба Стадницкіе и другіе паны. Гости по тогдашнему Польскому обыкновенію порядкомъ подпили. Когда послѣ обѣда они занялись пляскою, то пришли сказать имъ, что Поляки подрались съ Русскими. Нетрезвые паны смутились тѣмъ болѣе, что имѣли еще на умѣ скопища прошлой ночи. Въ сіе время ударили къ вечернѣ. Оробѣвшіе гости приняли сей звонъ за набатъ, и разбѣжались. Послы поспѣшили возвратиться домой, и извѣстили единоземцевъ сво-

лѣлъ на слѣдующую ночь разставить по улицамъ караулы изъ Стрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ сего войска, и что на сей увѣренности наиболѣе основывалась его безпечность. Онъ разсчитывалъ, что 10,000 Стрѣльцевъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достаточно для обузданія нестройныхъ скопищъ Московской черни.

Такъ какъ Пятница прошла спокойно, то сами недовѣрчивые Поляки начали думать, что волненіе народное утихло, и въ семъ предположеніи они беззаботно предались сну. Но въ сіе самое время мятежъ готовился разразиться. Князь Шуйскій съ товарищами, видя, что народное стремленіе опереживаетъ принимаемыя ими мѣры, почли неумѣстнымъ дальнѣйшее отлагательство, и рѣшились приступить немедленно къ исполненію своего предпріятія. Хотя разстрига сидѣлъ еще на Московскомъ престолѣ, но все Русское уже безпрекословно повиновалось имъ однимъ. По повелѣнію ихъ, осьмнадцати-тысячное войско, стоявшее въ семи верстахъ за городомъ и долженствовавшее слѣдовать къ Ельцу, ночью съ 16-го на 17-е, введено въ столицу разными воротами. Въ ту же ночь всѣ двѣнадцать городскихъ воротъ были заняты посланными отъ Бояръ дружинами, которыя не пропускали никого въ столицу, ни

изъ оной. Такъ, какъ самые приближенные придворные принимали участіе въ заговорѣ, то Нѣмецкіе тѣлохранители, изъ коихъ всегда по сту человѣкъ находилось во дворцѣ, получили отъ нихъ приказаніе именемъ Самозванца, иные въ Пятницу вечеромъ, а другіе въ Субботу рано по утру, разойтиться по домамъ, такъ что всего осталось на стражѣ при дворцѣ только тридцать алебардщиковъ. Московскіе обыватели провели всю ночь въ ожиданіи набата; они, по сдѣланной имъ повѣстки, съ первымъ звономъ колокола должны были стекаться на Красную площадь. Сказаніе еже содѣяся.

Въ Субботу, около четырехъ часовъ утра, ударили въ колоколъ, сперва у Ильи Пророка близъ гостинаго двора, и тотчасъ же набатъ раздался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей съ ружьями, саблями, топорами и рогатинами стремились къ Красной площади, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ своихъ и тѣ изъ Москвитянъ, которые неизвѣстны были о заговорѣ; имъ говорили, что Литва бьетъ вельможъ Русскихъ, и они спѣшили за прочими, на помощь знатнымъ единокровнымъ своимъ. Дневникъ Пословъ.

Начальникъ заговора, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, что Москва дружно возстаетъ за

Русь, не дождавшись, чтобы вся чернь собралась на площади, предложилъ дворянамъ немедленно напасть на дворецъ, дабы не дать времени Самозванцу опомниться и можетъ быть скрыться. Всѣ согласились, что благоразуміе требовало не мѣшкать. Шуйскій, съ крестомъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ слѣзъ съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и обращаясь къ толпившемуся уже передъ соборомъ народу, воскликнулъ: *Во имя Божіе идите на злаго еретика!* Все хлынуло ко дворцу.

Légende и сказаніе.

Лжедимитрій, ни мало не предвидя готовящейся для него бѣды, всю ночь провелъ въ пированіи, и съ разсвѣтомъ вышелъ освѣжиться на крыльцо. Услышавъ набатъ, онъ спросилъ, для чего звонятъ. *Пожаръ*, отвѣчали ему *, и онъ, не подозрѣвая ничего, спокойно воротился въ чертоги свои. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся бунтовщиковъ снова встревожилъ его. Онъ вы-

Дневникъ пословъ.

* *Примѣчаніе.* Въ дневникѣ Польскихъ Пословъ сказано, что отвѣтъ сей данъ Самозванцу Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, но нѣтъ вѣроятія, чтобы сей Князь находился при разстригѣ, въ то самое время, когда родной братъ его собиралъ уже народъ для нападенія на дворецъ. Развѣ Князь Димитрій не былъ ли въ числѣ гостей, пировавшихъ ночью съ Лжедимитріемъ?

не терялъ надежды присутствіемъ своимъ укротить мятежъ. Вбѣжавъ въ переднюю, гдѣ стояли алебардщики, онъ выхватилъ мечъ у Курляндца Шварцгофа, вышелъ въ сѣни и, грозя мечемъ народу, кричалъ: *Я вамъ не Борисъ!* Но встрѣченный выстрѣлами, онъ спѣшилъ удалиться во внутренніе покои. Мужественный Басмановъ сдержалъ данное имъ Самозванцу слово,—жертвовать собою для его спасенія. Оставшись въ сѣняхъ, онъ сталъ уговаривать Бояръ, чтобы помнили свою присягу и удержали народъ отъ своевольства. Въ отвѣтъ ему, избавленный имъ отъ ссылки, думный дворянинъ Татищевъ зарѣзалъ его ножемъ, и трупъ его былъ боярами сброшенъ съ крыльца. Такимъ образомъ, необыкновенный мужъ сей, прежде измѣнившій законному Государю своему, не отказался запечатлѣть собственною кровію вѣрность свою къ тому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ признавалъ за Самозванца. Сіе объясняется только тѣмъ, что главнѣйшая страсть его была честолюбіе, къ удовлетворенію коего гибель Царя Θеодора Годунова открывала ему путь, какъ напротивъ того съ паденіемъ Лжедимитрія исчезала для него всякая надежда сохранить свое могущество.

По смерти Басманова, ничто уже не удерживало буйныя толпы; Нѣмцы алебардщики, ни мало

сти, и онъ продолжалъ отстаивать дверь до тѣхъ поръ, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣстѣ. Стрѣляя въ него, Русскіе случайно ранили смертельно находящуюся въ комнатѣ старую панью Хмелевскую. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однѣхъ сорочкахъ. Можетъ быть, ихъ ожидала еще и горшая участь, но геройская преданность Осмульскаго не совсѣмъ осталась для нихъ безполезною. Она дала время Боярамъ приспѣть на выручку ихъ. Бояре разогнали буйствующихъ людей, отвели Марину и женщинъ ея въ особую комнату, къ которой приставили стражу, а вещи ихъ, опечатанныя, приказали положить въ кладовую.

Между тѣмъ нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, стоящихъ на стражѣ близъ того двора, на который упалъ Лжедимитрій, нашли его лежавшимъ безъ чувствъ, отлили водою и перенесли на каменный фундаментъ, сломаннаго по приказанію его деревяннаго дворца Царя Бориса. Придя въ себя, Самозванецъ сталъ умолять Стрѣльцовъ, чтобы обороняли его, обѣщая имъ въ награду женъ и помѣстья Бояръ. Обольщенные Стрѣльцы рѣшились стоять за него и отогнали ружейными выстрѣлами первыя толпы людей, сбѣжавшихся къ тому мѣсту, гдѣ находился разстрига. Но

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ своихъ докончить начатое и говорилъ имъ: *Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, который могъ бы забыть малѣйшую обиду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую пѣсню: предъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ мукахъ! Такъ мы имѣемъ не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бестія выползетъ изъ пропасти!* Тогда въ народѣ завопили: *Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать измѣнника, плута, обманщика!* Сею угрозою устрашенные стрѣльцы бросили ружья свои, и не препятствовали Боярамъ схватить Лжедимитрія и внесть его въ дотолѣ занимаемые имъ покои деревяннаго дворца, которые вмѣсто прежняго великолѣпія являли уже отвратительные слѣды грабительства и разоренія. Въ передней Самозванецъ прослезился, увидѣвъ алебардщиковъ своихъ стоявшихъ безъ оружія и съ поникшею головою. Одинъ изъ нихъ, Ливонецъ Фирстенбергъ, сжалившись надъ нимъ, пробрался въ комнату, куда положили его, вѣроятно въ намѣреніи прислуживать ему. Но преданность Фирстенбергова содѣлалась для него самою гибельною; одинъ изъ дворянъ

Паерле.

Беръ.

заговорщиковъ закололь его. Потомъ всѣ обступили Самозванца, на котораго вмѣсто сорваннаго съ него платья, надѣли кафтанъ пирожника. Озлобленные люди безжалостно вымѣщали на немъ за понесенныя отъ него обиды. Тѣ, которые довольствовались ругать его, оказывались милосердыми, въ сравненіи съ другими, ударявшими его. Вообще домогались, чтобы онъ самъ сказалъ, откуда онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только упорствуя въ самозванствѣ, можетъ нѣкоторыхъ людей оставить въ сомнѣніи и тѣмъ сохранить слабую надежду къ спасенію своей жизни. Въ семъ убѣжденіи, онъ не переставалъ увѣрять, что дѣйствительно сынъ Царя Іоанна Васильевича и ссылался на свидѣтельство матери своей, которую просилъ допросить. Въ семъ ему не отказали, и

Паерле.

Князь Иванъ Васильевичь Голицынъ, съ четырью другими сановниками, отправились въ Вознесенскій монастырь, и именемъ отечества требовали отъ Царицы чистосердечнаго признанія. Царица съ раскаяніемъ объявила, что сынъ ея, пораженный въ Угличѣ по повелѣнію Бориса, точно умеръ у

Дѣла Польскія, Де Ту, Паерле и Беръ.

нея на рукахъ, а что сего ей невѣдомо откуда пришедшаго, злодѣя согласилась принять за своего сына только по женской слабости страха ради. Нагіе также подтвердили ея слова. Князь Голицынъ, воротившись во дворецъ, сказалъ разстри-

гѣ, что мнимая мать отрекается отъ него. Сраженный сею вѣстію, Самозванецъ сталъ просить, чтобы его вывели на лобное мѣсто, обѣщаясь тамъ всенародно объяснить истину. Слова сіи были приняты въ видѣ косвеннаго признанія. Народу, толпившемуся подъ окнами на дворѣ, и прилежно освѣдомляющемуся о всѣхъ рѣчахъ Лжедимитрія, объявили, что онъ винится. Тысячи голосовъ завопили: *Бей его, руби его!* Тогда между наполняющими царскіе чертоги людьми, протѣснился Боярскій сынъ Григорій Валуевъ, и сказавъ: *Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю Польскаго свистуна,* ружейнымъ выстрѣломъ изъ-подъ армяка убилъ разстригу. Присутствующіе въ ожесточеніи своемъ, саблями сѣкли бездушный трупъ и сбросили его съ крыльца на тѣло Басманова, говоря: *Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ.* Нѣсколько времени спустя, чернь, обнаживъ оба трупа, повлекла ихъ чрезъ Спасскія ворота на Красную площадь. Тѣло Лжедимитрія тамъ положили на столъ, длиною въ аршинъ, такъ, что свѣсившіяся ноги касались груди Басманова, положеннаго на скамьѣ, подъ столомъ. Прискакавшій верхомъ изъ Кремля дворянинъ съ волынкою и маскою, всунулъ волынку разстригѣ въ ротъ, а маску положилъ на брюхо и сказалъ:

Маржеретъ и Дневникъ пословъ.

Петрей.

Ты, негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.

Месть народная еще не удовлетворялась убіеніемъ Лжедимитрія. Оставалось раздѣлаться съ Поляками, не менѣе его ненавистными. Изъ найденныхъ во дворцѣ Польскихъ музыкантовъ 17-ть человѣкъ были убиты, а остальные восемь оставлены за мертво. Чернь, упоенная буйствомъ и подстрекаемая переодѣтыми монахами и попами *, бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вездѣ, гдѣ по малолюдству своему иноземцы сіи или вовсе не оборонялись, или оборонялись безуспѣшно, ихъ безщадно убивали или грабили, а женъ и дочерей уводили. Въ особенности кровопролитіе было ужасное на Никитской улицѣ, гдѣ жили Маринины служители. Ожесточенные Москвитяне не оказывали должнаго праводушія даже и въ отношеніи къ тѣмъ, кои отдавались имъ на вѣру. Панъ Тарло, запершись въ домѣ своемъ съ супругою своею, съ паньею Гербуртовою и паномъ Любомирскимъ, готовился защищаться; но по убѣжденію бывшихъ при немъ женщинъ, согласился положить оружіе, въ замѣнъ даннаго ему отъ напа-

Дневникъ пословъ, Дневникъ Марины, Беръ и Паерле.

* *Примѣчаніе.* О семъ содѣйствіи Русскихъ духовныхъ лицъ, свидѣтельствуетъ, впрочемъ, только Полякъ, писавшій дневникъ Марины.

дателей клятвеннаго обѣщанія, что не будетъ ему причинено ни малѣйшаго вреда. Но лишь только онъ выдалъ имѣющіяся у него въ домѣ ружья и сабли, то народъ вломился къ нему, убилъ тридцать изъ его служителей, другихъ переранилъ и все имущество разграбилъ. Съ самаго пана Тарло сорвали всю одежду до послѣдней рубахи. Той же участи подверглись супруга его, панья Гербуртова и панъ Любомирскій. Впрочемъ, среди неистовствъ самоуправія, чувство состраданія не во всѣхъ сердцахъ угасло; нѣкоторые изъ Поляковъ были спасены хозяевами занимаемыхъ ими домовъ, которые дали имъ способъ укрыться. Также отстоялись домы воеводы Сендомирскаго, сына его и Князя Вишневецкаго, обороняемые многочисленными служителями. Первымъ ударамъ подвергался воевода по случаю сосѣдства занимаемаго имъ Годунова дома отъ дворца, но самое обстоятельство сіе послужило къ его спасенію, ибо дало возможность находящимся во дворцѣ дворянамъ во время прискакать на его выручку. Уже народъ осыпалъ каменьями дворъ и подвезъ пушки для разгромленія прочныхъ стѣнъ дома, но дворяне удержали чернь и требовали, чтобы воевода выслалъ отъ себя довѣреннаго къ Боярамъ. Мнишекъ колебался, опасаясь подвергнуть гибели высланнаго, но когда дворяне предложили ему принять вы

аманаты одного стрѣлецкаго голову, что онъ рѣшился пересадить черезъ заборъ старшаго служителя своего Гоголиньскаго. Призванный въ думу Боярскую, Гоголиньскій убѣдился, что Русскіе сановники не раздѣляютъ свирѣпой ярости своихъ соотечественниковъ противъ Поляковъ. Татищевъ отъ имени прочихъ членовъ думы сказалъ ему: *Всемогущій Богъ взираетъ на всѣ царства, и по волѣ своей располагаетъ ими; безъ воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать о настоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не царской крови, овладѣвъ нашимъ Государствомъ, долго утѣшался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, по всей справедливости заслуживаетъ равную участь: онъ покровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше Государство, былъ виною всѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; наконецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь благость Господню: опасность его миновала. Иди и возвѣсти о семъ господину твоему.* Сіи слова, изъясняющія справедливое негодованіе, удержанное въ предѣлахъ приличія и умѣренности, успокоили воеводу. Для вящшаго охраненія его, Бояре приставили къ дому стражу изъ стрѣльцовъ.

каго, уговаривали его не продолжать безполезнаго сопротивленія и клятвенно обѣщали, что онъ останется невредимъ, если повѣритъ имъ свою участь. Вишневецкій согласился на сіе и впустилъ ихъ къ себѣ. Шуйскій прослезился, увидѣвъ дворъ, устланный Русскими трупами. Вишневецкаго, для спасенія его отъ ярости народной, отослали въ другой домъ; но чернь разграбила имущество и обобрала людей его.

Бояре присутствіемъ своимъ спасли также Маринина брата, старосту Саноцкаго. Впрочемъ на домъ его не сильно напиралъ народъ, потому что оный только одною улицею отдѣлялся отъ Посольскаго двора, гдѣ находилось въ сборѣ довольно значительное число вооруженныхъ Поляковъ.

Дневникъ Пословъ.

При первомъ слухѣ о мятежѣ, Послы заперли дворъ свой и обставили гайдуками заборъ, въ намѣреніи защищаться до послѣдней крайности. Но болѣе чѣмъ оборонительными мѣрами, охранялись они народнымъ правомъ, столь священнымъ для Москвичей, что достаточно было увѣщаній находящихся при послахъ приставовъ для удержанія отъ непріязненныхъ дѣйствій толпящихся около двора людей. Бояре, съ своей стороны желая успокоить пословъ, послали къ нимъ дворянина Нащокина съ товарищемъ. Гонсѣвскій, вышедшій для свиданія съ ними, сталъ въ воро-

къ землѣ, то вамъ опасаться нечего. Бояре приказали тщательно оберегать жизнь вашу. Только предостерегаютъ васъ, чтобы вы и люди ваши не мѣшались съ Старостою Саноцкимъ, съ его людьми и съ другими, не при васъ находящимися, ибо ни вы къ нимъ, ни они къ вамъ ни почему не принадлежите. Они пріѣхали съ воеводою Сендомирскимъ, въ надеждѣ завладѣть Москвою, и причинили много зла Русскимъ людямъ. **Гонсѣвскій отвѣчалъ по Русски:** *Правда, извѣстно было у насъ, что послѣ великаго Государя вашего Ивана Васильевича остался сынъ Дмитрій! Также слышно было и о томъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ его убить измѣннически. Но потомъ, когда сей человѣкъ явился въ Государствѣ Короля, его милости, разсказывая, что онъ именно тотъ Дмитрій Ивановичъ, и что Богъ чудесно спасъ его отъ погибели, то люди наши, жалѣвшіе прежде о смерти Димитрія, порадовались видя его въ живыхъ. Да и вы сами радовались, считая его истиннымъ Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ. Ваши же Русскіе люди и самые думные Бояре посадили его на престолъ. Нынѣ, какъ сказываешь ты, узнавъ, что онъ самозванецъ, убили вы его. Намъ до того дѣла нѣтъ — пусть Богъ поможетъ вамъ по правдѣ вашей. Мы послы весьма покойны по предмету нашей безопасности, ибо не только въ Христіанскихъ Государствахъ, но даже*

дить думнымъ Боярамъ и вамъ самимъ! Нацокинъ донесъ Боярамъ о слышанномъ имъ. Они для надежнѣйшаго предохраненія Пословъ, почли необходимымъ поставить на стражѣ при ихъ дворѣ пятисотный стрѣлецкій отрядъ.

Дневникъ пословъ.

Польскіе Жолнеры не подали ни малѣйшей помощи погибающимъ соотечественникамъ своимъ. Роты Юрія и Яна Мнишковыхъ хотя сначала и показывали нѣкоторую готовность итти на выручку своихъ пановъ и сѣли на коней, но такъ какъ заговорщики устроили завалы на улицѣ, ведущей къ занимаемому ими двору, то они не отважились преодолѣть сіе препятствіе, и до такой степени упали духомъ, что безъ всякаго сопротивленія, позволили запереть себя на своемъ дворѣ, гдѣ у нихъ отобрали оружіе, лошадей и все имущество ихъ. Самозванцева рота, по крайней мѣрѣ, не покорилась такъ постыдно. Она выѣхала изъ города въ поле, и тамъ заключила договоръ, по коему получила дозволеніе возвратиться въ Польшу, но съ утратою всего имущества своего.

Паерле.

О убійствѣ Димитрія.

Паерле.

Наконецъ за часъ до полудня, прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ. Современники не согласуются въ исчисленіи жертвъ сего кроваваго утра. Если вѣрить Де-Ту, основывающему разсказъ свой на словахъ Капитана Маржерета,

Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400. Поляки уменьшаютъ уронъ своихъ единоземцевъ и весьма увеличиваютъ таковой же Русскихъ. Напротивъ того Нѣмецкій Пасторъ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убито 2,135.

Казалось, что посредствомъ мятежа торжествующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно обидчиковъ отечества, мирно предались отдохновенію и домашнимъ занятіямъ своимъ. Въ слѣдующую ночь цѣлый городъ былъ погруженъ въ глубочайшее молчаніе и тишину; также и на другой Légende.
день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный отъ *вора*, находился празднымъ. Церковь также не имѣла главы; ибо потворникъ папежства, Игнатій, не могъ оставаться Патріархомъ; его отослали подъ началъ въ Чудовъ монастырь. Прежній Патріархъ Іовъ, во время ссылки своей ослѣпъ, и потому нельзя было ему снова вручить управленіе церкви. Предстояло избрать и новаго Царя и новаго Патріарха.

Начальникъ народнаго возстанія, Князь Васи-

лій Ивановичъ Шуйскій, стоялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменитости, что и безъ имени Царскаго казался настоящимъ Государемъ, и что вѣнецъ прародителя его Мономаха какъ бы самъ собою ложился на главу его. Но сіе самое отвращало отъ него Бояръ, желавшихъ, чтобы избранный ими, имъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Къ тому же должно замѣтить, что въ самомъ дѣлѣ, не смотря на знатность его происхожденія и чрезвычайныя способности устойчиваго и обширнаго ума, воцареніе его не обѣщало Россіи той прочности, въ коей въ особенности она нуждалась послѣ претерпѣнныхъ ею бѣдствій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ бездѣтнымъ, и слѣдственно должно было опасаться или новыхъ смутъ, съ упраздненіемъ престола сопряженныхъ, или, что наслѣдуетъ по немъ братъ его, Князь Дмитрій, коего за неспособность и злонравіе вообще презирали и ненавидѣли. Въ сихъ обстоятельствахъ, не удивительно, что многіе вельможи показывали наклонность принять Государя изъ дома Голицыныхъ, которые послѣ Шуйскихъ и Мстиславскаго, рѣшительно не желавшаго престола, считались первѣйшими людьми въ Государствѣ. Совершеннолѣтнихъ Князей Голицыныхъ было тогда четверо: три брата родныхъ—Василій, Иванъ

и Андрей Васильевичи, и двоюродный ихъ брашъ Иванъ Ивановичъ Шпакъ. Сей послѣдній, хошя старшій въ родѣ, былъ отстраненъ по причинѣ его ничтожности. Также не полагали чтобы приличіе дозволяло вручить державу, Князю Василію Васильевичу, столь обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями своими противъ Царя Ѳедора Борисовича. Потому всѣ помышленія друзей Голицыныхъ устремились къ избранію Князя Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признательности къ Князю Шуйскому, не легко было бы убѣдить Московскихъ гражданъ предпочесть кого бы то ни было сему Князю, который раздѣлялъ съ ними труды и опасности мятежа и котораго всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія отечества. Для того, противники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума Боярская разсудила, что въ столь великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всѣмъ Государствомъ и предоставить Великой Земской Думѣ возвесть на престолъ, кого цѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но Шуйскій съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе Бояръ, повидимому основанное на сущей справедливости, внушаемо было имъ однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ ни сколько не располо-

женъ былъ спокойно дожидаться, чтобы охладилась признательность народная къ нему, и потому рѣшился немедленно обратиться къ суду Москвитянъ. Стараніемъ его приверженцевъ, 19-го числа въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики и ремесленники, стекались на Красную площадь. Бояре, встревоженные симъ скопищемъ, вышли также на площадь, въ сопровожденіи знатнаго духовенства; намѣреніе ихъ было, отвлечь народъ отъ избранія Царя, предложивъ ему заняться выборомъ Патріарха, а между тѣмъ разослать грамоты во всѣ города Россійскаго государства, чтобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія Государя общимъ совѣтомъ. Но народъ возопилъ, что для исцѣленія отечественныхъ язвъ Царь нужнѣе Патріарха, и что потому сперва слѣдуетъ избрать Царя, который уже самъ назначитъ Первосвятителя. Тогда клевреты Шуйскаго стали разглашать, что никто не можетъ имѣть болѣе права на престолъ, какъ *мужественный и благородный обличитель и посрамитель нечестиваго Отрепьева,* присовокупляя къ тому, что самъ Князь Василій Ивановичъ происходитъ отъ ближайшей отрасли древняго царственнаго дома. Въ отвѣтъ имъ, со всѣхъ сторонъ площади, закричали: *Да будетъ надъ нами надо всѣми Князь Василій Ивановичъ.* Вельможи не посмѣли проти-

Беръ.

Рукопись Филарета.

виться общему побужденію, и сами провозгласили Шуйскаго Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи.

Новый Царь прямо съ площади поѣхалъ въ Успенскій Соборъ. Хотя не Бояре возводили его на престолъ, не менѣе того не желая раздражить первое сословіе въ Государствѣ, онъ не отказался исполнить даннаго обѣщанія своемъ прежнимъ товарищамъ, во время составленія заговора противъ разстриги. Прежде нежели кто либо изъ Русскихъ присягнулъ ему, онъ самъ торжественно въ соборѣ цѣловалъ крестъ по изготовленной записѣ на томъ, чтобы никого не казнить смертію безъ суда боярскаго, чтобы не отнимать имѣнія у невинныхъ женъ и дѣтей изобличенныхъ преступниковъ и чтобы, не давая вѣры тайнымъ доносщикамъ, ставить ихъ съ очей на очи съ оговоренными, и въ случаѣ клеветы подвергать такому же наказанію, какое законъ опредѣлялъ за взводимое ими преступленіе. На другой день списки съ сей важной записки посланы были во всѣ города Россійскіе вмѣстѣ съ извѣстительною грамотою о восшествіи на престолъ новаго Царя и съ образцовою подкрестною записью, по коей повелѣвалось приводить къ присягѣ всѣхъ людей Московскаго Государства. Также разослали

повсюду и грамоту Царицы Маrѳы, удостовѣряющую о самозванствѣ Отрепьева *.

Первымъ стараніемъ новаго правительства было очищеніе Московскихъ улицъ отъ лежавшихъ на оныхъ Польскихъ труповъ, обезображенныхъ псами и площадными лекарями, вырѣзывавшими изъ оныхъ жиръ для составленія мнимоцѣлебныхъ мазей. Тѣла сіи были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ схороненъ уже у церкви Николы Мокраго, стараніемъ брата его своднаго Князя Ивана Васильевича Голицына. Но трупъ Отрепьева оставался еще на площади предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19-го на 20-е число, показалось стерегущимъ оной людямъ, что они видятъ около стола, на коемъ лежало тѣло, свѣтъ, который исчезалъ, когда они подходили, и снова просіявалъ, коль скоро они удалялись. Мечта ли то была ихъ суевѣрнаго предубѣжденія, или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣтъ, часто сопровождающій, посредствомъ гнилости производящееся растворение органическихъ тѣлъ; но естественное истолкованіе явленія не было бы сообразно духу тогдашняго времени. Всѣмъ каза-

* Смотри Приложенія № XIV и XV.

лось несомнѣннымъ, что свѣтъ сей означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились въ слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли тѣло въ убогій домъ за Серпуховскія вороты. Лишь только миновали ворота сіи, какъ поднялась жестокая буря, которая сорвала крышу съ одной изъ трехъ башень, на воротахъ находящихся, и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ воротъ. Къ довершенію убѣжденія народнаго въ чернокнижествѣ Отрепьева, съ 18-го по 25-е Мая настали сильные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ злотворныхъ дѣйствій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. 28-го Мая тѣло его было вырыто и сожжено на котлахъ. Пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили по Смоленской дорогѣ, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву. Маржеретъ. Никоновская Лѣтопись и Дневникъ пословъ.

Хотя подробное изложеніе похожденій Лжедимитрія достаточно доказываетъ его самозванство, но такъ какъ въ Польшѣ и даже въ самой Россіи есть еще люди, сомнѣвающіеся въ сей истинѣ, то кажется не лишнимъ представить въ совокупности и тщательно взвѣсить всѣ доводы, на коихъ могло бы основываться мнѣніе о подлинности перваго Димитрія. Писатели, под-

держивающіе оное, говорятъ: 1-е, что Русскимъ лѣтописцамъ и Шведскому посланнику Петрею, единогласно утверждающимъ самозванство Отрепьева, не льзя давать вѣры, потому что Русскіе писали подъ вліяніемъ торжествующей враждебной Димитрію стороны, а Петрей также долженъ былъ ненавидѣть естественнаго союзника изгнаннаго Шведами Короля Сигизмунда; 2-е, что не заслуживаютъ большаго вниманія и свидѣтельство многихъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ, какъ то Замойскаго, Жолкѣвскаго и прочихъ, отзывающихся о немъ, какъ о Самозванцѣ, понеже не безъизвѣстно никому, въ какой враждѣ Польскіе вельможи жили другъ съ другомъ, такъ что достаточно было того, что Вишневецкіе и Мнишекъ принимали Димитрія за истиннаго, чтобы Замойскій и Жолкѣвскій оглашали его подложнымъ; 3-е, что напротивъ того, современники: Маскѣвичь, Товянскій, Маржеретъ и Паерле неукоснительно признаютъ его за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича, а Товянскій даже подробно объясняетъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ изготовляемой ему Годуновымъ гибели; 4-е, что невѣроятно, чтобы Король Сигизмундъ рѣшился вступиться за бродягу, а Мнишекъ выдать за него дочь свою, а также, чтобы Россійское войско и Московскіе бояре поддались ему,

сія лѣтопись свидѣтельствуетъ о самозванствѣ Отрепьева; 2-е, что гадательно приписывать одной, ничѣмъ впрочемъ не доказанной, ненависти къ Мнишку и Вишневецкимъ мнѣніе Государственныхъ мужей, каковыми были Замойскій и Жолкѣвскій, отнюдь не сообразно съ правилами здравой критики; 3-е, что Польскіе шляхтичи Маскѣвичь и Товянскій, Французъ Маржеретъ, приближеннѣйшій изъ слугъ Самозванца, и Аугсбургскій купецъ Паерле, утратившій въ Москвѣ во время мятежа привезенные имъ подъ покровительствомъ Поляковъ товары, ни сколько не могутъ почитаться безпристрастными свидѣтелями, и что напротивъ того, по естественной наклонности къ Самозванцу, они должны были выдавать его за истиннаго Царевича; къ тому же Товянскій въ разсказѣ своемъ очевидно баснословитъ, ибо увѣряетъ, что Димитрій, спасенный отъ убіенія въ Угличѣ, нашелъ убѣжище на

веденное самимъ Нѣмцевичемъ, вовсе не относится до Отрепьева, ибо писано въ Октябрѣ 1607 года, то есть семнадцать мѣсяцовъ послѣ смерти перваго Самозванца. Въономъ Харлецкій домогается выдать за истиннаго Димитрія втораго Лжедимитрія, въ лѣтописяхъ Русскихъ называемаго Тушинскимъ воромъ, въ самозванствѣ коего никто, никогда, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ не сомнѣвался. На такихъ-то достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основывался Польскій Историкъ!

Украйнѣ, у жившаго тамъ въ ссылкѣ отца своего крестнаго, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, хотя Князь сей никогда на Украйну ссылаемъ не бывалъ, и умеръ въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1586 году, то есть за пять лѣтъ до несчастнаго Углицкаго происшествія; 4-е, что Король Польскій, увлеченный Езуитами, могъ полагать, что Государственная польза требовала отъ него поддерживать соперника Годунова, хотя и безъ внутренняго убѣжденія о дѣйствительности правъ сего соперника. Мнишекъ также не долженъ былъ оказывать большой разборчивости, въ признаніи Царскаго происхожденія въ томъ, кто дочь его сажалъ на Московскій престолъ; впрочемъ замѣчательно, что старый воевода въ душѣ своей не сомнѣвался въ самозванствѣ своего зятя, ибо въ противномъ случаѣ онъ не упустилъ бы еще въ Самборѣ совершить бракъ Марины, и такимъ образомъ упрочить на главѣ ея Царскій вѣнецъ, въ случаѣ успѣха зятя, тѣмъ паче, что если бы даже и неудача постигла Димитрія, то и тутъ для Марины большая бы честь была оставаться супругою или вдовою Московскаго Царевича. Но видимъ, что Мнишекъ не иначе допустилъ бракъ дочери, какъ по воцареніи Самозванца въ Москвѣ. Что же касается до подданства Россійскаго войска и таковаго жъ

Московскихъ бояръ, то первое было дѣломъ не убѣжденія, а измѣны Басманова, подкрѣпляемой всеобщею ненавистью къ дому Годуновыхъ, а второе вынуждено возстаніемъ прельщенныхъ или застращенныхъ жителей столицы; 5-е, что одинакіе признаки на тѣлѣ часто встрѣчаются на людахъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, и сія игра природы могла бы только подкрѣпить другія доказательства, если бы таковыя существовали, а нисколько не замѣняетъ совершенный недостатокъ оныхъ; 6-е, что богатымъ крестомъ легко могли снабдить Самозванца направлявшіе его Езуиты; и наконецъ, 7-е, что Царица Маѳа, по собственному объявленію своему, признала Самозванца за своего сына единственно страха ради, и что впрочемъ первое свиданіе ея съ Отрепьевымъ происходило не всенародно, а на единѣ, въ шатрѣ съ глазу на глазъ.

Объяснивъ неосновательность всѣхъ приводимыхъ доводовъ въ пользу Лжедимитрія, остается еще напомнить два важныя обстоятельства, которыя, кажется, достаточно отстраняютъ всякое возможное сомнѣніе на счетъ самозванства его. Первымъ мы обязаны самому Отрепьеву. Возсѣвъ на Московскомъ престолѣ и спокойно обладая всѣмъ Государствомъ, онъ неминуемо обязанъ былъ обнародовать всѣ подробности своихъ по-

хожденій, и какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый сочинитель Исторіи Государства Россійскаго, указать своихъ воспитателей и хранителей и мѣста своего убѣжища въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Не сдѣлавъ сего, онъ самъ предъ современниками и потомствомъ изобличилъ себя въ обманѣ. Нельзя полагать, чтобы сіе обнародованіе имъ было дѣлано, но до насъ не дошло; ибо если бы и допустить, что хотя прочіе манифесты Лжедимитрія уцѣлѣли въ нашихъ архивахъ, но что именно сей любопытнѣйшій изъ всѣхъ актовъ утратился, то по крайней мѣрѣ Польскіе Послы не упустили бы сослаться на оный въ преніяхъ своихъ съ Русскими Боярами. Другое обстоятельство, почти равносильное первому, открываетъ намъ Беръ. Сей, жившій въ Москвѣ Нѣмецкій Пасторъ, очевидно недругъ Русскимъ и пріятель Полякамъ, сознаетъ однако самозванство Лжедимитрія и основываетъ мнѣніе свое на достовѣрномъ свидѣтельствѣ Голландскаго аптекаря, Клаузенда, служившаго сорокъ лѣтъ при Царскомъ дворѣ, Ливонской дворянкѣ Тизенгаузенъ, бывшей повивальною бабкою у Царицы Маѳы и даже самаго Боярина Басманова. Клаузендъ говорилъ Беру, что Царевичъ походилъ на мать свою, и въ особенности смуглостію лица, а въ Лжедимитріѣ никакого не видно было сходства съ Царицею. Тизенга-

узенова же, безотлучно при Царицѣ находившаяся, съ своей стороны увѣряла его, что сама видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ, и что будучи ежедневно съ нимъ, не могла быть обманута никакимъ подмѣномъ. Наконецъ Пасторъ удостовѣряетъ, что самъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, спрашивалъ по довѣренности Басманова: *Имѣетъ ли всемилостивѣйшій Государь нашъ право на престолъ Россійскій?* и что Басмановъ отвѣчалъ: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.* При столь ясныхъ и безкорыстныхъ свидѣтельствахъ, подкрѣпленныхъ всѣми извѣстными обстоятельствами похожденій Лжедимитрія, самозванство его не можетъ оставаться предметомъ неразрѣшеннаго еще вопроса.

Впрочемъ многіе даже изъ числа убѣжденныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, не вѣрятъ однако чтобы онъ былъ Отрепьевъ! Нѣкоторые изъ Поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву, увѣряли что онъ былъ побочный сынъ Короля Польскаго, Стефана Баторія; но сіе извѣстіе вполнѣ опровергается тѣмъ, что Польскаго Короля сынъ съ самого рожденія своего находился бы въ Папеж-

ской вѣрѣ, и потому не было бы ни какой нужды Езуитамъ перекрещивать его, какъ они по собственному признанію своему сдѣлали сіе съ Лжедимитріемъ, отправляя его въ Россію; къ тому же Баторіевъ сынъ не могъ бы такъ хорошо знать Русскій языкъ, и такъ худо Латинскій. Сомнѣніе непризнающихъ, чтобы Самозванецъ былъ Отрепьевъ, главнѣйше основывается на свидѣтельствѣ Маржерета, увѣряющаго, что онъ зналъ разстригу Отрепьева, который былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ Лжедимитрій, и только съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву. Но сіе показаніе Француза Капитана объясняется извѣстіемъ, въ Морозовской лѣтописи помѣщеннымъ, изъ коего видимъ, что Самозванецъ приказалъ весьма ему преданному монаху Пимену называться Отрепьевымъ, въ надеждѣ такимъ образомъ затмить правду. Напротивъ того доказательства, что онъ самъ Отрепьевъ, ни чѣмъ достаточно отведены быть не могутъ. Ибо если онъ не Отрепьевъ, то почему оставилъ безъ наказанія злословящую его мнимую мать свою, Варвару Отрепьеву, и почему ни разу не вошелъ въ Чудовъ монастырь, когда священная обитель сія всегда посѣщаема была благоговѣющими къ ней Русскими Царями, и когда ему самому столь важно было отстранить отъ себя опасную молву, гласившую,

што онъ страшится предстать предъ шамошними иноками, прежними шоварищами своими.

И шакъ добросовѣстный разборъ различныхъ мнѣній о разстригѣ, неминуемо ведетъ къ заключенію, что первымъ Лжедимитріемъ въ Россіи былъ Отрепьевъ и противорѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суетнымъ мудрованіемъ, тщатся опровергать всѣ историческія истины, единственно чтобы мыслить иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники *.

* *Примѣчаніе*. Такъ какъ находившійся между Польскими рукописями Пулавской библіотеки дневникъ пана Борша, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число употребленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ необходимымъ представить оный въ Русскомъ переводѣ. Смотри приложенія № XVII.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

УКАЗЪ

О ПЯТИЛѢТНЕЙ ДАВНОСТИ НА ОТЫСКАНІЕ БѢГЛЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣта 7106, Ноемвріа въ 21 день, Царь и Великій Князь Θеодоръ Іоанновичь всея Русіи указалъ, и по его Государеву указу Бояре приговорили: Которые крестьяне изъ-за Бояръ и изъ-за дѣтей Боярскихъ и приказныхъ людей, изъ помѣстей и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополичихъ, и Владычнихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали судъ давати и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего указа лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и больше, а тѣ помѣщики, или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болѣе Царю и Великому Князю Θеодору Іоанновичу не били челомъ, и Го-

сударь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.

№ II.

УКАЗЪ

О ХОЛОПЯХЪ КРѢПОСТНЫХЪ И КАБАЛЬНЫХЪ.

Лѣта 7105, Февраля въ 5 день, Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичь всея Русіи приговорилъ со всѣми Бояры, о холопѣхъ, о полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ людехъ, которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ въ холопствѣ у Бояръ, и у Князей, и у Дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей Боярскихъ и у всякихъ служилыхъ людей, и по полнымъ и по крѣпчимъ, и по докладнымъ, и по всякимъ крѣпостямъ, и по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ, и отъ кого которые полные и кабальные холопи побѣжали, и Бояре имена своихъ холопей, и на нихъ крѣпости прислати, а Княземъ и Дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людемъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людемъ своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ холопей приказъ, да тѣхъ холопей имена, которые Государей своихъ служатъ, и которые холопи отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старыя и полныя, и купчія и докладныя и всякія крѣпости и кабалы записывати въ холопьѣ приказѣ въ книги; а тѣмъ всякимъ холопьимъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за Дьячьею рукою большою для укрѣпленія; а пошлинъ съ старыхъ кабалъ и отъ всякихъ крѣпостей не имати; а приговорилъ Государь и всѣми Бояры Московскими Государства всякимъ людемъ холопьи имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія, без-

срочно; а ближнихъ городовъ Дворяномъ и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людемъ имена холопьи, и на нихъ крѣпости всякія писати въ годъ; а которые Князи и Дворяне и всякіе служивые люди на Государевыхъ на дальныхъ службахъ, въ Астрахани, и на Теркахъ, и на Сунщехъ и въ Сибирскихъ городѣхъ, и тѣмъ Княземъ и Дворяномъ и всякимъ служивымъ людемъ въ именахъ холопьихъ, и въ крѣпостяхъ дати сроку на три года; и которые люди служатъ въ холопствѣ у Бояръ и у Князей и у Дворянъ и у приказныхъ людей, и у всякихъ людей по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ полные люди, и тѣ люди и жены ихъ и дѣти въ холопствѣ тѣмъ своимъ Государемъ и ихъ дѣтемъ по прежнему Государеву уложенію Судебнику; а у кого на холопа, или на рабу была полная и докладная, или у кого по ряднымъ и по докладнымъ, или по духовнымъ грамотамъ и по инымъ стариннымъ крѣпостямъ холопи служили, а тѣ будетъ у нихъ полныя и докладныя и рядныя и даныя и всякія старинныя крѣпости, въ Московской пожаръ въ прошломъ во 79 году, и послѣ того въ иные пожары погорѣли или буде инымъ какимъ обычаемъ тѣ у нихъ крѣпости утерялися, и въ томъ у нихъ даваны явки сыщутъ, а тѣ крѣпости на тѣхъ людей нѣтъ, и тѣмъ людемъ на тѣхъ своихъ крѣпостныхъ и на всякихъ старинныхъ людей по прежнему Государеву приговору 101 году Марта имати въ службѣ новыя крѣпости; а которыхъ всякихъ крѣпостныхъ холопей Государь ихъ, отходя свѣта, отъ себя велѣлъ отпустить, и отпускныя имъ даны: и тѣ холопи по тѣмъ отпускнымъ впредь свободны, и женамъ и дѣтемъ ихъ впредь до тѣхъ холопей дѣла нѣтъ; а которые люди до Государева уложенія въ прошлыхъ годѣхъ до лѣта 7094 года Іюня до 1 числа били челомъ въ службу Бояромъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ служивымъ людемъ, и всякимъ торговымъ людемъ, и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги того года въ приказѣ Холопья суда тѣ служивыя кабалы не писаны, и которые люди съ Государева уложенія лѣта 7094 году Іюля съ перваго числа, били челомъ въ службу, Бояромъ, и Княземъ, и Дворяномъ, и при-

рабу, а кабала будетъ Холопья суда въ записныхъ книгахъ записана, и того холопа и рабу по записной кабалѣ отдавати въ холопство тому его Государю, а въ сносѣ дати судъ; а которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати, статьями и съ кабалами къ Постельничему, и Намѣстнику трети Московскія; а которые кабальные люди ставъ скажутъ, что они служили прежъ сего по кабаламъ, а нынѣ на себя полныя и докладныя, да постоя, тутъ же скажутъ, что полныя на себя не даютъ и тѣхъ кабальныхъ людей присылати въ Холопей приказъ, и записавъ въ книги, отдавать тѣхъ кабальныхъ людей по прежнему въ холопи по ихъ кабаламъ, по которымъ повинятся старымъ ихъ Государемъ; а о вольныхъ людѣхъ Государь приговорилъ со всѣми своими Бояры: которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ Холопьѣ приказѣ съ тѣми людьми, кто у кого служитъ добровольно, да тѣхъ вольныхъ людей распрашивати, сколь давно кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль 5, 6, а кабалъ на себя давати не хотятъ, и тѣхъ людей отпущати на волю; а кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода, или больше, а кабалы на себя дати не хочетъ, а сыщутъ то, что тотъ добровольно холопъ у того человѣка съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по тому, что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ; а которой Государь того добровольнаго человѣка пріиметъ, одноличнo, того ни кому мимо того Государя ни какъ не пріимати; а кто того добровольнаго холопа мимо нынѣшнее новое Государево уложеніе пріиметъ, тѣхъ добровольныхъ холопей сыскавъ, отдавать со всѣмъ старымъ ихъ Государемъ, у кого кто жилъ добровольно, а въ сносѣ давать судъ и управу по Государеву указу.

№ III.

ГРАМОТА УТВЕРЖДЕННАЯ

объ избрании Царемъ Бориса Феодоровича Годунова.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнѣмъ, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велелѣпнѣй и святѣй славѣ величествія своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстѣмъ, съ превѣчнымъ и единороднымъ своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равнобожественныя, и равночестныя, и равносопрестольныя, и равносильныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприсносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ составѣхъ единого Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непредолѣннаго и всякія силы крѣпчайшаго, Имъ же царіе царствуютъ и велицыи величаются: сего въ Троицы присно-славимаго Бога нашего, недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ, всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ несущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаются, отъ него же пріемше, земля наша Руская своими Государи обладаема быти. Ихъ же великихъ Государей, Царей Російскихъ корень изведе отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго вселенною. Первый Князь Великій

Рюрикъ содержаша скифетръ великаго Російскаго государьства въ Великомъ Новѣгородѣ. По немъ дерзосердый въ храбрьскихъ ополченіяхъ сынъ его Князь Великій Игорь, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Константинополя Греческихъ царей, на нихъ же и дань взимаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный градъ Кіевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское государство въ Кіевѣ сынъ его Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрьскаго подвига, и по Дунаю восемьдесятъ градовъ обладаше. Сіе тріе Російскіе Государи бѣша до крещенія, понеже Руская земля пребываше во тмѣ невѣрія и омрачена прелестію кумирослуженія. По Святославѣ возсія пресвѣтлая звѣзда, великій Государь сынъ Князь Великій Владиміръ Святославичь, тму невѣрія просвѣти и прелесть кумирослуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти святымъ крещеніемъ, иже Равноапостоленъ наречеся и, расширенія ради своихъ государствъ, Самодержавны имянованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государѣ по Владимерѣ, самодержства воспріимъ скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій храбрый Ярославъ Владимеровичь, иже Болеслава короля побѣди и Грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ государствѣ сѣде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичь, иже надъ Половцы и надъ Печенѣги преславную побѣду показа и государство свое крѣпцѣ соблюде. По Всеволодѣ пріимъ скифетръ, во обдержаніе Російскаго государства, сынъ его Князь Великій Владимеръ Всеволодовичь, и своимъ храбрьскимъ подвигомъ Ѳракію Царяграда поплѣни, и превысочайшую честь царьскій вѣнецъ и діядиму отъ Греческаго царя Костантина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся, отъ него же вси Російскіе великіе Государи царьствія вѣнцемъ вѣнчахуся. По великомъ Государѣ Владимерѣ Мономахѣ пріимъ скифетръ Російскаго царьствія сынъ его Князь Великій Юрьи Владимеровичь Долгорукой, и благочестіемъ просія и все христіянство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ сѣде на Російскомъ государствѣ въ Володимерѣ сынъ его Князь Великій Всеволодъ Юрьевичь, рачитель благочестію, крѣпкій поборникъ за святыя церкви

и о святой православной христіянствй вѣрѣ. По Всеволодѣ содержаше скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій Ярославъ Всеволодовичь, его же соблюде Богъ отъ Батыя въ Великомъ Новѣгородѣ и съ дѣтми, и по плѣненіи безбожнаго Батыя, святую и непорочную христіянскую вѣру распространи и святыя церкви паки обнови. По немъ великаго Російскаго государьства восприимъ скифетръ сынъ его, храбрый Князь Великій Александръ Ярославичь, иже надъ Германы показа преславную побѣду на Невѣ; и на крестьянскую вѣру безбожнаго Беркая царя лвояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти и по смерти даромъ чюдесы отъ Бога прославленъ. По великомъ Государѣ Александрѣ Невскомъ, сынъ его Князь Великій Даніилъ Александровичь отъ Владимера преселися на Москву, и царьствія скифетръ на ней утверди и превысочайшій престолъ царьствія въ ней устрои, иже суть и до нынѣ Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ восприимъ скифетръ царствующаго града Москвы сынъ его, Князь Великій Иванъ Даниловичь, всякими добродѣтельми и благочестіемъ украшенъ и неимущимъ неоскудную руку всегда простираше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ палатъ восприяти вѣчное блаженство небеснаго царьствія. По Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, сѣде на Російскомъ государствѣ сынъ его Князь Великій Иванъ же Ивановичь, и отъ безбожныхъ Ординскихъ царей вѣру крестьянскую крѣпцѣ соблюдаше и все православіе въ покоѣ и тишинѣ устрои. По немъ восприимъ скифетръ царствія сынъ его Князь Великій Дмитрій Ивановичь, достохвальный въ храбрьскомъ подвизѣ и преславный въ побѣдѣ имянованный Донской, иже побѣди безбожнаго Мамая на Дону и всю Рускую землю въ тихости и немятежи устрои. По великомъ Государѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, восприимъ въ содержаніе хоругви великаго Російскаго государства сынъ его Князь Великій Василей Дмитріевичь, и добродѣтельнаго ради его житія прослави его Богъ, а Рускую землю все православіе помилова отъ нахоженія безбожнаго Темираксака, пришествіемъ чюдотворнаго образа пречистыя своея матери, его же богогласный Лука написа. По немъ сѣде на Москвѣ сынъ его Князь Великій Василей

Васильевичь, и Російскую землю отъ иновѣрныхъ крѣпце соблюдаше, и за истинную крестьянскую вѣру, и за святыя церкви и за все православіе, отъ безбожныхъ Агарянъ въ плѣнъ ятъ бысть, и паки на свое государство возвращенъ бысть. По Великомъ Князѣ Василіѣ, воспріимъ скифетръ великаго Російскаго государства великій Государь сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичь, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрѣніемъ свое великое государство распространи, Російскаго государства древніе многіе городы, которые послѣ Батыева плѣненія къ Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и недвижно устрои и Самодержецъ имянованъ бысть. По великомъ Государѣ Иванѣ, хоругви великаго Російскаго государьства воспріятъ сынъ его Князь Великій Василій Ивановичь, и бодро-опаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю въ покоѣ и въ тишинѣ отъ иновѣрныхъ содержаше, и прародителей своихъ отчину, великое княжество Смоленское, отъ Польскаго королевства отторже и къ себѣ привлече и послушны сотворь. А по великомъ Государѣ Васильѣ Ивановичѣ, пріимъ скифетръ великаго Російскаго государства сынъ его, храбрый великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, благочестію рачитель, и по крестьянской вѣрѣ крѣпкій поборникъ, и въ своихъ государственныхъ чинѣхъ и въ поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу Царствія вѣнецъ на главу свою воспріятъ, его же взыска отъ древнихъ лѣтъ отъ прародителя своего великого Государя отъ Владимера Мономаха, и отъ премудраго его разума и отъ храбрьскаго подвига вси окрестные государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ и въ побѣдахъ страшенъ, и мусульманскіе государства: царьство Казанское и царьство Асторохандское подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ крестьянъ тмочисленныхъ свободи, но и паче же отъ потрясенія меча Германьскіи родове устрашишася. По великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи Самодержцѣ, отъ его царьского прекрасноцвѣтущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь процвѣте, сынъ

его Государь нашъ, благовѣрный великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, воспріимъ скифетръ Російскаго царьствія, и своимъ царьскимъ бодроопаснымъ осмотрѣніемъ во всемъ своемъ въ великомъ Російскомъ царствѣ благочестіе крѣпцѣ соблюдаше, и все православное крестьянство въ покоѣ и въ тишинѣ и благоденственномъ житіѣ тихо и немятежно устрои, и во всѣхъ его царьскихъ великихъ государьствахъ Россійскаго царьствія радостная и свѣтлая и веселія вездѣ исполнена бяше; царьствующій же градъ Москва тогда возвеличися и преумножися, и всѣми благими на вселенней цвѣтяше, превыше всѣхъ великихъ государьствъ; и славно бысть имя великого Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всея Русіи Самодержца, во всей вселеннѣй честь и слава величествія его возвыся и прославися, и всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе ему великому Государю любочестные дары приношаху, по его Царьского Величествія достоянію, и въ дружбѣ и въ любви съ его Царьскимъ Величествомъ быти желаху; а которые его Царскаго Величества окрестные недруги и непослушники, тѣ всѣ у его превысочайшія царьскіе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженьѣ учинилися; и великаго его Російскаго царствія отторженные грады отъ его великаго государьства многими лѣты, паки во своя возврати, и ради добродѣтельнаго его житія и милостиваго царскаго нрава въ своихъ государствахъ ко всѣмъ человѣкомъ неоскудныя рѣки милосердія изливаше, по своему Царьскому милосердому обычаю, и во всемъ бысть земный ангелъ и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ всего православнаго христіянства Російского царствія, Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ, превысочайшаго и преславнаго корени Августа Кесаря Римскаго прекрасноцвѣтущую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Російскаго царствія не произведе: едину бо вѣть царьскаго своего изращенія, отъ своея богозаконныя супруги благовѣрные и Христолюбивые великія Государыни Царицы и Великія Княгини Ирины Ѳедоровны, всеа Русіи, имѣяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ѳеодосью,

и сія Вседержителя Господа Бога святымъ Его праведнымъ судомъ, преже преставленія его Царькаго Величества, въ будущій некончаемый вѣкъ небеснаго царствія отыде; царьствова же великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государьствахъ Російскаго царьствія, 14 лѣтъ. А послѣ себя великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государьствахъ скиѳетродержавія Російскаго царствія, оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказалъ отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и шурину своему царьскому, а великіе Государыни нашей брату, Государю Борису Ѳедоровичю. И благовѣрная великая Государыни наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳедоровна всеа Русіи, по преставленіи великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи Самодержца, на великихъ своихъ государьствахъ Російскаго царьствія не изволила быти, а изволила по своему обѣщанію и къ Богу по великой вѣрѣ и душевному желанію, оставити превысочайшую честь и славу и высоту великаго Російскаго государьства, и воспріяти иночески ангельскій образъ, будущихъ ради благъ превѣчнаго царствія воздаяніе. Первопрестольнѣйшій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты и Игумепы и со всемъ вселенскимъ соборомъ, и боляре, и дворяне, и приказные люди, и Христолюбивое воинство, и гости, и всѣ православные крестьяня царьствующаго града Москвы и всея Рускія земли, съ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи молили, милости просили и били челомъ, чтобъ Государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, ихъ бы сирыхъ до конца не оставила, была на государствѣ въ содержаніи скиѳетра великихъ государствъ Російскаго царст-

сійскаго государьства, прошенія своего отъ великія Государыни не получиша, со многою скорбію и съ сѣтованіемъ и слезнымъ рыданіемъ отойдоша. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и съ Игумены, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и съ боляры, и съ дворяны, и съ приказными и служивыми людми, и съ гостми, и все православное христіянсгво, пріидоша въ Новой дѣвичь монастырь со многимъ плачемъ и рыданіемъ мнозѣмъ, благословенія и милости прошаху у благовѣрные великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини, иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, глаголюще: « О благовѣрная, милосердая Царица! Ты вмѣсто земнаго царьствія блаженную жизнь избрала еси, красоту жъ и свѣтлость превысокого Царьского Величества мимотекущее житіе возненавидѣ, небеснаго ради царьствія безсмертнаго Христа отъ всея души возлюбила еси, въ слѣдъ того невозвратно пойде пріимъ ангельскій святолѣпный образъ, а насъ оставила еси сирыхъ, безгосударны и безпомощны, неутѣшно плачющихъ и вопіющихъ по вся дни и въ нощи, и великое ваше отечество Російское государьство небрегомо и беззаступно, а Государя намъ благовѣрнаго Царя въ свое мѣсто не благословила. И нынѣ, о боголюбивая Государыни благовѣрная Царица, инока Александра Ѳедоровна, всеа Русіи! призри на насъ нищихъ своихъ богомольцовъ, и на своихъ рабъ на царьскій сигклитъ, и на толикое многочеловѣческое христіянское множество; услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣши плачь неутѣшный людій своихъ; воздвигни паки на царьство ваше и отечество ваше возвеличи, хрестьянскій же рогъ возвыси; понеже бо нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, царьство ваше вдовствуетъ и отечество ваше сиротствуетъ, пресвѣтлый же превысокій царьскій престолъ плачетъ сѣдящаго на себѣ Царя царьствующаго не имый, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы толицѣмъ безчисленнымъ плачемъ вопіетъ: милосердуй о насъ, Царице благопріятная, не остави насъ погибающихъ, не дай всѣхъ крестьянъ въ расхищеніе, дондеже не увѣдятъ многихъ странъ невѣрнія языцы, яко царствіе ваше безгосударно и возрадуют-

зумъ мой пріиде о томъ, да и мысли моей на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на таковую высоту царьствія и на престолъ такого великого Государя моего пресвѣтлаго Царя? Нынѣ бы намъ промышляти, какъ устроити праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣти и промышляти и правити бы государьство тебѣ Государю моему отцу, святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и съ тобою бояромъ; а будетъ моя работа пригодится, и язъ за святыя Божія церкви и государьства Московского за одну пядь земли, и за все православное христіянство и за ссущихъ младенецъ, радъ кровь свою изліяти и голову свою положити.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, моляше Государя Бориса Θедоровича, глаголя: «Милосердый Государь Борисъ Θедоровичь! Не буди противенъ вышняго Бога промыслу, повинися святой волѣ Его, никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глаголя судбамъ Божіимъ. И прежніи убо Цари предъизбраніи Богомъ царьствоваху, и сихъ убо благочестивый корень и по-ся-мѣста ведеся, даже до благочестиваго Государя нашего великого Государя Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ прія; въ него же мѣсто сію царьскую честь на тебя возлагаетъ и на твои Государевы дѣти, яко по свойству сродственному царьсково сѣмени богоизбранный цвѣтъ: его же бо Богъ предъизбра, того и возлюби, и его же пронарече, сего и оправда, его же оправда, того и прослави. Яко же рече божественный Апостолъ: его же бо хощу, рече Богъ, тово и помилую, и его же ущедрю, того и ущедрю: мой бо есть даръ; ему же хощу предамъ его. Яко же Пророкъ рече: Жребій убо Божій Царьское Величество: на него же возложитъ Богъ, на томъ и совершится. Яко же рече святый Деонисей Ареопагитъ: Превысокою, рече, дражайшею честію предпочтилъ есть Богъ человѣческій родъ, еже рече предпочтеніемъ царьскимъ: его же бо дарованіемъ симъ одарить Богъ восхощетъ, на семъ уже во чревѣ матери честь сію возложитъ и изъ младенства

на сіе предустроитъ. Тѣмъ же тебе убо превеликій Государь Борисъ Ѳедоровичь, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодію предъизбираемъ, но по праведному суду Божію: послѣдуемъ христіянскихъ царей древнимъ преданіемъ, яко искони мнози христіянстіи цари, недовѣдомыми судбами Божіими, и не хотяше скиѳетро царствія придержаще царствоваху, Богу на се наставляющу народъ единогласіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положитъ имъ, яко же пишетъ: гласъ народа гласъ Божій. Приводитъ же къ сему и свидѣтельство отъ древнихъ божественныхъ Писаній, еже глаголетъ о велицѣмъ царѣ Давидѣ: сей убо царствія рогомъ помазанъ бысть, царь силенъ и славенъ во Израили предъизбранъ Богомъ и толикъ преславенъ бысть, яко именемъ его весь Израиль хваляшеся, и въ толикую высоту достиже, яко Христу прародитель бысть и богоотецъ наречеся; тако жъ Іосиѳъ Прекрасный отъ праведнаго сѣмени Авраамля произыде, еще и неволею влекомъ, но судьбами Божіими царствова во Египтѣ, и нехотящимъ Египтяномъ. И сія убо отъ начала въ древнихъ до Христа по плоти съ небесе сошествія. По Христовѣ же на землю пришествіи, во благодати православіемъ сіяющихъ наипаче обрѣтаются по степенемъ въ Римскихъ и Греческихъ крестьянскихъ преданіяхъ. Отъ нихъ же первый, православіемъ сіяя яко солнце равноапостоломъ Констянтинъ, сынъ великого Конста кесаря Римского, иже прежебывшаго тирона, еже есть воинъ при Діоклитіанѣ и Максимьянѣ царема Римскима; сей убо великій первый крестьянскій царь Констянтинъ, во царѣхъ первый къ Богу правовѣріемъ просія яко солнце, тщаніе же и изысканіе о крестѣ Христовѣ толика показа, яко же инъ никтоже, и обрѣте его, много же и святыхъ мощей произыска и собра, идолскія же требы до конца разори и много ина исправленія по Бозѣ показа, и съ небесе свидѣтельствованъ знаменіемъ креста Господня, отнюду же побѣду земъ враги побѣждаше, и многи языцы во Христа вѣровати приведе; и сего ради отъ Бога не земнымъ токмо царьствіемъ, но и небеснымъ одарованъ бысть, и во крестьянскихъ царѣхъ первый и въ ликъ апостольскій учиненъ. Потомъ вторый царь,

благочестія поборникъ, нечестія обличитель, Θеодосій Великій, не тѣлеснымъ точію видомъ, но и славою предмногою высокъ, иже отъ Гратьяна царя въ порфиру царьскую одѣянъ бывъ и вѣнцемъ царствія вѣнчанъ, отъ сигклита предъизбранъ; при немъ же вторый святый Вселенскій соборъ бысть. Подобенъ же сему Великому Θеодосію царю и Маркіянъ, великій царь благочестіемъ и вѣрою, храбрьствомъ же и мудростію изященъ зѣло, преже въ чину воинственномъ бысть, потомъ Θеодосіемъ царемъ Малымъ на царьство возведенъ, по извѣщенію Ивана Богослова; при семъ бысть четвертый святый Вселенскій соборъ. Подобенъ же симъ царема Θеодосію и Маркіяну, Іустинъ Малый и Тивирій: царьствующу убо сему Іустину Малому въ Царѣградѣ, супружницу имѣя зѣло милостиву, подобну своему нраву, яко же и самъ милостивъ есть, именемъ Софію, не бѣ же има сына ни дщери; у него же бѣ совѣтникъ Тиверій, благовѣренъ зѣло, красенъ видомъ, лицемъ свѣтелъ, милостивъ и долготерпѣливъ, въ воинствѣ храбръ велми; красоты же ради его и храбрости, царь Іустинъ возлюби его пріемъ во усыновленіе; и первіе украшаетъ его кесарскимъ вѣнцемъ, потомъ же собравъ Патріарха и сигклитъ свой и весь народъ, и поучивъ доволно скиѳетроцарствія самодержавствія вѣнцемъ вѣнча его, еще живъ сый въ житіи семъ; Іустинъ же царь, вѣнчавъ Тивирія на царьство, успе сномъ вѣчнымъ; по умертвіи же Іустиновѣ, благочестивый царь Тивиріе, богодатную свою матерь царицу Софью жену Іустинову, зѣло почте и яко матерь себѣ имѣя, подъ областію же его сущимъ недугующимъ и стражущимъ и нищимъ отверзъ сокровища своя, старымъ бысть вожь, печальнымъ утѣха во всѣхъ бѣдахъ помощникъ, и толико яко всѣмъ людемъ прехвально вопити о немъ: втораго, рече, Августа Римского кесаря далъ намъ Богъ днесь. Бѣ же у него двѣ дщери, едину даде за Маврикія: той, убо, Маврикій въ воинствѣ храбръ зѣло, его же сочтанія ради дщере своея, Тивирій царь, въ кесарскій санъ устрои; помалѣ же, по преставленіи своемъ, и царьство свое вручи ему. Любезно же чтущіи божественная Писанія, многихъ во царѣхъ обрящутъ скиѳетроцарствія имущихъ, въ порфиру государьственую

Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи; и святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, безпрестани неотходно въ день и въ нощь со слезами вопіяху, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ и весь вселенскій соборъ молили Государя Бориса Ѳедоровича и милости просили, чтобы ихъ не оставилъ сирыхъ и не далъ бы ихъ въ расхищеніе. Государь же Борисъ Ѳедоровичь не преклонися никакоже къ моленію ихъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о семъ положи на Бога упованіе и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чудотворцовъ, дондеже исполнится Четыредесятница блаженные памяти благовѣрнаго Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и до времени какъ съѣдутся со всеѣ земли Россійскаго государьства Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бываютъ, и съѣдутся государьскіе дѣти розныхъ великихъ государьствъ, которые подъ царьскою высокою рукою били, служили Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, и весь Царьскій сигклитъ всякихъ чиновъ, и царьства Московскаго служивые и всякіе люди; и посла по Митрополитовъ, и по Архіепископовъ, и Епископовъ, и по Архимаритовъ, и по Игуменовъ, и по бояръ, и по воеводъ, и по дворянъ, и по приказныхъ, и по служивыхъ, и по всякихъ людей; и всего Російскаго государьства Митрополитомъ же, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостямъ, и всѣмъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго государьства, которые на Москвѣ, приказалъ, чтобы всѣ единодушно молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ устроилъ всему православному крестьянству полезная, яко же вѣсть святая Его воля, и помыслили бъ всѣ обще кому у нихъ Государемъ быти. Минувше Четыредесятницѣ по Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи Самодержцѣ, и всѣмъ вкупѣ сошедшимся въ царствующій градъ Москву, Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освя-

ли до Четыредесятницы; и нынѣ, по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, по великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, Четыредесятница совершилася, а святая его царьская праведная душа въ вѣчное блаженство небеснаго царства со всѣми святыми вселися: и вы бы, преосвященные Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и боляре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царьствующаго града Москвы и всея Російскія земля, вся православные крестьяня, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государьствѣ Государемъ быти? А у меня Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимаритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Ѳедоровича иного Государя никого не искати и не хотѣти. Слышавше же сія Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и боляре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и вся православные крестьяне, которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ въ царьствующій градъ Москву, велегласно аки единѣми усты глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и со всѣми православными крестьяны, еже неотложно бити челомъ Государю Борису Ѳедоровичю, а опричь Государя Бориса Ѳедоровича на государьство никого же не искати. И сіе во свидѣтельство приводяще: «По Божію жъ изволенію и по своему милосердію, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, сочталъ за сына своего за великого Государя нашего Царя и Велико-

на тебѣ взыщетъ Богъ душа ихъ. И егда же, по Божіей милости и по благословенію отца своего, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, Богомъ вѣнчанъ бысть и воспрія державу скиѳетро Російского царства: тогда Государь Борисъ Өедоровичъ, помня приказъ Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ихъ государьское здоровье хранилъ аки зѣницу ока, и попеченіе объ нихъ веліе имѣлъ, и великіе ихъ государьства отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и со опасеніемъ и попеченіемъ многимъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержательствомъ учинилъ ихъ царьскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государьствамъ много пространствіе и расширеніе, во всемъ прибыли, во вѣки въ превѣчную славу и похвалу учинилъ, и превысокого ихъ царьского степени величества окрестныхъ прегордыхъ непокорныхъ царей, ихъ царьскимъ приказомъ, а своимъ храбрьскимъ и премудрымъ промысломъ и радѣньемъ ко всему православному христіянству, благопослушны и повинователны сотворилъ, и побѣдилъ прегордо хвалящагося царя Крымскаго, и непослушника короля Свейскаго подъ государеву царьскую высокую десницу привелъ, и городы, которые были за Свейскимъ Королевствомъ, поималъ; а къ нему къ царьскому шурину къ Государю къ Борису Өедоровичю, о любвн, и о дружбѣ, и о мирномъ постановленіи, и о покоѣ, и о тишинѣ, цесарь хрестьянскій, и салтанъ Турскій и шахъ Персидской, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію; и вся великіе государьства Російскаго царьствія тихи и не мятежны устроилъ, и воинственой чинъ въ призрѣніи, и во многой милости, и въ строеніи учиненъ, а все православное христіянство въ покоѣ и въ тишинѣ, а бѣдныя вдовы и сироты въ милостивомъ въ покровеніи и въ крѣпкомъ заступленіи, и всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, и вся Руская земля во облеченіи учинена, и святая наша и непорочная христіянская вѣра сіяетъ во вселеннѣй выше всѣхъ, яко же подъ небесемъ пресвѣтлое солнце; и славно бысть благо-

всемірнаго плача всея Рускія земля, положилъ на милость, на тѣхъ великихъ государьствахъ Російскаго царствія былъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. И святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, слышавъ ихъ челобитье и слезное рыданіе, толикаго множества народа всея земли крѣпкій совѣтъ и единомышленіе, рѣки слезъ отъ очію испусти, глаголя: «Благословенъ Богъ, совѣтъ благъ давшему во всенародное се множество и единомысліемъ утвердившему.» И о семъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чюдотворцовъ, глаголя: Яко же Господеви годъ, тако и будетъ. Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и съ Игумены, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными, и съ служивыми людми, и съ гостьми, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, совѣтуетъ, чтобы въ субботу Мясопустную, Февраля въ 18 день, во первомъ часу дни, всему освященному собору и всѣмъ бояромъ и дворяномъ и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царьствующаго града Москвы и всея Рускія земля, быти въ великую соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы, и молити всесильнаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ великихъ Чюдотворцовъ Рускихъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнилъ; и во уреченный день исправивъ молебная во святѣй велицѣй апостольстѣй церкви, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы всенароднаго множества въ Новой-дѣвичь монастырь итти, и съ Божіею помощію всѣмъ единогласно, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, милости просити у великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и у брата ее у Государя у Бориса Ѳедоровича; и будетъ Государыня Царица положитъ на милость, насъ пожалуетъ, благословитъ брата своего, а Государя нашего, Бориса Ѳедоровича на государьство всея великія Росія, и Государь Борисъ Ѳедоровичь насъ пожалуетъ, будетъ на госу-

стойно есть; и призвавъ Бога въ помощь и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, благословилъ ихъ, что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, быти единомышлено на томъ на всемъ, какъ они приговорили; и совѣщавшеся вси вкупѣ и нарекоша день итти въ Новой въ дѣвичь монастырь въ понедѣльникъ Сырныя недѣли, и бити челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ и Государю Борису Өедоровичю всѣмъ единодушно; и въ субботу Мясопустную, и въ недѣлю и въ понедѣльникъ Сырные недѣли, по три дни пѣвше молебная во святѣй велицѣй соборнѣй апостольстѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, моливше Господа Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ Святыхъ, о всѣхъ яже на ползу строимыхъ всему православному крестьянству, чтобъ подаровалъ намъ Господь Богъ, по прошенію нашему, благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Өедоровича всеа Русіи, всему Російскому государьству Самодержца. И въ той же понедѣльникъ Февраля въ 20 день, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми боляры и со всенароднымъ множествомъ, идоша въ пречестную обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія въ Новой дѣвичь монастырь, и Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Өедоровнѣ всеа Русіи, и Государю Борису Өедоровичю, со слезами били челомъ и много молихомъ; и грѣхъ ради нашихъ, Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра Өедоровна, всеа Русіи, на милость не положила, брата своего Государя нашего Бориса Өедоровича на государьство не пожаловала; а Государь Борисъ Өедоровичь милости не показалъ же, а говорилъ святѣйшему Іеву Патріарху: «Какъ тебѣ государю и отцу своему и всему вселенскому собору, и бояромъ и дворяномъ и всему православному крестьянству, говорилъ преже сего, и нынѣ то же говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помыслить на такого Великого Государя пресвѣтлаго и праведнаго

Царя превысочайшую царьскую степень на высоту царьствія его.» И много о томъ со многими слезами моляше Патріарха, а говорилъ, что ему о томъ и въ разумъ не придетъ Первопрестольнѣйши же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и все православное христіянство, о семъ въ недоумѣніи многѣ бысть и во множѣй скорби и въ плачи неутѣшимомъ, отойдоша со многою скорбію отъ великія лавры въ царьствующій градъ Москву. И паки святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи созываетъ къ себѣ о Святѣмъ Дусѣ сыновей своихъ пресвященныхъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный вселенскій соборъ, и бояръ, и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и гостей, и всѣхъ православныхъ крестьянъ, съ ними же благъ совѣтъ совѣтуетъ, чтобъ божественное празнество соборнѣ сотворити пресвятѣй пречистѣй и пренепорочнѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвѣ Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ царьствующемъ градѣ Москвѣ во святѣй велицѣй соборнѣй апостолстѣй церкви, идѣ же многочюдесные мощи Петра и Іоны и прочихъ пресвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ и всеа Русіи, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ; такоже повелѣ праздновати и въ честнемъ монастыри пречистыя преславные Владычица нашея Богородицѣ и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, идѣже изволи жити великая Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра въ Новомъ дѣвичьѣ монастырѣ, вечерня и всенощное пѣти; и сотворше во святыхъ церквахъ всепразнественая, вземше честные и животворящіе кресты и великіе чюдотворные образы, пречистые Богородицы Владимерскіе чюдотворную икону, юже богогласный Лука написа, и чюдотворную икону пречистые Богородицы Донскіе, иже надъ безбожнымъ Мамаемъ побѣду показа, и чюдотворцова Петрова писма пречистые Богородицы образъ, и отъ прародителей государьскихъ чюдотворный образъ Одегитрія

пречистые Богородицы, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, и иные многіе чюдотворные образы, итти въ Новой дѣвичь монастырь на утрія во вторникъ Сырныя недѣли Февраля въ 21 день, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боляры и съ царскими синклиты, и со всенароднымъ безчисленнымъ множествомъ всея земля великого Російского государьства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, молити всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ, о вселенскомъ устроеніи и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и утвержeніи святыя православныя нашея христіянскіе вѣры, и дабы Господь Богъ умилосердился на насъ, послалъ дхновеніе Святаго Духа въ сердца великія Государыни нашея Царицы и Великія Княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русіи, и брата ея Государя нашего Бориса Ѳедоровича, умягчилъ бы ниву сердцу ихъ, чтобъ они великіе Государи слезъ моленія нашего не презрили; и молебная пѣнія и божественную литургію совершивше, молити и бити челомъ великой Государынѣ благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю, чтобы Государыни благовѣрная Царица на милость положила, на царство брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичь милость показалъ, былъ намъ благонадежный великій Государь Царь и Великій Князь, всеа Русіи Самодержецъ: егда како услышитъ милосердый Богъ, и пречистая его Мати пренепорочная Владычица и Приснодѣва Марія преславная Богородица умилосердився призритъ на смиреніе наше, и молитвъ нашихъ не презритъ и толикаго всенароднаго безчисленнаго множества безвременныхъ слезъ и вопля безпрестаннаго, и извѣститъ имъ милосердый Богъ о насъ, яко же вѣсть святая Его воля. Къ сему же святѣйшій Іевъ Патріархъ въ духовнѣ особь тайнѣ совѣтъ совѣщеваетъ со всѣми сыновы своими, съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и межъ собою крѣпко утвердиша себе на томъ: Будетъ великая Государы-

великая Государыни наша благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ее Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичь, на милость не положатъ, а насъ не пожалуютъ и о государьствѣ конечно откажутъ, и быти на государьствѣ Государь Борисъ Ѳедоровичь не восхощетъ; и язъ богомолецъ ихъ, и со мною о святѣмъ Дусѣ всѣ вы сынове мои Митрополиты и Архіепископы и Епископы, саны святителскіе съ себя сойменъ и понагеи сложимъ и облечемся во мнишеская, тамо въ монастырѣ и честныя кресты и чюдотворные образы оставимъ, и для ихъ ослушанія престанутъ во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ таинъ литургисанія, пѣнія же хвалы и благодарственное славословіе, и того Господь Богъ взыщетъ на нихъ, на великой Государынѣ и на братѣ ея на Государѣ нашемъ на Борисѣ Ѳедоровичѣ. И сія, убо, вкупѣ много совѣтовахомъ и утвердившеся и глаголаху вси единогласно: инако преложити невозможно, развѣ сего яко же глагола ты, святый владыко и отецъ нашъ Іевъ Патріархъ Московски и всея Русія. И Февраля въ 21 день, во вторникъ Сырныя недѣли, по прежнему своему соборному уложенію и по приговору всея земли, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о Святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молебная всепразднество свѣтло сотворше пречистѣй и пренепорочнѣй и преблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, съ честными кресты и съ чюдотворными образы пречистые Богородицы Владимерскіе, и пречистые образъ Донскіе, и живописанный образъ пречистые Богородицы великого святителя Петра, да чюдотворный образъ пречистыя Богородицы Одегитрія, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичѣ монастырѣ, и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и иные многіе чюдотворные образы, еже въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, и призвавше въ помощь въ Троицѣ славимаго всемилостиваго Господа Бога вседержителя и пречистую Богоматерь и великихъ чюдотворцевъ и всѣхъ святыхъ, идоша со

тщаніемъ въ Новой дѣвичь монастырь, идѣ же изволи жити, по пріятіи ангельского образа, великая Государыня наша благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгини Александра Ѳедоровна всеа Русіи, въ пречестную и великую обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія, и идуще пояху безпрестанно молебная пѣнія. Егда же великій святѣйши Іевъ Патріархъ, вкупѣ о Святѣмъ Дусѣ и сынове его Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня, и съ сущими младенцы и всенародное множество, пріидоша съ честными и животворящими кресты и съ чудотворными образы къ великой лаврѣ дѣвича монастыря: тогда въ той честной обители быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ, и воздвигшеся изыде иже въ той честной обители пребывающе пречистыя Богородицы чудотворный образъ честнаго и славнаго Ея Одегитрія Смоленскія, во слѣдъ же того чудотворнаго образа пречистыя Богородица Смоленскія пріиде великій Государь Борисъ Ѳедоровичь. И егда пріиде къ чудотворному образу пречистыя пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія Владимерскія: тогда слезъ многихъ исполнився, гласомъ великимъ возопивъ, глаголя: «О милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! почто толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ воздвиже съ честными кресты и со иными множествы чюдотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя.» И сія вопія и глаголя, со многимъ рыданіемъ и плачемъ паде на землю предъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы Владимерскія, и лежа слезами землю мочаше на многъ часъ. Возставшу же Государю Борису Ѳедоровичю, со многимъ плачемъ и рыданіемъ, и пришедъ знаменався припаде къ подножію того чудотворнаго образа, слезы точа отъ очію яко же рѣки, припадаетъ же прилагаяся и къ прочимъ честныхъ иконъ чудотворнымъ образомъ, со слезами многими. Тако же пришедъ къ отцу своему къ первоначальствующему Іеву Патріарху Московско-

му и всеа Русіи, со слезами глагола ему: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іевъ Патріархъ! по что чудные чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Великій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, благословя Государя Бориса Өедоровича животворящимъ крестомъ, съ великими слезами глагола ему: «Не буди одержимъ печалію, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божіимъ и пречистые Богородицы милостію и великихъ Чудотворцовъ. Еже глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти, сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, яко же глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ Младенцомъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ великими Чудотворцы, возлюби тебе, и воздвигшеся и изволи притти и святую волю Сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ Государѣ нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія Ея, послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе Чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіей, повинися святой воли Его, и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его.» Великій же Государь Борисъ Өедоровичь, слышавъ пастырево увѣщаніе, отъ очію рѣки слезъ проліяше, паки благословеніе пріятъ. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы пойде во святую церковь пресвятые Богородицы; а Государь Борисъ Өедоровичь пойде къ сестрѣ своей благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Өедоровнѣ всеа Русіи; а бояре и дворяне и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня всего Россійского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы; взыдоша на монастырь, а которые не вмѣщахуся въ монастырь, тѣ всѣ около монастыря стоящи, со многимъ слезнымъ рыданьемъ и воплемъ моляху Государя Бориса Өедоровича. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, во святѣй божественнѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія, божественную литоргію соборнѣ совершивше, со всѣми сыновы своими съ Митрополиты, и съ

Архіепископы, и Епископы, и вся Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, во всѣхъ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служаху божественную литургію, идоша въ келью къ великой Государынѣ благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Өедоровнѣ всеа Русіи, носяще съ собою честный и животворящій крестъ и чудотворные образы; съ ними же вкупѣ и бояре и весь царьскій сигклитъ. А дворяне, и приказные люди, и гости, и Христолюбивое воинство, и вся православные крестьяня и всенародное множество Російскаго государьства, стояху у кельи и по всему монастырю; а елицы не вмѣщахуся въ монастырь, и тѣ вся внѣ монастыря стояще, вси купно падше главы своя повергше на землю, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ многимъ велегласно вопіяху на многъ часъ: «О благочестивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Өедоровна всеа Русіи! милосердуй о насъ, Царица, пощади, пощади, благовѣрная и Христолюбивая Государыня, благослови и даждь благовѣнчаннаго Царя на царьство всѣмъ намъ благонадежнаго Государя всему Россійскому государьству Самодержца, брата своего Государя нашего Бориса Өедоровича!» Тако жъ и брату ея Государю нашему Борису Өедоровичю били челомъ и молили со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ многимъ прилежно, чтобъ онъ Государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и боляръ, и Христолюбивое воинство и все православное христіянство, скиѳетроцарьствія царьскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царьствующему жъ граду Москвѣ и всему Російскому государьству Самодержецъ, а намъ Государь благонадежный. И великая Государыни благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Өедоровна всеа Русіи, и братъ ея Государь нашъ Борисъ Өедоровичь, къ моленію нашему никако же быша преклонны и не восхотѣша насъ пожаловати. Первопрестольнѣйши же Іевъ Патріархъ, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и весь царьскій сигклитъ, били челомъ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Өедоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Өедоровичю, со слезами на многъ часъ; падше предъ царь-

скими ногами ея; а всенародное безчисленное множество всѣ православные крестьяня, у кельи, съ великимъ плачемъ отъ души единогласно глаголюще: «Милосердая Царица благородная и Христолюбивая! не презри пришедшихъ въ честную сію обитель пречистые Богородицы Владимерскіе и Донскіе, и Чудотворца Петра живописаннаго пречистые образа, и Одегитрія пречистые Богородицы чудотворные Вознесенскіе и всѣхъ чудотворныхъ образовъ, и угодниковъ Ея великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ, и для закланія святаго Агнеца Божія, изліявшего за весь міръ кровь свою: положите на милость, не оставте насъ сирыхъ и безгосударныхъ.» Великая же благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, слышавъ сія таковая прошенія и моленія, на многъ часъ въ недоумѣніи бывъ и умилися душею, слезъ многихъ исполнися, глаголя: «О отецъ нашъ святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, и Болярс! Изволеніемъ Божіимъ, и грѣхъ ради моихъ и всего православнаго крестьянства, великого Государя моего свѣта праведнаго и благочестиваго и милосердаго, пресвѣтлаго Царя, праведная его и безпорочная душа отойде въ вѣчное блаженство; а нынѣ на таковую высоту царьствія и на престолъ такого великого Государя просите у насъ брата нашего Бориса: и у меня ни то мысли никакъ нѣтъ, а у брата нашего у Бориса по тому же никакъ мысли и хотѣнія на то нѣтъ же, свидѣтель и сердце наша зритъ Богъ. А будетъ на то святая его воля будетъ, яко же годѣ Господеви, тако и буди: волѣ бо Его никто же можетъ противиться; а безъ вышняго и всемогущаго Господа Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сѣтованія, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно.» Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и съ нимъ весь вселенскій соборъ и боляре, многое моленіе и челобитье, съ неутѣшнымъ плачемъ, къ великому Государю Борису Ѳедоровичю простираху; а окрестъ кельи и по всему монастырю и за монастыремъ, все православное крестьянство всея Русскія земля съ женами и съ дѣтми, вели-

дарьство; и вся яко едиными усты вопіяху: «Сія ли угодно вамъ, тебѣ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Өедоровнѣ всеа Русіи, и брату твоему Государю нашему Борису Өедоровичю, что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставити? И услышавъ о томъ окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтобъ святая наша и непорочная крестьянская вѣра въ попраніе не была, а мы всѣ православные крестьяне отъ окрестныхъ государей въ расхищеньи не были.» И толикъ плачь и вопль и рыданіе испущаху, яко и воздуху наполнитися вопля и рыданія отъ неутѣшнаго плача отъ стованія. Великая же Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Өедоровна всеа Русіи, видяще святѣйшаго Іева Патріарха и всего вселенскаго собора не отложное моленіе, и боярское челобитье, и всенароднаго множества всего православнаго крестьянства много плача и рыданія и стенанія, царьское сердце на милость преложи и слезные источники со многимъ духовнымъ умиленіемъ испущая, глаголаше: «Велій еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя! Кто бо разумѣ разумъ Твой Владыко, или кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть? Но яко же хощеши, тако и твориши, и воли бо Твоей никто же можетъ противитися: твориши бо елико хощеши.» И глагола святѣишему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору и бояромъ: «Для ради всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и пречистые пренепорочные Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія, крѣпкіе крестьянскіе нашіе надежи и заступницы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ и всеа Русіи, и для чюдотворныхъ образовъ воздвигнутія и закланія ради святаго Агнеца Божія спасенія ради нашего, и тебя отца нашего Іева Патріарха и Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора толикаго подвига, и бояръ нашихъ и дворянъ и всея земля всего православнаго крестьянства и ихъ женъ и дѣтей и ссущихъ младенцовъ и ихъ многаго вопля и рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, Богу вседержителю и пречистой его матере и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ

сестры своея великіе Государыни, аще и не хотяше на царьствіе, повинулся воли Божіи со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый и человѣколюбивый, Царь царьствующимъ и Господь господьствующимъ! аще угодно сія Твоему человѣколюбію, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя.» И потомъ глагола ко отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху, и всему вселенскому собору, и бояромъ: «Аще будетъ на то воля Божія, буди такъ.» Святѣйшій же Ісвъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, слышавше милосердый царьскій глаголъ, на землю падше радостными слезами благодарственная всемилостивому Богу возсылаху: слава и благодареніе всещедрому и человѣколюбивому Богу, непрезрѣвшу моленія и слезъ нашихъ и пославшу святой Духъ въ сердце великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Руссіи, и Государю Борису Ѳедоровичю: сердца бо ихъ въ руцѣ Божіи. И благословилъ святѣйши Іевъ Патріархъ Богомъ избраннаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, и Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью, честнымъ и животорящимъ крестомъ, и знаменовалъ чудотворнымъ образомъ пречистые Богородицы честнаго Ея Одегитрія, юже написа великій Святитель Петръ. Потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, вышедъ отъ Государыни Царицы и Валикіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, возвѣщаетъ дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ, и всему православному крестьянству, всесилнаго Господа Бога милость, что по Его святой воли великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ея Богомъ избранный Государь нашъ Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичь всеа Русіи Самодержецъ, на милость положили, пожаловалъ хочетъ быти на великомъ Російскомъ государьствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Само-

сея и Іоны и всѣхъ Святыхъ, не презрѣ моленія нашего, плачь и рыданіе наше услыша и на радость печаль нашу преложи, и дарова намъ такова благонадежнаго милосердаго Государя Царя, правдѣ и милости, соблюдати святыя Божія церкви и крестьянскую святую и непорочную вѣру и все православное Христіянство, его же со слезами по вся дни и нощи и много время просихомъ.» И посемъ, Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и весь освященный соборъ, и боляре и весь царскій сигклитъ, и Христолюбивое воинство, и гости, и все православное христіянство, веліе Богу благодареніе возсылаху, изліявшему на весь родъ крестьянскій неизреченное свое милосердіе и совершившему сіе великое и преславное дѣло, еже, по прошенію всего православнаго крестьянства, избравъ и давше сего великого Государя, благочестиваго и Христолюбиваго милостиваго и храбраго, Царя и Великого Князя Бориса Θедоровича, всеа Русіи Самодержца. Великій же апостольскій сопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ, божественную литургію литургисавше соборнѣ во святѣй велицѣй апостольстѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія; благочестивый же Богомъ дарованный великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Θедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, въ той апостольстѣй велицѣй соборнѣй церкви божественную литургію слушалъ. По совершеніи же божественныя литургіи, идяше во святую божественную великую соборную церковь соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, идѣ же лежатъ прежеодшедшіе отъ житія сего къ Богу великіе Государи, благовѣрніи Цари и Великіе Князи; и тамо пришедъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Θедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, знаменается у чудотворныхъ иконъ, и потомъ же приходитъ къ гробу великого Государя Царя и Великого Князя Θедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и ко отцу его великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу,

людей, и гостей, и все Христолюбивое воинство, благословляю со всѣмъ освященнымъ соборомъ на томъ, что вамъ великому Государю нашему, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному, Царю и Великому Князю Борису Θеодоровичю, всеа Росіи Самодержцу, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадомъ, благородному Царевичу Князю Θеодору Борисовичю и благовѣрной Царсвнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дасть, служити вѣрою и правдою, а зла никоторыми дѣлы на нихъ Государей нашихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ, какъ ести имъ Государемъ нашимъ души свои дали у пречистые Богородицы Чудотворного ея образа и у цѣлебоносныхъ гробовъ великихъ Чюдотворцовъ Петра и Іоны, животворящей крестъ цѣловали.» Бояре же и дворяне и весь царскій сигклитъ, и приказные люди и гости, и вси православные крестьяня, велегласно вси святѣйшему Іову Патріарху и всему вселенскому собору, яко единеми усты, вопіяху глаголюще: «Цѣловали есмя святый животворящій крестъ и обѣтъ дали, и нынѣ обѣтъ даемъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и небеснымъ Силамъ и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ и всѣмъ Святымъ, тебя великого Государя святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, и весь освященный вселенскій соборъ, во свидѣтелство представляемъ, что за великого Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великого Князя Бориса Θедороаича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ Царскихъ дѣтей, за благовѣрнаго Царевича Князя Θедора Борисовича и за благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, и которыхъ имъ Государемъ дѣтей впредь Богъ дасть, души свои и головы положити и служити Государемъ нашимъ вѣрою и правдою всѣмъ душами своими и головами, иного Государя, мимо Государей своихъ, Государя Царя и Великого Князя Бориса Θедоровича, всеа Росіи Самодержца, и сына его Государя нашего благовѣрнаго Царевича Князя Θедора Бори-

одинъ: какъ кому Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, на своей Государевѣ службѣ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти; также намъ Бояромъ, и приказнымъ людемъ и дьякомъ, межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичю, всеа Русіи Самодержцу, въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлѣхъ кручины не приносити никоторыми дѣлы, никоторою хитростью, по прежней цѣловалной записи, на чѣмъ есмя Государю своему Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичю, всеа Русіи, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ дѣтемъ Государемъ своимъ, Царевичю Князю Ѳеодору Борисовичю и Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, души свои давали и животворящій крестъ цѣловали, по сей утверженной грамотѣ, крѣпко держати неподвижно.» Великій же пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всемъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сія, паки глаголетъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обѣщаетеся; что вамъ толикимъ и таковымъ Государемъ нашимъ, къ благочестивому Царю Государю и Великому Князю Борису Ѳедоровичю всеа Русіи, и его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ царскимъ дѣтемъ, Государю Царевичю Князю Ѳедору Борисовичю и Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, единодушно быти: тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утверженную написавше утвердитися, и вся яже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее время въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложити и печати свои привѣсити, а вамъ Царьского Величества бояромъ, и околничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и всякимъ приказнымъ людемъ и дьякомъ, и гостемъ, руки свои приложити на болшое утверженіе и единомышленіе, да будетъ впредь крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утверженной грамотѣ написано будетъ и на чѣмъ по

и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уложенію нашего смиренія первопрестолника Іова Патріарха Московского и всеа Русіи и всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ и отъ церкви отлученъ и святыхъ Христовыхъ таинъ пріобщенія, яко раскольникъ церкви Божія и всего православнаго христіянства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ закономъ месть воспріиметъ, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословенія отнынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣ благословенія и соборного уложенія послушанія, тѣмъ и удалися отъ него и облечеся въ клятву: аще бо и дерзо рещи, таковый да будетъ проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Егда же написавше совершихомъ сію утверженную грамоту, и совершивше святителскими руками укрѣпльше и печатми своими утвердивше, вкупѣ и болярскими руками и честныхъ монастырей Архимаритовъ и Игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утверженія: тогда великій святитель Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, совѣтъ полагаетъ о святѣмъ Дусѣ со всѣми сыновы своими съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всѣми боляры, съ Архимариты и Игумены и соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ дворяны и съ приказными людми, яко да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше соборнѣ, изберутъ мѣсто и повѣдятъ вкупѣ, въ немъ же аще сохранно утвердивше положити сію утверженную грамоту, да будетъ твердо и неразрушно въ предъидущіе лѣта въ роды и роды и во вѣки, и не прейдетъ ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже. И тако вси купно совѣщавшеся твердымъ согласіемъ святогo Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончалнымъ и утверженнымъ грамотамъ. А на соборѣ были съ первопрестолнѣйшимъ пресвятѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ сынове его: Варламъ Митрополитъ Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, Ермогенъ Митрополитъ Казанскій и Астараханскій, Варламъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Геласія

Өегностъ, изъ Великого Новагорода Вежицкой Игуменъ Филаретъ, изъ Великого Новагорода Духовской Игуменъ Өегнастъ, изъ Звенигорода Сторожевского монастыря Игуменъ Боголѣпъ, съ Вологды Павловской Игуменъ Іоилъ, съ Вологды Глушицкой Игуменъ Андреянъ, изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Левкей, съ Вологды Корнильевской Игуменъ Іосифъ, изъ Переславля Залѣского Никицкой Игуменъ Никонъ, изъ Можайска Колоцкой Игуменъ Никандръ, съ Угрѣши Николской Игуменъ Тихонъ, съ Дины Сійского монастыря Игуменъ Іона; соборные старцы: Троецкой Сергіева монастыря старецъ Варсонофей Якимовъ, келарь старецъ Акакей, казначей старецъ Илья, старецъ Мисайло Безнинъ, Троецкого подворья Строитель Еустафей Головкинъ, архидьяконъ старецъ Алимпей, Патріаршъ казначей старецъ Арсеней, старецъ Серапіонъ Марковъ, Ипацкого монастыря строитель Гурей Ступишинъ, Чюдова монастыря келарь старецъ Өеодосей Креницынъ, казначей старецъ Іосифъ, старецъ Васьянъ Торжневъ, старецъ Германъ Щербатой, Кирилова монастыря старецъ Леанидъ, Кириловского подворья строитель старецъ Елеуферей Братцовъ, старецъ Іосифъ Монастыревъ, изъ Боровска Пахнотьева монастыря келарь старецъ Геласья, казначей старецъ Іона Наумовъ, Іосифова монастыря старецъ Мойсей Неплюевъ, старецъ Тихонъ Ржевской, старецъ Левкѣя, Спаской изъ Ярославля строитель старецъ Мисайло, Соловецкого монастыря старецъ Васьянъ; бояре: князь Өедоръ Ивановичь Мстиславской, князь Василей Ивановичь Шуйской, конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичь Годуновъ, князь Өедоръ Михайловичь Трубецкой, бояринъ и дворецкой Степанъ Васильевичь Годуновъ, бояринъ Иванъ Васильевичь Годуновъ, князь Дмитрей Ивановичь Шуйской, Богданъ Юрьевичь Сабуровъ, князь Никита да князь Тимоөей Романовичи Трубецкіе, Өедоръ Никитичь Романовъ, князь Михайло Петровичь Катыревъ-Ростовской, Александръ Никитичь Романовъ, князь Иванъ Михайловичь Глинской, князь Олександръ Ивановичь Шуйской, князь Борисъ Камбулатовичь Черкаской, князь Василей Кардануковичь Черкаской; околничіе: Яковъ Михайло-

вичь Годуновъ, Семенъ Никитичь Годуновъ, князь Ондрей Ивановичь Хворостининъ, Михайло Никитичь Романовъ, Дмитрей Ивановичь Вельяминовъ, Матѳей Михайловичь Годуновъ, Степанъ Степановичь Годуновъ, кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, Ѳома Оѳонасьевичь Бутурлинъ, Ондрей Петровичь Клешнинъ, Семенъ Ѳедоровичь Сабуровъ, князь Василей Дмитреевичь Хилковъ, Михайло Михайловичь Салтыковъ, Богданъ Яковлевичь Бѣлской, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи у ѣствы князь Ондрей Ивановичь Гундуровъ, казначей Игнатей Петровичь Татищевъ; печатникъ и посолской діякъ Василей Яковличь Щолкаловъ; дворяне думные: князь Петръ Ивановичь Буйносовъ Ростовской, Остафей Михайловичь Пушкинъ, постелничей Истома Осиповичь Безобразовъ, стряпчей съ ключемъ Кузма Безобразовъ, на земскомъ дворѣ бояринъ Григорей Борисовъ сынъ Василчиковъ, соколничей Иванъ Олексѣевъ сынъ Жеребцовъ, яселничей Михайло Игнатьевъ сынъ Татищевъ; дьяки думные: Елизарей Вылузгинъ, Сапунъ Аврамовъ, Иванъ Олексѣевъ сынъ Нармацкой, Оѳонасей Ивановъ сынъ Власьевъ; столники: князь Юрьи княжь Никитинъ Трубецкой, Иванъ Никитинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ княжь Никитинъ сынъ Одоевской, Иванъ Никитинъ сынъ Романовъ, князь Ондрей княжь Ондреевъ сынъ Телятевской, Василей Никитинъ сынъ Романовъ, Петръ Ѳедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ княжь Михайловъ сынъ Катыревъ Ростовской, Иванъ Михайловъ сынъ Годуновъ, Олексѣй Яскинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ княжь Семеновъ Куракинъ, Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ, князь Иванъ да князь Никита княжь Ондреевы дѣти Хованскіе, Богданъ Семеновъ сынъ Сабуровъ, Замятня Ивановъ сынъ Сабуровъ, князь Ѳедоръ княжь Ивановъ сынъ Лыковъ, князь Иванъ княжь Ивановъ сынъ Курлетевъ, князь Иванъ княжь Борисовъ сынъ Черкаской, Михайло Борисовъ сынъ Шеинъ, князь Иванъ княжь Дмитреевъ сынъ Хворостининъ, князь Ондрей княжь Васильевъ сынъ Сицкой, князь Данило княжь Ивановъ сынъ Мезецкой, князь Юрьи княжь Петровъ сынъ Ушатой, Петръ Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Романъ княжь Ѳедоровъ сынъ

Троекуровъ, князь Борисъ княжь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Юрьи княжь Даниловъ сынъ Пріимковъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сабуровъ, Григорей Семеновъ сынъ Сабуровъ, князь Иванъ меншой княжь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Иванъ княжь Петровъ сынъ Буйносовъ, князь Ондрей княжь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Ондрей княжь Даниловъ сынъ Сицкой, князь Василей княжь Петровъ сынъ Тростенской, князь Олексѣй княжь Юрьевъ сынъ Сицкого, Семенъ Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ княжь Өедоровъ сынъ Хованской. Өедоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ, князь Борисъ княжь Ондреевъ сынъ Хилковъ, князь Микита княжь Михайловъ сынъ Мезецкой, князь Иванъ княжь Васильевъ сынъ Хилковъ, Сила да Борисъ Михайловы дѣти Вельяминова, Өедоръ Тулуповъ сынъ Вельяминовъ; діяки по приказомъ: Ондрей Арцыбашевъ, Григорей Клобуковъ, Иванъ Вахромеевъ, Семенъ Косткинъ, Ондрей Татьянинъ, Иванъ Невловъ, Петръ Невловъ, Истома Ѣвской, Смирной Васильевъ, Государыни Царицы и великіе Княгини Марьи дьякъ Тимоөей Чириковъ; дворяне: Степанъ Александровъ сынъ Волоской, князь Иванъ да князь Ондрей княжь Васильевы дѣти Голицына, Петръ Васильевъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ меншой княжь Никитинъ сынъ Одоевской, Василей Петровъ сынъ Морозовъ, Верига Петровъ сынъ Сабуровъ, князь Семенъ да князь Михайло княжь Ондреевы дѣти Куракины, князь Ондрей княжь Дмитреевъ сынъ Хилковъ, князь Борисъ княжь Петровъ сынъ Татевъ, Өедоръ Ивановъ сынъ Шереметевъ, Михайло Богдановъ сынъ Сабуровъ, Иванъ Өедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ княжь Петровъ сынъ Ромодановской, князь Иванъ да князь Өедоръ да князь Семенъ княжь Ондреевы дѣти Татева, князь Василей княжь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Романъ княжь Васильевъ сынъ Олхябининъ, князь Михайло княжь Өедоровъ сынъ Гвоздевъ, князь Данило княжь Борисовъ сынъ Пріимковъ, Елизарей да Тимоөей Ивановы дѣти Сабурова, князь Василей княжь Петровъ сынъ Туренинъ, Михайло да Юрьи Михайловы дѣти Вельяминова, Иванъ да Микита Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Никифоръ Васильевы дѣти Траханіотова, князь Александро княжь

евъ, Григорей Оѳонасьевъ сынъ Нащокинъ, князь Борисъ да князь Семенъ княжь Семеновы дѣти Бѣлоглазова Дыкова, Матвѣй Васильевъ сынъ Бутурлинъ, князь Василей да князь Олексѣй княжь Григорьевы дѣти Долгорукаго; у жильцовъ: Ондрей Васильевъ сынъ Безобразовъ, князь Ѳедоръ да князь Яковъ да князь Иванъ да князь Михайло княжъ Петровы дѣти Борятинского, Иванъ Микитинъ сынъ Салтыковъ, князь Иванъ княжь Львовъ сынъ Масалской, Иванъ Шестого сынъ Бибиковъ, Олексѣй Остафьевъ сынъ Пушкинъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Козминъ, Михайло Ѳедоровъ сынъ Аксаковъ, Михайло Самсоновъ сынъ Дмитреевъ, Петръ Григорьевъ сынъ Совинъ; стряпчіе съ платьемъ: Яковъ Васильевъ сынъ Зюзинъ, Гаврило Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Пилъемовъ, Григорей Ондреевъ сынъ Плещеевъ, Бахтеяръ Образцовъ сынъ Клешнинъ, Григорей да Юрьи Игнатьевы дѣти Татищева, Михайло да Иванъ Остафьевы дѣти Пушкина, Оѳонасей Ивановъ сынъ Пушкинъ, Петръ Васильевъ сынъ Щепина Волынской, Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ, Ѳедоръ Васильевъ сынъ Щепина Волынской, Василей да Михайло Игнатьевы дѣти Вельяминова, князь Микита княжь Петровъ сынъ Борятинской, Василей Савиновъ сынъ Плещеевъ, Ондрей Богдановъ сынъ Полевъ, князь Дмитрей княжь Михайловъ сынъ Пожарской; изъ городовъ выборъ: князь Иванъ княжь Юрьевъ сынъ Морткинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Чемодановъ, князь Иванъ княжь Михайловъ сынъ Борятинской, Ондрей Игнатьевъ сынъ Вельяминовъ, Микиѳоръ Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Татищевъ, Кирило Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, Игнатей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Григорей Микитинъ сынъ Ржевской, Калинникъ да Олексѣй Ивановы дѣти Зюзина, Яковъ Ондреевъ сынъ Охотинъ Плещеевъ, Леонтей да Ивашко Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Степанъ Микиѳоровы дѣти Ченчюгова, князь Григорей княжь Леонтьевъ сынъ Болговской; головы стрелецкіе: Посникъ Огаревъ, Смирной Маматовъ, Леонтей Лодыженской, Ратманъ Дуровъ, Темиръ Засѣцкой; изъ городовъ же выборъ: Ондрей Михай-

ловъ сынъ Окинфовъ, Констянтинъ Тимоѳеевъ сынъ Замыцкой, Наумъ Михайловъ сынъ Плещеевъ, Долматъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Алексѣй Ондрѣевъ сынъ Писемской, Судокъ Ондреевъ Мясной, Володимеръ Игнатьевъ сынъ Вешняковъ, Тимоѳей да Ѳедоръ Петровы дѣти Совина, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Хрулевъ Наумовъ, Семенъ Борисовъ сынъ Погожево, Семенъ Ооонасьевъ Отяевъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Ловчиковъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Тутолминъ, Борисъ Микифоровъ сынъ Давыдовъ, Семенъ Васильевъ сынъ Чередовъ; бараши: Ооонасей Александровъ сынъ Жеребятичевъ, Верига Ѳедоровъ сынъ Давыдовъ; ключники дворцовые: погребной ключникъ Иванъ Омельянской, кормоваго дворца Кузма Урпеневъ, Пантелей Усовъ, князь Василей княжь Юрьевъ сынъ Мезецкой, Замятня Ондреевъ сынъ Безстужевъ, Юрьи Яковлевъ сынъ Строкиловъ, Леонтей Ивановъ сынъ Застолбской, Тимоѳей Меншого сынъ Змiевъ, Семенъ Ивановъ сынъ Жеребцовъ, Ѳедоръ Яковлевъ сынъ Шишмаревъ, Кирило Ѳедоровъ сынъ Шишмаревъ, Дмитрей Юрьевъ сынъ Пушечниковъ, Матвѣй Юрьевъ сынъ Пушечниковъ; жильцы: князь Иванъ княжь Микитинъ сынъ Прiимковъ Ростовской, князь Борисъ княжь Микитинъ сынъ Прiимковъ Ростовской, князь Иванъ княжь Володимеровъ сынъ Колцовъ Мосальской, Иванъ Елесѣевъ сынъ Плещеевъ, Лазарь Семеновъ сынъ Безобразовъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ Вельяминовъ, князь Василей княжь Ахамащуковъ сынъ Черкаской, Михайло Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Миронъ Ондреевъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Юрьевъ сынъ Мелединской, князь Ѳедоръ княжь Ѳедоровъ сынъ Мещерской, Дмитрей Семеновъ сынъ Погожево, Григорей Ивановъ сынъ Зубовъ, Тимоѳей Микифоровъ сынъ Безобразовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Волынской, Яковъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ, Степанъ Степановъ сынъ Истленьевъ, Сергѣй Ивановъ сынъ Мятлевъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Погожево, Василей Ивановъ сынъ Волынской, Бѣляница Мирославовъ сынъ Зюзинъ, Игнатей Дружининъ сынъ Петелинъ, Степанъ Ондреевъ сынъ Татьянинъ, князь Лука княжь Матвѣевъ сынъ Львовъ, князь Иванъ княжь Ивановъ сынъ Козловской, князь

Петръ княжь Ондреевъ сынъ Козловской, Малюта Семеновъ сынъ Тургеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Өедоръ Ивановъ сынъ Милюковъ, Обросимъ Ивановъ сынъ Лодыженской, Леонтей Леонтьевъ сынъ Лодыженской, Михайло Микитинъ сынъ Пушкинъ, Василей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Тимоөей Васильевъ сынъ Измайловъ, Микита Васильевъ сынъ Измайловъ, Петръ Ивановъ сынъ Внуковъ, Иванъ Костянтиновъ сынъ Наумовъ, Василей Петровъ сынъ Наумовъ, Өедоръ Ратмановъ сынъ Дуровъ, Степанъ Меншого сынъ Волынской, Леонтей Ивановъ сынъ Мятлевъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Сербинъ; діяки по приказомъ: Иванъ Карповъ, Игнатей Софоновъ, Василей Нелюбовъ, Дороөей Бохинъ, Богданъ Власьевъ, Нечай Өедоровъ, Второй Поздѣевъ, Иванъ Тимоөеевъ, Семейка Сумороковъ, Истома Карташевъ, Шеметъ Ивановъ, Нечай Перфирьевъ, Михайло Унковской, Иванъ Ефановъ, Тимоөей Осиповъ, Степанъ Твердиковъ, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи діякъ Иванъ Өедоровъ; гости: Иванъ Михайловъ сынъ Чюркинъ, Петръ Васильевъ сынъ Мякотинъ, Григорей Ивановъ сынъ Твердиковъ, Өонасей Ивановъ сынъ Іюдинъ, Иванъ Юрьевъ, Меншой Семеновъ сынъ Булгаковъ, Богданъ Семеновъ сынъ Булгаковъ, Степанъ Ивановъ сынъ Котовъ, Олексѣй Костянтиновъ сынъ Патрушинъ, Баженъ Ивановъ, Иванъ Өалелеевъ, Богданъ Трофимовъ сынъ Порыкинъ, Иванъ Семеновъ сынъ Кошуринъ, Василей Дмитреевъ сынъ Чюлковъ, Өедоръ Созоновъ сынъ Скробовицкого, Кирило Созоновъ сынъ Скробовицкой, Сотникъ Игнатьевъ, Василей Коптевъ, Юрьи Болотниковъ, Тимоөей Выходецъ, Третьякъ Фаворовъ; гостиные сотни староста Селивестръ Онаньинъ; суконные сотни староста Третьякъ Герасимовъ сынъ Косаткинъ; черныхъ сотенъ соцкіе: Дмитровскіе сотни соцкой Иванъ Онаньинъ сынъ Коробановъ, Покровскіе сотни соцкой Митя Семеновъ сынъ Оконкинъ, Ординскіе сотни сотникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Морсочникъ, Ростовскіе сотни соцкой Филипъ Патраквевъ сынъ Красилникъ, Ржевскіе сотни сотникъ Нечай Васильевъ сынъ Рыбкинъ, Новгороцкіе сотни соцкой Петръ Өедоровъ сынъ Масленикъ,

Стрѣтенскіе сотни соцкой Кузма Васильевъ Сухой, Устюжскіе полусотни соцкой Ѳедоръ Ларіоновъ сынъ Рыбникъ, прибылые полусотни соцкой Первой Дороѳеевъ сынъ Пищалникъ, Кожевницкой полусотни соцкой Григорей Гавриловъ сынъ Кожевникъ, четверти митрополья сотни соцкой Васка Ѳѳонасьевъ сынъ Житниковъ, Арбацкой четверти сотни соцкой Осипъ Семеновъ сынъ Ноздринъ, Черторьскіе четверти сотни соцкой Ѳедоръ Ивановъ сынъ Подпружникъ. А уложена бысть и написана сія утверженная грамота, за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича всеа Русіи, въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царьства ихъ, отъ созданія міру лѣта 7106, индикта 11, мѣсяца Августа въ 1 день.

А назади у обѣихъ утверженныхъ грамотъ, что у Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца въ его царьской казнѣ, и что въ патріарховѣ ризницѣ, руки приложили:

«Великій господинъ Іевъ Патріархъ руку приложилъ.
Варлама Митрополита Новгороцкаго.
Гермогена Митрополита Казанского.
Варлама Митрополита Ростовского.
Геласьи Митрополита Сарского.
Іоны Архіепископа Вологоцкого.
Галактіона Архіепископа Суждальского.
Ѳеодосья Архіепископа Смоленского.
Варлама Архіепископа Резанского.
Захарья Архіепископа Тверьского.
Арсенія Архіепископа Геласонского.
Генадья Епископа Псковского.
Іосиѳа Епископа Коломенского.
Селивестра Епископа Корелского.»

Великого жъ господина Іева Патріарха и митрополичьи и архіепископли и епископли, у тоѣ утверженные грамоты 14 печатей: патріархова печать золотая, а митрополичьи 4 печати, да архіепископа Вологоцкого, и тѣхъ 5 печатей, се-

ребряны позолочены, а 8 печатей архіепископли и епископли серебряныя печати непозолочены. А у меншіе грамоты, что у Патріарха въ ризницѣ, у тоѣ грамоты Патріархова печать и митрополичьи печати воскъ красной, архіепископли и епископли печати чорныя.

Да у утверженныхъ же грамотъ руки:

«Троецкого Сергѣева монастыря Архимарита Кирила.

Изъ Володимеря Рожественского монастыря Архимарита Елеазара.

Спаского Новаго монастыря Архимарита Закхея.

Чюдовскаго Архимарита Паѳнотья.

Изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимарита Іоакима.

Симанова монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Свіяжска Богородичина монастыря Архимарита Сергѣя.

Ондронникова монастыря Архимарита Васьяна.

Изъ Казани Спаского монастыря Архимарита Арсенья.

Изъ Нижняго Печерского монастыря Архимарита Триѳона.

Спаса Хутыни монастыря Игумена Аркадья.

Вмѣсто Кириловского Игумена Корнилья Кириловского соборнаго старца Леонида Ширшова.

Изъ Переславля Горицкого Архимарита Ѳеодосья.

Съ Костромы Ипацкого Архимарита Іоакима.

Изъ Можайска Лужецкаго монастыря Архимарита Селивестра.

Изъ Ростова Богоявленского монастыря Архимарита Ѳеодосья.

Спаского монастыря изъ Ярославля Архимарита Ѳеоѳана.

Богоявленского монастыря изъ-за торгу Игумена Іева.

Изъ Боровска Пахнотьева монастыря Игумена Іасаѳа.

Іосиѳова монастыря Игумена Галасеи.

Изъ Суждаля Спаса Еуѳимьева монастыря Архимарита Левкеи.

Вмѣсто Антоньевскаго Игумена Триѳона изъ Великаго Новагорода Вежицкой Игуменъ Закхей.

Вмѣсто Печерского Игумена изо Пскова Іакима Генадья Епископа Псковскаго.

Изъ Смоленска Борисоглѣбскаго монастыря Архимарита Деонисья.

Съ Резани Спаского монастыря Архимарита Іоны.

Изо Твери Отроча монастыря Архимарита Θеодосья.

Вмѣсто Тихвинского Игумена Іосифа изъ Великого Новагорода Вяжицкой Игуменъ Закхея.

Изъ Переславля Даниловского монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Ростова Борисоглѣбского монастыря съ устья Игумена Петра.

Съ Резани Солочинского монастыря Архимарита Андреяна.

Изъ Великого Новагорода Вяжицкого монастыря Игумена Закхея.

Волока Ламского Возмицкого Архимарита Васьяна.

Изъ Великого Новагорода Духова монастыря Игумена Θегнаста.

Сторожевского монастыря Игумена Боголѣпа.

Съ Вологды Прилуцкаго монастыря Игумена Гурья.

Павлова монастыря Игумена Іоиля.

Вмѣсто Болдинского Игумена Θеоктиста того жъ Болдина монастыря старца Герасима.

Колязина монастыря старца Левкія.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игумена Іосифа.

Изъ Переславля Залѣского Никицкого Игумена Никона.

Колоцкого Игумена Никандра.

Селижарова монастыря Игумена Марка.

Угрѣшского монастыря Игумена Тихона.

Николы чюдотворца Пѣсношского монастыря Игумена.......

Соборные старцы:

Троецкого Сергѣева монастыря старца Варсонофья Якимова.

Казначея старца Ильи.

Старца Акакія.

Старца Мисаила Безнина.

Старца Еустафья Головкина.

Чюдова монастыря келаря старца Θеодосья.

Ипацкого монастыря строителя старца Гурья.

Патріархова архидьякона Алимпія.

Іосифова монастыря старца Моисея Неплюева.

Изъ Дмитрова Медвѣдевы пустыни Игумена Арсенья.

Патріархова казначея старца Арсенья.

Старицкого Архимарита . . . . .

Кирилова монастыря старца Леонида Ширшова.

Старца Іосифа.

Чюдова монастыря старца Васьяна Ржевского.

Кириловского подворья строителя старца Елеуферья Братцова.

Соловецкого старца Васьяна Наполского.

Изъ Переславля Залѣского Борисоглѣбского монастыря строителя Гермогена.

Паөнотьева монастыря келаря старца Галасія.

Казначея старца Іоны Наумова.

Патріарша чашника старца Еуөимья Лазарева.

Спаской строитель изъ Ярославля старца Мисаила.

Чюдова монастыря старца Германа Щербатово.

Протопопы:

Богородицкого протопопа Еуөимья.

Благовѣщенского протопопа Семіона.

Арханьилского протопопа Дмитрія.

Спаского протопопа съ дворца Пантелеймона.

Срѣтенского протопопа Григорья.

Вознесенского протопопа Семіона.

Николского протопопа Гостунского Степана.

Рожественского протопопа Прохора, что подъ колоколы бывшего.

Покровского протопопа Дмитрея, и въ сына своего протопопово Гаврилово мѣсто.

Черниговского протопопа Ивана.

Пречистые Донскіе Игумена Гурья.

Даниловского Игумена Діонисья.

Николы Старого Игумена Вардама.

Срѣтенского Игумена Маркела.

Съ Костромы Богоявленского монастыря Игумена Ісаія.

Изъ Казани Идантова монастыря Игумена Антонья.

Изъ Нижнего Амбросьева монастыря Дудина Игумена Еуѳимья.

Изъ Вязмы Ѳедоровскаго монастыря вмѣсто Игумена Георгія, Болдинского монастыря старца Герасима.

Бояре:

Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской.

Князя Василья Ивановича Шуйского.

Конюшего Дмитрея Ивановича Годунова.

Во княжъ Ѳедорово мѣсто Михайловича Трубецкого, брата его князя Никиты Романовича Трубецкого.

Дворецкого Степана Васильевича Годунова.

Ивана Васильевича Годунова.

Князя Дмитрея Ивановича Шуйского.

Богдана Юрьевича Сабурова.

Князя Никиты Романовича Трубецкого.

Князя Тимоѳея Романовича Трубецкого.

Ѳедора Никитича Романова.

Князя Михаила Петровича Катырева.

Александра Никитича Романова.

Князя Александра Ивановича Шуйского.

Князя Бориса Канбулатовича Черкаского.

Въ бояриново мѣсто князя Ивана Ивановича Голицына, брата его князя Ондрея Ивановича Голицына.

Князь Ѳедоръ Ивановичь Ноготковъ.

Въ брата своего боярина князя Ондрея Васильевича Трубецкого мѣсто, князя Никиты Романовича Трубецкого.

Князя Ивана Ивановича Шуйского.

Князя Ѳедора Ивановича Хворостинина.

Князя Ондрея Петровича Куракина.

Въ бояриново князя Василья Кардануковича Черкаского мѣсто, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Околничіе: въ околничево мѣсто Якова Михайловича Годунова, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Семена Никитича Годунова.

Михайла Никитича Романова.

Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Околничего Матвея Михайловича Годунова.

Околничего Семена Ѳедоровича Сабурова.

Степанъ Степановичь Годуновъ.

Кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ.

Михайло Глѣбовичь Салтыковъ.

Ѳомы Ѳѳонасьевича Бутурлина.

Ондрея Петровича Клешнина.

Семена Ѳедоровича Сабурова.

Въ отца своего мѣсто околничего князя Василья Дмитреевича Хилкова, сына его князя Ондрея.

Михайла Михайловича Салтыкова.

Богдана Яковлевича Бѣлского.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дворецкого князя Ондрея Ивановича Гундурова.

Казначея Игнатія Петровича Татищева.

Печатника и посолского діяка Василья Яковлича Щолкалова.

Думного дворянина Остафья Михайловича Пушкина.

Постелничево намѣстничево трети Московскіе Истомы Осиповича Безобразова.

Стряпчево съ ключемъ Кузмы Безобразова.

Земского двора боярина Григорья Борисовича Василчикова.

Въ соколничево въ отца своего мѣсто Ивана Олексѣева сына Жеребцова, сына его Семена.

Яселничево Михайла Игнатьева сына Татищева.

Думного дьяка Елизарья Данилова сына Вылузгина.

Думного діяка Сапуна Аврамова.

Думного діяка Ивана Олексѣева сына Нармацкого.

Думного діяка Ѳѳонасья Власьева.

Столники:

Князя Юрья княжь Никитина сына Трубецкого.

Ивана Микитина сына Годунова.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана княжь Микитина сына Одоевского, братъ его князь Иванъ.

Столника Ивана Никитича Романова.

Столника князя Ондрея княжь Никитина сына Телятевского.

Въ столниково мѣсто брата своего Василья Никитина Романова брата его Ивана.

Петра Өедорова сына Басманова.

Князя Ивана Михайлова сына Катырева Ростовского.

Въ столниково мѣсто Ивана Михайлова сына Годунова столника Силы Михайлова сына Вельяминова.

Въ столниково мѣсто Алексѣя Иванова сына Годунова, Силы Михайлова сына Вельяминова.

Столника князя Иванова сына Куракина.

Олексѣя Романова сына Плещеева.

Въ стольниково мѣсто брата своего князя Ивана княжь Ондреева сына Хованского, князь Никиты Ондреева сына Хованского.

Замятни Яковлева сына Сабурова.

Князя Өедора княжь Иванова сына Лыкова.

Князя Ивана княжь Иванова сына Курлетева.

Князя Ивана княжь Борисова сына.

Михайла Борисова сына Шеина.

Князя Ивана княжь Дмитреева сына Хворостинина.

Въ столниково дяди своего мѣсто князя Ондрея княжь Васильева сына Сицкого, князя Олексѣя Сицкого.

Князя Данила княжь Иванова сына Мезецкого.

Князя Юрья княжь Петрова сына Ушатого.

Петра Дмитреева сына Вельяминова.

Столника князь Бориса княжь Михайлова сына Лыкова.

Князя Юрья княжь Данилова сына Прімкова.

Петра Григорьева сына Сабурова.

Въ столниково княжь Иваново мѣсто княжь Ондреева сына Хованского, брата его князя Ивана княжь Өедорова сына Хованского.

Князя Ивана княжь Петрова сына Буйносова Ростовского.

Князя Ондрея княжь Ондреева сына Хованского.

Князя Ондрея княжь Данилова сына Сицкого.

Князь Василья княжь Петрова сына Ростовского.

Князя Олексѣя княжь Юрьева сына Сицкого.

Семена Дмитреева сына Вельяминова.

Князя Ивана княжь Өедорова сына Хованского.

Өедора Савинова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто Ивана Дмитреева сына Полева, Өедора Плещеева.

Князя Бориса княжь Ондреева сына Хилкова.

Князя Микиты княжь Михайлова сына Мезецкого.

Князя Ивана княжь Васильева сына Хилкова.

Силы да Бориса Михайловыхъ дѣтей Вельяминова.

Өедора Тулупова сына Вельяминова.

Діяки по приказомъ:

Діяка Ондрея Арцыбашева.

Діяка Григорья Клобукова.

Діяка Ивана Вахромеева.

Діяка Ондрея Татьянина.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны діяка Тимоѳея Чирикова.

Діяка Петра Нехлова.

Діяка Истомы Евского.

Діяка Семена Косткина.

Діяка Ивана Нехлова.

Дворяне:

Степана Олександрова сына Волоского.

Князя Ивана княжь Васильева сына Голицына.

Князя Ондрея княжь Васильева сына Голицына.

Вмѣсто Петра Васильева сына Годунова, Елизарья Сабурова.

Въ Дмитреево мѣсто Иванова сына Волоского, князя Михайла Мезецкого.

Василья Петрова сына Морозова.

Въ Веригино мѣсто Сабурова, Михайла Сабурова.

Боярина князя Ондрея Петровича Куракина, и въ дѣтей своихъ мѣсто княжь Семеново да княжь Михайлово.

Въ отца своего мѣсто князя Ондрея княжь Дмитреева сына Хилкова, сына его князя Бориса.

Князя Бориса княжь Петрова сына Татева.

Өедора Иванова сына Шереметева.

Михайла Богданова сына Сабурова.

Ивана Өедорова сына Басманова.

Князя Ивана княжь Петрова сына Ромодановского.

Князя Василья Буйносова Ростовского.

Князя Ивана княжь Тимоѳеева сына Татева.

Князя Өедора Татева.

Князя Семена княжь Ондреева сына Татева.

Князя Василья княжь Михайлова сына Лобанова.

Во княже Романово мѣсто Охлябинина, князя Данила.

Во княже Михайлово мѣсто, князя Данила.

Елизарья Сабурова.

Тимоѳея Сабурова.

Во Жданово мѣсто Сабурова, Тимоѳея Сабурова.

Богдана Степанова сына Сабурова.

Князя Василья Петрова Туренина.

Михайла Вельяминова.

Ильи Вельяминова.

Ивана Михайлова сына Пушкина, и въ брата своего Никитино мѣсто.

Ивана Траханіотова.

Никифора Траханіотова.

Василья Яковлева сына Волынского.

Сына его Өедора.

Леонтья Аксакова.

Въ Максимово мѣсто Сабурова, Тимоѳея Сабурова.

Князя Василья Туренина, и въ дѣтей своихъ мѣсто во княже Өедорово да во княжь Дмитреево.

Во княжь Михайлово мѣсто Ноздроватого, князя Семена Звенигородцкого.

Въ Иваново мѣсто Злобина, Тихона Траханіотова.

Василья Яковлева сына Кузмина.

Во княжь Олександрово мѣсто Рѣпнина, князя Володимера Долгорукого.

Въ отца своего князя Григорьево мѣсто Долгорукого сына его князя Олексѣя.

Князя Володимера Долгорукого, и въ брата своего во княже Өедорово мѣсто княжь Григорьева сына.

Во княжь Михайлово мѣсто Темкина, князя Ондрея Хилкова.

Князя Петра Борятинского.

Князя Ивана княжь Васильева сына Хилкова.

Во княжь Петрово мѣсто да во княжъ Лаврентьево Засѣкиныхъ, Богдана Полева.

Во княжь Володимерово мѣсто Мосалского, князя Луки Щербатого.

Богдана Полева.

Алексѣя Ѳомина Третьяка.

Ивана Полева.

Князя Луки Щербатого.

Ондрея Измайлова.

Во княжь Иваново мѣсто Солнцова Засѣкина, князя Никиты Засѣкина.

Ивана Врословского.

Во княжь Петрово да во княжь Смирного мѣсто Шаховскихъ, племянника ихъ князя Ивана Солнцова.

Во княжь Ѳедорово мѣсто Звенигородского, князя Семена Звенигороцкого.

Тихона Траханіотова.

Семена Олферьева.

Василья Олферьева.

Третьяка Вельяминова, и въ брата своего мѣсто Володимерово.

Князя Володимера Клобукова Мосалского, и въ племянника своего мѣсто во княжь Иваново.

Князя Ѳедора Друцкого.

Семена Блудова.

Во княжь Михайлово да во княжь Иваново обоихъ мѣсто, князя Олексѣя.

Григорья Вельяминова.

Во княжь Ондреево мѣсто Волконского, князя Никиты Засѣкина.

Василья Вельяминова.

Въ Яковлево мѣсто Старкова, Василья Кузмина.

Въ Степаново мѣсто Безобразова, князя Василья Тюфякина.

Въ Даниловомѣсто Истленьева, князя Ѳедора Борятинского.

Въ Григорьево мѣсто Нащокина, Ивана Бибикова.

Во княжъ Борисово мѣсто княжъ Семенова сына, Матвѣя Бутурлина.

Въ Тимоѳеево мѣсто Грязного, Василья Кузмина.

Князя Олексѣя Долгорукого, и въ брата своего во княжъ Васильево мѣсто.

Ондрея Безобразова.

Князя Ѳедора Борятинского, и въ братьи своей мѣсто во княжъ Яковлево да во княжъ Иванова да во княжъ Михайлово.

Ивана Салтыкова.

Во княжъ Иваново мѣсто Мосалского, Василья Кузмина.

Ивана Бибикова.

Олексѣя Пушкина.

Въ Ѳедорово мѣсто Кузмина, дяди его Василья Кузмина.

Михайла Аксакова.

Стряпчіе съ платьемъ:

Якова Васильева сына Зюзина.

Гаврила Вельяминова.

Въ Юрьево мѣсто Пилъемова, Гаврила Вельяминова.

Григорья Плещеева.

Въ Бахтеярово мѣсто Клешнина Григорья Плещеева.

Григорья Татищева.

Юрья Татищева.

Михайла Пушкина.

Ивана Пушкина.

Ѳеонасья Иванова сына Пушкина.

Петра Волынского.

Печатника и посолского дьяка Василья Яковлича Щолкалова, въ сына своего Ивана мѣсто.

Ѳедора Волынского.

Михайла Вельяминова, и въ брата своего Васильево мѣсто.

Князя Никиты Борятинского.

Василья Савинова сына Плещеева.

Князя Михайла Мезецкого.

Князя Дмитрея Пожарского.

Данила Вельяминова, и въ брата своего Степаново мѣсто.

Юрья Тутолмина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Семена Чередова.
Судока Мясного.
Бараши:
Өөонасья Жеребятичева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрья Прiимкова.
Въ Пантелейионово мѣсто Усова, Өедора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омельянской.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенева.
Во княжь Иваново мѣсто княжь Юрьева сына Мезецкого, братъ его князь Данило Мезецкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семена Жеребцова.
Тимоөея Змѣева.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Өедора Мезецкого.
Въ Юрьево мѣсто Стромилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрея Пушечникова.
Жилцы:
Князя Бориса княжь Никитина Прiимкова и въ брата своего мѣсто княжь Иваново.
Князя Өедора княжь Өедорова сына Мещерского.
Князя Ивана княжь Володимерова сына Солнцова Мосалского, и въ брата своего родного мѣсто князь Ондреево.
Ивана Елисѣева сына Плещеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Ондреева сына Вельяминова.
Князя Ивана княжь Иванова сына Козловского.
Василья Иванова сына Волынского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжь Матвѣева сына Лвова.
Ивана Милюкова.
Өедора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкаского.
Өедора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волынского.
Тимоөея Никиөорова сына Безобразова.
Василья Ондрѣева сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимоөея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра княжь Ондреева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Истленьева.
Дмитрея Погожево.
Бѣляницы Зюзина.
Өедора Погожево.
Игнатья Пелина.
Степана Татьянина.
Малюты Тургенева.
Обросима Лодыжинского.
Левонтья Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Өедора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волынского.
Дїяки по приказомъ:
Дїякъ Иванъ Карповъ.
Дїякъ Игнатей Соөоновъ.
Дїякъ Василей Нелюбовъ.
Дїякъ Нечай Өедоровъ.
Дїякъ Дороөей Бохинъ.
Дїякъ Богданъ Власьевъ.
Дїякъ Иванъ Тимоөеевъ.
Дїякъ Второй Поздѣевъ.
Дїякъ Семейка Сумороковъ.
Дїякъ Михайло Унковской.

Діякъ Истома Карташевъ.
Діяка Василья Тороканова.
Діяка Матвѣя Коробейникова.
Діяка Тимоѳея Петрова.
Діяка Шемета Иванова.
Діяка Нечая Перфирьева.
Діяка Тимоѳея Осипова.
Гости:
Ивана Михайлова сына Чюркина.
Петра Васильева сына Мякотина.
Григорья Иванова сына Твердикова.
Оѳонасья Иванова сына Юдина.
Ивана Юрьева меншего Семенова сына Булгакова, и въ брата своего въ Богданово мѣсто.
Степана Иванова сына Котова.
Олексѣя Костянтинова сына Патрушина.
Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина.
Ивана Фалелѣева.
Богдана Трофимова сына Порывкина.
Ивана Кошурина.
Василья Дмитреева Чюлкова.
Ѳедора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.
Въ Игнатьево мѣсто въ Сотниково, Ѳедора Скробовицкого.
Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣева.
Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василья Чюлкова.
Въ Тимоѳеево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.
Третьяка Фаворова.
Ивана Кобелева.
Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.
Гостиные сотни:
Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостиные сотни мѣсто.
Микита Лвовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.
Суконные сотни тяглецъ Ларивонъ Мининъ, и въ старостино въ Третьяково мѣсто Косаткина.
Дартуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевичь мѣсто.

Черные сотни соцкіе.

Дмитровскіе сотни тяглецъ Ѳома Лазаревъ, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Мотоловъ, и во всѣхъ Ярославля Малого сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто.

Покровскіе сотни тяглецъ Семенъ Шоринъ, въ соцкого Микиты Иконникова и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой Степанъ Григорьевъ, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглецъ Іевъ Ѳедоровъ, въ соцкого въ Филипово мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой Нечай Рябъ, и во всей сотни мѣсто.

Ноугородцкіе сотни тяглецъ Ондрей Насоновъ, въ соцкого мѣсто Петрово Масленика и во всей сотни мѣсто.

Стрѣтенскіе сотни тяглецъ Василей Юрьевъ, въ соцкого отца своего Юрьево мѣсто Ножевниково и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглецъ Максимъ Филатьевъ, въ соцкого въ Кузмино мѣсто Сухово и во всей сотни Мясницкіе мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглецъ Иванъ Обросьевъ, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого Первово Пищалникова и во всей полусотни мѣсто, тов же полусотни тяглецъ Дружина Плеснинъ.

Кожевницкой полусотни въ соцкого Григорья Кожевника и во всей полусотни мѣсто, Ординскіе сотни тяглецъ Степанъ Григорьевъ.

Четверти митропольи сотни въ соцкого Василья Житникова и во всей четверти мѣсто, тов жъ четверти сотни тяглецъ Василей Трофимовъ сынъ Серебряникъ.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого Осипа Семенова сына Ноздрина, тов же Арбацкіе четверти сотни тяглецъ Баженъ Ивановъ Замочниковъ.

Черторьскіе четверти въ соцкого Ѳедорово Иванова сына мѣсто Подпружникова, тов же Черторьскіе четверти тяглецъ Сидоръ Григорьевъ сынъ Папинъ.

№ IV.

УКАЗЪ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЪ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемврія въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Θеодоровича всея Русіи указу, память Окольничему Василію Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Θеодоровичь и сынъ его Государь Царевичь Князь Θеодоръ Борисовичь пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Θеодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Θеодора Борисовича, и дѣтемъ Боярскимъ, дворовымъ и городовымъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшеннымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначеемъ, и Государыни Царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтѣмъ Боярскимъ, и всѣхъ приказовъ среднимъ подьячимъ канцеляристамъ), стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣлецкимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополичимъ и

Архиепископлимъ приказнымъ людямъ и дѣтямъ Боярскимъ промежъ себя. — А срокъ крестьяномъ отписывати Юріевъ день осенній, да послѣ Юріева дни въ двѣ седмицы; а пожилова крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копѣекъ; а въ дворцовыя волости и лѣса, и въ черныя волости, и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архиепископы и Епископы и за монастыри, и за Бояръ, и за Окольничихъ и за Дворянъ большихъ и за приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стряпчихъ и за Головъ стрѣлецкихъ и за иныхъ возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году не велено; а въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздъ по тому жъ крестьяномъ не отказывати и не возити; а которымъ людямъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву Цареву и Великаго Князя указу возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина, или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного ни кому не возити.

№ V.

ЗАПИСЬ

ЛЖЕДИМИТРІЯ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ДАННАЯ ЮРЬЮ МНИШКѢ О БРАКОСОЧЕТАНІИ СЪ ДОЧЕРЬЮ ЕГО МАРИНОЮ И О ПРЕДОСТАВЛЕНІИ ЕЙ ГОСУДАРСТВЪ НОВГОРОДСКАГО И ПСКОВСКАГО.

Мы Дмитрей Івановичь, Божею милостію, Царевичь великои Русні, Углетцкиі, Дмитровскиі и иныхъ, Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и дѣдичь.

Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ Христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи в Королевстве в Полскомъ, в дому честнемъ, великого роду, житья честного и побожного прiятеля и товарыщи, с которымъ бы мнѣ, за помочью Божиею, в милости и въ любви непремѣняемой житие свое проводити ясневелеможную панну Марину с Великихъ Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Лвовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневелеможного пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, воеводы Сендомирскаго, Лвовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч., старосты жупъ Рускихъ жупника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его себѣ за отца); и о томъ мы убѣдительно его просили, для большаго утвержденія взаимнои нашеи любви, чтобы вышереченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ замужство. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ,

и то тепере до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма здержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впредъ, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кои часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысечь злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея панны Марины, будущеи жены нашеи, изъ казны нашеи Московскои выдамъ кленнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панны отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскиі престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣйшего Короля Польского, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое ныне промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третее то: тои же прежъ реченной панне женѣ нашей дамъ два Государства великие, Великиі Новгородъ да Псковъ, со всѣмі уѣзды, і з думнымі людми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всѣми приходы, и с пригородки, и с мѣсты и с селы, со всякимъ владѣньемъ, и с поволностью, со всѣмъ с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ в тѣхъ в обѣихъ Государствахъ, въ Новѣгороде і во Пскове, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрепляемъ, и даруемъ еі панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божиею, с нею венчаемся; и мы то все, что въ нынешнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ еи, и въ Канцрѣріи нашеи

Изъ городовъ выборъ:

Во князь Иваново мѣсто Морткина, Семена Погожего.
Въ Семеново мѣсто Чемоданова, Темиря Засѣцкого.
Князя Ивана Борятинского.
Ондрея Вельяминова.
Ивана Татищева.
Въ Кирилово мѣсто Вельяминова, Ивана . . . .
Ортема Измайлова.
Въ брата своего мѣсто Калинниково, Олексѣя Зюзина.
Яковъ Плещеевъ.
Въ Леонтьево да въ Иваново мѣсто, Яковъ Плещеевъ.
Во князь Олександрово мѣсто Засѣкина, Ивана Чепчюгова.
Ивана Чепчюгова.
Степана Чепчюгова.
Князя Юрья Болховского.
Михайла Дмитріева.

Головы Стрѣлецкіе:

Посникъ Огаревъ, и въ Смирного Маматова и въ Левонтьево мѣсто Лодыженского.
Ратмана Дурова.
Темиря Засѣцкого.
Въ Михайлово мѣсто Косицкого, Ратмана Дурова.
Ондрея Никифорова.

Выборъ изъ городовъ:

Наума Плещеева.
Игнатья Измайлова.
Въ Долматово мѣсто Милюкова, Иванъ Чепчюговъ.
Олексѣя Писемского.
Костянтина Замыцкого.
Въ Володимерово мѣсто Вешнякова, Павла Морышкина.
Алексѣя Совина.
Семена Погожево.
Въ Юрьево мѣсто Ловчикова, Семена Погожево.
Ѳедора Совина.
Въ Семеново мѣсто Отяева, Ивана Богданова.
Григорья Ржевского.
Ивана Ѳедорова сына Наумова.

Юрья Тутолмина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Семена Чередова.
Судока Мясного.
Бараши:
Өөонасья Жеребятичева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрья Пріимкова.
Въ Пантелеймоново мѣсто Усова, Өедора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омельянской.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенѣва.
Во княжь Иваново мѣсто княжь Юрьева сына Мезецкого, братъ его князь Данило Мезецкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семена Жеребцова.
Тимоөея Змѣева.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Өедора Мезецкого.
Въ Юрьево мѣсто Стромилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрея Пушечникова.
Жилцы:
Князя Бориса княжь Никитина Пріимкова и въ брата своего мѣсто княжь Иваного.
Князя Өедора княжь Өедорова сына Мещерского.
Князя Ивана княжь Володимерова сына Солнцова Мосалского, и въ брата своего родного мѣсто князь Ондреево.
Ивана Елисѣева сына Плещеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Ондреева сына Вельяминова.
Князя Ивана княжь Иванова сына Козловского.
Василья Иванова сына Волынского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжь Матвѣева сына Лвова.
Ивана Милюкова.
Өедора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкаского.
Өедора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волынского.
Тимоөея Никифорова сына Безобразова.
Василья Ондрѣева сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимоөея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра княжь Ондреева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Истленьева.
Дмитрея Погожево.
Бѣляницы Зюзина.
Өедора Погожево.
Игнатья Пелина.
Степана Татьянина.
Малюты Тургенева.
Обросима Лодыжинского.
Левонтья Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Өедора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волынского.
Діяки по приказомъ:
Діякъ Иванъ Карповъ.
Діякъ Игнатей Софоновъ.
Діякъ Василей Нелюбовъ.
Діякъ Нечай Өедоровъ.
Діякъ Дороөей Бохинъ.
Діякъ Богданъ Власьевъ.
Діякъ Иванъ Тимоөеевъ.
Діякъ Второй Поздѣевъ.
Діякъ Семейка Сумороковъ.
Діякъ Михайло Унковской.

Діякъ Истома Карташевъ.

Діяка Василья Тороканова.

Діяка Матвѣя Коробейникова.

Діяка Тимоѳея Петрова.

Діяка Шемета Иванова.

Діяка Нечая Пероирьева.

Діяка Тимоѳея Осипова.

Гости:

Ивана Михайлова сына Чюркина.

Петра Васильева сына Мякотина.

Григорья Иванова сына Твердикова.

Оѳонасья Иванова сына Юдина.

Ивана Юрьева меншего Семенова сына Булгакова, и въ брата своего въ Богданово мѣсто.

Степана Иванова сына Котова.

Олексѣя Костянтинова сына Патрушина.

Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина.

Ивана Фалелѣева.

Богдана Трофимова сына Порывкина.

Ивана Кошурина.

Василья Дмитреева Чюлкова.

Ѳедора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.

Въ Игнатьево мѣсто въ Сотниково, Ѳедора Скробовицкого.

Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣева.

Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василья Чюлкова.

Въ Тимоѳеево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.

Третьяка Фаворова.

Ивана Кобелева.

Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.

Гостиные сотни:

Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостиные сотни мѣсто.

Микита Лвовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.

Суконные сотни тяглецъ Ларивонъ Мининъ, и въ старостино въ Третьяково мѣсто Косаткина.

Дартуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевичь мѣсто.

Черные сотни соцкіе :

Дмитровскіе сотни тяглецъ Ѳома Лазаревъ, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Мотоловъ, и во всѣхъ Ярославля Малого сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто.

Покровскіе сотни тяглецъ Семенъ Шоринъ, въ соцкого Микиты Иконникова и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой Степанъ Григорьевъ, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглецъ Іевъ Ѳедоровъ, въ соцкого въ Филипово мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой Нечай Рябъ, и во всей сотни мѣсто.

Ноугородскіе сотни тяглецъ Ондрей Насоновъ, въ соцкого мѣсто Петрого Масленика и во всей сотни мѣсто.

Срѣтенскіе сотни тяглецъ Василей Юрьевъ, въ соцкого отца своего Юрьево мѣсто Ножевниково и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглецъ Максимъ Филатьевъ, въ соцкого въ Кузмино мѣсто Сухово и во всей сотни Мясницкіе мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглецъ Иванъ Обросьевъ, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого Первово Пищалникова и во всей полусотни мѣсто, тотъ же полусотни тяглецъ Дружина Плесянинъ.

Кожевницкой полусотни въ соцкого Григорья Кожевника и во всей полусотни мѣсто, Ординскіе сотни тяглецъ Степанъ Григорьевъ.

Четверти митрополья сотни въ соцкого Василья Житникова и во всей четверти мѣсто, тотъ жъ четверти сотни тяглецъ Василей Трофимовъ сынъ Серебряникъ.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого Осипа Семенова сына Ноздрина, тотъ же Арбацкіе четверти сотни тяглецъ Баженъ Ивановъ Замочниковъ.

Черторьскіе четверти въ соцкого Ѳедорово Иванова сына мѣсто Подпружникова, тотъ же Черторьскіе четверти тяглецъ Сидоръ Григорьевъ сынъ Папинъ.

№ IV.

УКАЗЪ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЪ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемврія въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Θеодоровича всея Русіи указу, память Окольничему Василію Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Θеодоровичь и сынъ его Государь Царевичь Князь Θеодоръ Борисовичь пожаловали го всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Θеодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Θеодора Борисовича, и дѣтемъ Боярскимъ, дворовымъ и городовымъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшеннымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначеемъ, и Государыни Царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтѣмъ Боярскимъ, и всѣхъ приказовъ предникъ подьячимъ канцеляристамъ), стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣлецкимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополичимъ и

и то тепере до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо объма здержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впредъ, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кои часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысечь злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея панны Марины, будущеи жены нашеи, изъ казны нашеи Московскои выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣишихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панны отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскиі престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣишего Короля Польского, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое ныне промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третее то: тои же прежъ реченной панне женѣ нашей дамъ два Государства великие, Великиі Новгородъ да Псковъ, со всѣмі уѣзды, і з думныміі людми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всѣми приходы, и с пригородки, и с мѣсты и с селы, со всякимъ владѣньемъ, и с поволностью, со всѣмъ с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ в тѣхъ в обѣихъ Государствахъ, въ Новѣгороде і во Пскове, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрепляемъ, и даруемъ еі панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божиею, с нею венчаемся; и мы то все, что въ нынешнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ еи, и въ Канцрѣріи нашеи

еі то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую к тому приложимъ. А будетъ у нашеі жены, по грѣхомъ, с нами детеі не будетъ, и тѣ обои Государства еи приказати намѣстникомъ своимъ владѣти іми и судити, і волно еі будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати; также волно еи, какъ ся еи полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣлныхъ Государствахъ монастыри і костелы ставити Римские, і Бискупы и попы Латынские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самои житі с нами; а попы свои себѣ держати, сколко еі надобе, также набоженство своеи Римские вѣры держати безо всякие забороны, якожъ и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римские устроити. А того Боже намъ не даи, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, і в годъ того не здѣлаемъ: ино будетъ вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуютъ побольши того подождутъ до другого году. А язъ тепере в томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, с крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ то все здѣлати по сему писму, и присягою на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сеі записи здержати крѣпко, і всѣхъ Руских людеи въ вѣру Латынскую привести. Писана в Самборе, мѣсяца Маия 25 дня, лѣта 1604.

Царевичь Димитрій.

На подлинной Записи приложена печать подъ кустодіею восковая. Бумага сія, равно и слѣдующія Польскія, сложена пакетомъ.

На оборотѣ написано:

Постановленіе и ассекурація Димитрія Царя Московскаго данная господину Мнишкѣ, воеводѣ Сендомирскому.

Къ сему присоединена послѣ учиненная приписка:

Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія пресвятыя Дѣвы Маріи, лѣта Господня 1668.

Рукопись сію провинціальный Королевскій главный надзиратель Лаврентій Каткевичь Соноклескій представилъ для пріобщенія къ дѣламъ староства.

Принято и записано.

№ VI.

ГРАМОТА

ЛЖЕДИМИТРІЯ ОТРЕПЬЕВА, ДАННАЯ ЮРЬѢ МНИШКѢ НА УСТУПКУ ЕМУ И КОРОНѢ ПОЛЬСКОЙ, СМОЛЕНСКОЙ И СѢВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Димитрій Ивановичь, Божіею милостію, Царевичь великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, и проч. и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, всѣхъ Государствъ, къ Московской Монархіи принадлежащихъ, Государь и дѣдичь. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы ясневельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкови, воеводѣ Сендомирскому, Львовскому, Самборскому, Меденицкому и проч. старостѣ, жупникови жупъ Рускихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ явилъ и являть не престаетъ, въ вѣчныя временá дали мы ему и наслѣдникамъ его Смоленское и Сѣверское Княжество въ Государствѣ нашемъ Московскомъ со всѣмъ, что къ онымъ Княжествамъ принадлежитъ, съ городами, замками, селами, подданными и со всѣми обоего полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему Королю Польскому и всему Королевству, въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ Польскимъ и Московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уѣздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинѣ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со всѣмъ что къ половинѣ онаго принадлежитъ)

дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привилiи изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой Польской шесть городовъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ со всѣмъ, что къ онымъ принадлежитъ, съ доходами и прибытками, и на все сiе уже совершенной отъ насъ привилiй данъ есть; и дабы о исполненiи всего того его милость господинъ воевода былъ благонадеженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другова Государства, близь Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибытковъ опредѣляемъ ему господину воеводѣ даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь на престолѣ предковъ нашихъ посадитъ, дабы равные и неменьшiе какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго Княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, селъ, боровъ, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякiе имѣлъ доходы, то мы ему обѣщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышеписанное его милости господину воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренiя и важности, сей листъ нашъ, при подписанiи собственною рукою нашею, печатью утвердить повелѣли. Данъ въ Самборѣ, Iюня 12 дня, 1604 года.

Димитрiй Царевичъ.

Къ сей грамотѣ, писанной на пергаминѣ, привѣшенъ на голубомъ шелковомъ снуркѣ изъ желтаго воску круглый ковчегъ, въ коемъ втиснута восковая красная печать.

На оборотѣ написано:

Привиллегiя, данная в. Сендомирскому на владѣнiе половиною земли Сѣверской.... Р. П. шестью город....

№ VII.

ГРАМОТА

ЛЖЕДИМИТРІЯ КЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЫВАТЕЛЯМЪ О ПРАВАХЪ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ РОССІЙСКІЙ.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, бояромъ нашимъ, Князю Өедору Ивановичу Мстиславскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всѣмъ бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ болшимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жилцомъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ лутчимъ людемъ, и среднимъ, и всякимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти отцу нашему, великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его, что было опричь нашего государьского роду на Московское государьство иного Государя никого не хотѣти не искати; и какъ, судомъ Божіимъ, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Російскомъ государьствѣ учинился братъ нашъ, великій Государь Царь и Великій Князь Өедоръ Ивановичъ всеа Русіи, и насъ великого Государя, измѣнники наши послали на Углечь и толикое утѣсненіе нашему Царскому Величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ великого Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолѣ даже до лѣтъ возраста нашего въ судбахъ своихъ сохранилъ; а вамъ, бояромъ нашимъ, и околничимъ,

и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людемъ, измѣнники наши вмѣщали, будто насъ великого Государя не стало и похоронили будто насъ великого Государя на Углечѣ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божіимъ, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи не стало, и вы, не вѣдаючи про насъ, прироженнаго Государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и бояся того, что онъ блаженныя памяти при братѣ нашемъ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи владѣлъ всѣмъ государьствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго Государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ великого Государя учалъ быти слухъ во всемъ Російскомъ государьствѣ, что съ Божіею помощію, мы великій Государь идемъ на православный престолъ прародитетей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ и хотѣли есмя государьства нашего доступати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великого Государя стояли невѣдомостію и бояся отъ измѣнника нашего смертныя казни; а про насъ великого Государя говорити не смѣли: и язъ християньскій Государь, по своему Государьскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опалы не держимъ, потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни. А нынѣ мы великій Государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, идемъ съ Божіею помощію вскорѣ, а съ нами многія рати Рускія и Литовскія и Татарскія; а городы нашего государьства нашему Царьскому Величеству добили челомъ и противо насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованье, намъ Великому Государю служатъ и противъ измѣнниковъ нашихъ храбрѣ и мужественно стоити хотятъ, а о томъ и сами подлинно вѣдаете. А Повольскіе городы намъ великому Государю добилиж челомъ и воеводъ къ намъ привели; и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарыщи, къ нашему Царьскому Ве-

личеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежѣ. Да къ намъ же писалъ Большихъ Нагай Ищерекъ Князь и изъ Казыева улусу мурза, что они нашему Царьскому Величеству помогати хотятъ: и мы, христіяньскій Царь, не хотя видѣти во христіяньствѣ разоренія, Нагайскимъ людемъ до нашего указу ходити не велѣли, жалѣя нашего государьства, и велѣли кочевати Нагайскимъ людемъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Ѳедоръ, о нашей земли не жалѣютъ, да и жалѣти было имъ нѣчего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе городы и уѣзды разорили и православныхъ христіянъ не въ винѣ побили: толко того мы, христіяньскій Государь, въ вину вамъ бояромъ нашимъ и служилымъ людемъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и боясь отъ измѣнниковъ нашихъ смертныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки не стерпимыя были, чего и плѣннымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ, и въ торговлѣ вашей, волности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ иманы, а тѣмъ есте злокозненнаго нрава его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ посямѣстъ не познаетесь и насъ, прирожденнаго Государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіянъ, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ, христіяньскаго, кроткаго, милосердаго Государя, намъ служатъ и крови своея за насъ не щадятъ. И мы, христіяньскій Государь, не хотя видѣти въ христіяньствѣ кроворазлитія, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православную вѣру и свои души, на чемъ есте блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и Великому Кня-

зю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его крестъ цѣловали, намъ прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русіи добили челомъ и милости просити къ нашему Царскому Величеству прислати Митрополитовъ и Архіепископовъ, и бояръ, и околничихъ, и дворянъ болшихъ, и діяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лутчихъ людей; а мы великій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, всѣхъ васъ пожалуемъ: и вамъ, бояромъ нашимъ, честь и повышеніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ; а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей всего Московского государьства, пожалуемъ, въ пошлинахъ и въ податѣхъ велимъ во лготѣ и во облегченіи учинити, и все православное христіяньство въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденьственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете челомъ нашему Царскому Величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его, и отъ Божія праведнаго гнѣва и отъ нашія царскія руки нигдѣ не избыти. А съ Божіею помощію намъ великому Государю преславныхъ государьствъ своихъ доступати.

На концѣ грамоты находится отмѣтка: Привезли на Москву Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плещіевъ, Іюня въ 1 день.

№ VIII.

ГРАМОТА

Лжедимитрія Отрепьева въ Пелымъ о возшествіи его на Всероссійскій престолъ.

Отъ Царя і Великого Князя Дмитрея Івановича всеа Русіи в Сибирь в Пелымской городъ Олексѣю Івановичю Зузину, да Максиму Івановичю Радилову. Богъ намъ, Великому Государю, наше Московское Государство поручилъ, и Иевъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященныи соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне болшие, и столники, и стряпчие, и жилцы, и приказные люди, и дворянежъ, и дѣти боярские всего Росиіского Государства, и гости и торговые всякие люди, узнавъ прироженнаго намъ Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Івановича всеа Русиі, в своихъ винахъ добили челомъ; выбъ о нашеи матери Великой Государине Царице і Великои Княгине иноке Марѳе Ѳедоровне всеа Русиі, и о нашемъ многолѣтномъ здравье, в Пелымскомъ городе по всѣмъ церквамъ, велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрепко, чтобъ в людехъ шатости и грабежю и убивства не было никоторыми дѣлы, и жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашимъ дѣломъ промышляли и вестеи провѣдывали; а каковы вѣстеи у васъ будутъ, и выбъ о всякихъ вѣстехъ писали к намъ почасту. Писана на Москвѣ, лѣта згҁі, Июня въ аі день.

На оборотѣ надпись:

В Сибирь в Пелымской городъ Алексѣю Івановичю Зюзину, да головѣ Максиму Івановичю Радилову.

№ IX.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Лжедмитрія къ Сибирскимъ воеводамъ, о приводѣ ему къ присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образца присяги.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича вся Русіи въ Сибирь на Верхотурьѣ Неудачѣ Остафьевичу Плещееву, да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіимъ произволеніемъ и Его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити, и меня, Государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Русіи нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію, сѣлъ на престолѣ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійского Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольничіе, и приказные люди, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе приказные люди всего нашего Государства, и иноземцы намъ, прироженному Государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали, вины ихъ имъ отдали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ, наши прироженные Неудача и Матвѣй, помня православную Христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованье, на чемъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и намъ чадамъ его, прироженному

Государю своему, крестъ цѣловали, и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и воротниковъ, и посадскихъ и всякихъ людей и пашенныхъ крестьянъ къ крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана; а Татаръ и всякихъ иноземцовъ привели къ шерти, примѣрясь къ той же записи и къ прежнимъ шертовальнымъ записямъ. А какъ къ крестному цѣлованью приведете, и мы васъ и ихъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ. А кого именемъ ко кресту, и Татаръ и всякихъ иноземцовъ къ шерти приведете, и выбъ о томъ отписали, и книги именныя прислали къ намъ къ Москвѣ, а велѣли отдать въ приказѣ Казанскаго дворца дьяку нашему Нечаю Өедорову. Писана на Москвѣ, лѣта зрг, Іюня въ аі день. За скрѣпою дьяка Нечая Өедорова.

Образецъ присяги:

Цѣлую крестъ Государине своеи Царице і Великой Княгине иноке Марѳе Өедоровне всеа Русии, і прирожсниому Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, на томъ: служити мнѣ имъ, Государемъ своимъ, і прямити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякие хитрости; лиха мнѣ Государине своеи Царице і Великои Княгине иноке Марѳе Өедоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати никоторыми дѣлы. Также мнѣ надъ Государинею своею Царицею і Великою Княгинею інокою Марѳою Федоровною всеа Русии и надъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Дмитреемъ Івановичемъ всеа Русии въ естве і в питье, ни в платье и в ыномъ ни в чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово и коренья не давати: а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье лихое давати, или мнѣ учнетъ хто говорити, чтобъ мнѣ надъ ними, Государи своими, какое лихо учинити, или хто похочетъ портити, и мнѣ того человѣка не слушати, и зелья лихово и коренья у того человѣка не имати. Также мнѣ, опрочѣ еѣ Государини своеи Царицы і Великои Княгини иноки Марѳы Өедоровны всеа

Русии і Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Івановича всеа Русии, на Московское Государство иного Государя не искати, и не хотѣти и не мыслити, и не измѣнити имъ Государемъ ни въ чемъ; и с-ызмѣнники ихъ, с Ѳедкою Борисовымъ сыномъ Годунова, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ и с совѣтники не ссылатися писмомъ никакими мѣрами, и не измѣнити Государине своеи Царице і Великои Княгине иноке Марѳе Ѳедоровне всеа Русі і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Івановичю всеа Русі ни въ чемъ, и Государства подъ ними Государи не подыскивати. А гдѣ Государиня Царица і Великая Княгиня Марѳа Ѳедоровна всеа Русі і Государь Царь і Великій Князь Дмитрей Івановичь всеа Русі велятъ быти на свои Царскои службе, и мнѣ: будучи на ихъ Государевыхъ службахъ, имъ, Государемъ своимъ, служити и прямити безо всякие хитрости, и измѣны никоторые не учинити, и ис походовъ и ис полковъ никуды не отъѣхати и не измѣнити, и скопомъ и заговоромъ і всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своея никому не мстити и никово, безъ ихъ Государева вѣдома, не убити; а у кого свѣдаю скопъ, или злое которое умышленье и совѣтъ на Государыню свою Царицю і Великую Княгиню Марѳу Ѳедоровну всеа Русі і на Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Івановича всеа Русі, какое лихое умышленье, и с тѣми людми, хто будетъ в скопе и во всякомъ зломъ умышленьѣ, и мнѣ за нихъ Государей своихъ стояти и с-ызмѣнники ихъ битись до смерти. Такъ же мнѣ, отъ Государыни своеи Царицы і Великие Княгини Марѳы Ѳедоровны всеа Русі і отъ Государя Царя і Великого Князя Дмитрея Івановича всеа Русі, къ Турскому, и къ Цысарю, і к Литовскому Королю, і к Шпанскому, і ко Фрянцовскому, ни к Аглинскому, ни к Дацкому, ни к Свѣискому Королю, ни в Крымъ, ни въ Нагаи, ни в-ыные ни в которые Государства не отъѣхати, и не измѣнити имъ Государемъ ни в чемъ отнюдь никакими мѣрами.

Цѣлую сеи святыи і животворящіи крестъ Господень на томъ: что мнѣ Государыне своеи Царице і Великои Княгине

іноке Марѳе Федоровне всеа Русі і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русі служити, і прямити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякие хитрости, по тому, какъ в сіи записе писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью; а не учну язъ Государыне своеи Царице і Великои Княгине іноке Марѳе Федоровне всеа Русі і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Івановичю всеа Русі по сему крестному цѣлованью, служити и прямити, или учну имъ Государемъ измѣняти, и не буди на мнѣ милость Божья и пречистыя Богородицы и великихъ чюдотворцовъ Московскихъ и благословение и прощение всѣхъ вселенскихъ седми соборовъ.

А се припись дворяномъ:

А которые рѣчи услышу у своеи Государыни Цырицы и Великіе Княгини іноки Марѳы Ѳедоровны всеа Русі и у сына еѣ, Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрѣя Івановича всеа Русіи, и мнѣ тѣхъ рѣчеи ихъ думы не приносити никому и до живота своего, и служити мнѣ своеи Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ іноке Марѳѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи и сыну еѣ, Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрѣю Івановичю всея Русіи, и ихъ землямъ добра хотѣти во всѣмъ в правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѣлованью.

А се припись подъячимъ:

Такъ же мнѣ, будучи у Государыни Царицы и Великіе Княгини іноки Марѳы Ѳедоровны всеа Русіи и сына еѣ, Государя своего, Царя и Великого Князя Дмитрѣя Івановича всея Русіи, дѣла всякіе дѣлати в правду и таиныхъ и всякихъ Государевыхъ дѣлъ и вѣстеи никакихъ никому не сказывати, и Государевы казны всякіе и денегъ не красти, изъ книгъ изъ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачь выписывать прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написать никоторыми дѣлы, по сему крестному цѣлованью.

№ X.

РОСПИСЬ

Московскимъ Сенаторамъ:

совѣтъ его Цесарской милости духовныхъ и свѣтскихъ персонъ.

Совѣтъ Духовныхъ:

Святѣйшій отецъ Патріархъ, который сидитъ по правую руку его Цесарской милости, самъ одинъ.

По немъ засѣдаетъ въ первомъ мѣстѣ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ.

Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Архіепископъ Вологодскій и Велико-Пермскій.

Архіепископъ Суздальскій и Таруской.

Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Архіепископъ Смоленскій и Брянскій.

Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Архіепископъ Архангельскій.

Архіепископъ Астраханскій и Терскій.

Епископъ Коломенскій и Коширскій.

Епископъ Псковскій и Изборскій.

Епископъ Корельскій и Орѣшскій.

Совѣтъ свѣтскихъ:

Перваго класса боляре:

Князь Өедоръ Ивановичь Мстиславскій.

Князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, братья.

Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій.

Михайло Өедоровичь Нагой, конюшій великій.

Князь Никита Романовичь Трубецкій.

Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе, братья.

Князь Василій Михайловичь Мосальскій, дворецкій великій.

Князь Иванъ Ивановичь Пуговка-Шуйскій.

Князь Андрей Романовичь Трубецкій.

Григорій Ѳедоровичь Нагой.

Князь Иванъ Ивановичь Шпакъ-Голицынъ.

Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны, братья.

Петръ Ѳедоровичь Басмановъ.

Петръ Никитичь Шереметевъ.

Князь Василій Кардануговичь Черкаскій-Кабардинскій.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ.

Князь Андрей Петровичь Куракинъ.

Князь Борисъ Петровичь Татевъ Стародубскій-Ряполовскій.

Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ.

Иванъ Никитичь Романовъ.

Князь Ѳедоръ Ивановичь Хворостининъ-Ярославскій.

Михайло Глѣбовичь Солтыковъ.

Князь Иванъ Никитичь Большой Одоевскій.

Богданъ Яковлевичь Бѣльскій, оружейничій великій.

Князь Андрей Андреевичь Телятевскій.

Михайло Богдановичь Сабуровъ.

Князь Семенъ Андреевичь Куракинъ.

Князь Владиміръ Васильевичь Кольцовъ-Мосальскій.

Князь Данило Борисовичь Пріимковъ-Ростовскій.

Князь Ѳедоръ Тимоѳеевичь Долгорукій.

Князь Михайло Васильевичь Скопинъ-Шуйскій, мечникъ великій.

Совѣтъ другихъ окольничихъ:

Михайло Борисовичь Шеинъ.

Василій Петровичь Морозовъ.

Князь Иванъ Дмитріевичь Хворостининъ-Ярославскій.

Михайло Михайловичь Салтыковъ.

Василій Яковлевичь Щелкаловъ.

Князь Владиміръ Ивановичь Клубковъ-Мосальскій.

Князь Григорій Борисовичь Долгорукій.

Князь Александръ Өедоровичь Жировый-Засѣкинъ.

Иванъ и Василій Петровичи Головины, братья.

Князь Григорій Петровичь Ромодановскій.

Иванъ Өедоровичь Колычевъ.

Князь Иванъ Ивановичь Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій.

Алексѣй Романовичь Плещеевъ.

Князь Борисъ Михайловичь Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій.

Богданъ Ивановичь Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій.

Аөанасій Ивановичь Власьевъ, подскарбій надворный и секретарь великій.

Дворяне, которые также въ Совѣтѣ засѣдали:

Гаврило Григорьевичь Бобрищевъ-Пушкинъ, Сокольничій великій.

Яковъ Васильевичь Зюзинъ.

Василій Борисовичь Сукинъ.

Григорій Ивановичь Микулинъ.

Артемій Васильевичь Измайловъ.

Андрей Матвѣевичь Воейковъ ясельничій.

Роспись сія, по Польски, писана рукою Самозванцева Секретаря Яна Бучинскаго.

отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его голодные лѣта прокормилъ, а исцу отказати: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай. А которые крестьяне, въ голодные лѣта, во 110 и во 111 году, и до 112 году, пришли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикамъ и вотчинникомъ, и кабалы служилыя на себя подавали, а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивати изъ холопства по крестьянству, и того сыскивати накрѣпко: будетъ сшелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ исцамъ отказывати: въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а собою онъ прокормитись не въ мочь, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертью умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ его принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себѣ, и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лѣта прокормилъ, а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ. А которые кабалные люди учнутъ оттягиватися, а учнутъ говорити, взялъ его помѣщикъ во дворъ съ пашни силно и взялъ кабалу, а ему было самому прокормитися не мочно, и о томъ сыскивати крѣпостьми, въ которое время и въ которыхъ годѣхъ кабалы писаны: будетъ на Москвѣ или въ городѣхъ въ книги писаны, и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати, потому, ималъ бы на него кабалу силно, и онъ бы о томъ у записки билъ челомъ, а которыя кабалы въ книги не записаны, и тѣмъ вѣрити не чего. А которые крестьяне изъ за кого бѣжали до 110 году, голодныхъ лѣтъ за годъ, и которые послѣ голодныхъ лѣтъ за годъ, во 113 году и въ нынѣшнемъ во 114 году, и про тѣхъ крестьянъ сыскивая, отдавати прежнимъ помѣщикомъ и вотчинникомъ; а въ чемъ будетъ споръ, и въ томъ давати судъ. А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ, и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ, по старому приговору, далѣ пяти лѣтъ суда не давати.

№ XIII.

НАКАЗЪ,

данный отъ Лжедимитрія Отрепьева Папскому посланнику Графу Рангони для донесенія Польскому Королю.

Первое сказати то наяснѣйшему Королю, что со многихъ мѣръ, также із грамотъ, которые к намъ іс Полши приходятъ, вѣдомо то, что его Королевская милость о нашеи любви к себѣ і ко всему Королевскому Полскому и Великому Княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность імѣетъ; а того невѣдаю, для какихъ причинъ то дѣлаетца, добрѣ тому дивимся.

в е. Укажи и то его Королевскоі милости, что противъ нашего наказу не хочетъ намъ писаті титлы Цесарские его Королевская милость, и мнѣ то недобрѣ надобно. А не есть іная мѣра, толко нелюбовь і ізмѣна подданныхъ нашихъ, і догадываютца, с нѣкоторые потаіные ссылки нашеи съ его Королевскою милостью, что мы хотѣли отдать х`Королевству нѣкоторые часті земли Государствъ нашихъ, і то, что хотѣли мы прилучитись х коруне Полскои; а такого умышленья і измѣны не возможно ныне оберегатися, доколе усмиримъ еще Государство то, і для нужи и измѣны подданныхъ такимъ обычаемъ являлся язъ Королю его милости, и въ сердце ничего іного нелюбовнаго не імѣли есмя, толко великую милость і любовь противъ его Королевские милости.

г е. Скажи то всему Королевству Полскому и Великому Княжству Литовскому, а болші всѣхъ Королю его милости,

№ XIV.

РОСПИСЬ

ПОДАРКАМЪ ВРУЧЕННЫМЪ ВЛАСЬЕВЫМЪ ВЪ КРАКОВѢ МАРИНѢ МНИШКОВОЙ И ЕЯ ОТЦУ.

Маринѣ:

Во первыхъ отъ Государыни матери, Царицы и Великія Княгини всея Руссіи, Инокини Марѳы Ѳедоровны, благословеніе, Образъ пресвятыя Троицы, богато оправленный въ золотѣ и съ камнями.

Отъ Государя Царя и Великаго Князя Димитрія:

1. Перстень золотой съ алмазомъ.
2. Крестъ съ немалыми алмазами и двумя большими жемчужинами, на онокъ лаловая змѣя, а подъ нею Моисей изнещренный разными каменьями.
3. Перо не малое оправленное въ золотѣ съ лалами, на коемъ висѣли три весьма большія и драгоцѣнныя жемчужины.
4. Запона съ алмазами, лалами и крупнымъ жемчугомъ величиною съ малую грушу.
5. Сосудъ изъ чистаго драгоцѣннаго камня, изображающій птицу съ крыльями.
6. Чарка гіацинтовая, оправленная въ золотѣ.
7. Волъ золотый съ каменьями стоящій на ногахъ, во внутренности коего находился разный домашній приборъ.
8. Крестикъ унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая съ каменьями и жемчугомъ.
10. Золотой пеликанъ.

Одинъ сорокъ соболей.

Пану Воеводѣ

от Царя:

Конь въ яблокахъ; сѣдло алаго бархата въ золотой оправѣ съ каменьями; приономъ стремяна стальныя позолоченныя; оголовокъ алаго бархата съ оправою золотою и перломутровою, также и нашейникъ, наперсье и пахви.

Бунчукъ съ золотой головкой.

Булава золотая съ каменьями.

Чарка изъ золота съ каменьями.

Четыре Персидскихъ ковра.

Шуба чернолисья.

Шапка чернолисья.

Шесть сороковъ соболей.

Три кречета съ золотыми колокольчиками и жемчужными наголовками; для держанія ихъ рукавицы золотыя Турецкія.

Отъ Посла самаго:

Два сорока соболей.

сударства, да тутожъ грамота къ нему къ вору отъ Римского Папы, а въ грамотѣ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латынскую вѣру и дѣти бъ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердитъ, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть принялъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко, что было тому вору ростригѣ вести нарядъ пушечной болшой съ города и изъ казны весь, для стрѣльбы, и ѣхать было ему за посадъ, а бояромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣльбѣ, а Литовскимъ людемъ всѣмъ, коннымъ и пѣшимъ, быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ, съ копьи и съ пищалми, будто для потѣхи, и пріѣхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и болшихъ дворянъ побить, и росписано было у него имяна всѣмъ, кому кого побить указано; а побивъ и пріѣхавъ въ городъ роздавати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, и его родству многіе городы и наша царьская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Лютерскую и въ Латынскую вѣру; да по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и Бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Квашнинъ, которой измѣнилъ, отъѣхалъ отъ великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступился Королю Смоленска и Сѣверскія земли всеѣ, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе городы въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государство. И мы, слыша и видя то, всесилному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли. И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московского государства, избирали всѣмъ Московскимъ государст-

ченномъ милосердьѣ Божіи воздали бъ естя хвалу всесилному въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась; и пѣли бъ естя молебны въ соборной церквѣ и по всему граду по три дни, съ звономъ, и молили бъ естя всесильного и человѣколюбивого въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу крестьянскую надежю и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ о многолѣтномъ здравіи, и о всемъ православномъ крестіянствѣ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведной гнѣвъ и подаровалъ миръ и тишину, и устроилъ бы всему православному крестіянству полезная, чтобъ церкви Божіи впредъ стояли неподвижно и истинная православная крестіянская вѣра была нерушима; и вычетчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали бъ естя намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впередъ бы естя намъ великому Государю служили и прямили и добра хотѣли такъ же, какъ естя обыкли служити прежнимъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ, прародителемъ нашимъ; а мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любить свыше прежнего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7114 Маія въ 20 день.

II. «Божіею милостію мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященного Російского собора, и по челобитью и прошенью всего православнаго христіянства, учинилися есмя на отчинѣ прародитей нашихъ, на Російскомъ государьствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римского Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великого Князя Александра Ярославича Невского на семъ Російскомъ государьствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздалской удѣлъ роздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по

коренья не давати. А кто мнѣ учнетъ о какомъ лихѣ говорити на нихъ Государей, и мнѣ того человѣка не слушати, и зелья лихого и коренья у того человѣка не имати, и поимавъ того человѣка сказати про него Государю или его ближнимъ людемъ; а будетъ за которыми мѣрами поимать не лучится и мнѣ про того человѣка тотъ-часъ сказати Государю. Также мнѣ, опрочѣ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Московское государьство иного Государя и изъ иныхъ Государьствъ и изъ своихъ ни кого не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ; и съ измѣнники его, которые ему Государю служити не учнутъ, а учнутъ измѣняти, и съ ихъ родствомъ и совѣтники ни на какое лихо не ссылатись письмомъ и иными никакими мѣры, и не измѣнити мнѣ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи ни въ чемъ, и государьства подъ нимъ Государемъ не подыскивати, и скопомъ и заговоромъ и всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого безъ Государева вѣдома не убити; а у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и совѣтъ, на Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи какое лихое умышленье, и съ тѣми людми, кто будетъ въ томъ скопѣ и во всякомъ зломъ умышленьѣ; и мнѣ за него Государя своего стояти и съ измѣнники ихъ битися до мерти. Также мнѣ отъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи ни въ которое государьство не отъѣхати и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ, отнюдь, никакими мѣрами, по сему крестному цѣлованью.»

«Цѣлую сей святый и Животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, служити и прямити и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости, по тому, какъ въ сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью.»

№ XVI.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

от Царицы Мареы Өедоровны къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ, о убіеніи Лжедимитрія и о избраніи Царя Василья Іоанновича.

Отъ Царицы и Великія Княгини иноки Мареы Өедоровны всея Русіи, въ Сибирь, въ Туринской острогъ воеводѣ нашему Ивану Никитичу Годунову, и служивымъ и торговымъ и всякимъ людемъ. Судомъ Божіимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго Христіанства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ, назвалъ себя сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, нашимъ Царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и въ Литвѣ многихъ людей, и съ ними пришедъ въ нашу Сѣверскую землю, въ Митревскомъ и въ Черниговѣ прельстилъ всѣхъ людей, а иныхъ устрашилъ смертнымъ убивствомъ, да и не токмо васъ и бояръ нашихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служивыхъ и жилетцкихъ людей, и насъ самихъ и съ родители нашими устрашилъ смертію; былъ на Московскомъ Государствѣ и церкви Божіи осквернилъ, и вѣру Христіанскую хотѣлъ попрати, взялъ дѣвку изъ Польши Латынскія вѣры, и не крестилъ ее, вѣнчался съ нею въ соборной церкви пречистыя Богородицы, и помазалъ ее мvромъ и вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцомъ, и учинити хотѣлъ въ Россійскомъ Государствѣ Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу, всѣхъ хотѣлъ отъ Бога отвести; и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго по-

мысла исполнити всѣмъ людемъ его воровство и еретичество объявилъ, и язъ бояромъ и дворяномъ и всѣмъ людемъ о томъ объявила прежъ сего тайно, а нынѣ всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ Царевичь Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ; а сынъ нашъ Царевичь Дмитрей Ивановичь убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ; и бояре и дворяне многіе про него вѣдаютъ, а того вора и богоотступника Гришку многіежъ люди знали, только боялись смертнаго убивства. А нынѣ, по Божіей милости и Его праведными судьбами, тотъ воръ Гришка, по своимъ злодѣйственнымъ дѣламъ, возмездіе отъ Бога и казнь прiялъ, а какъ надъ нимъ по его дѣламъ учинилося, и я съ братьями всѣмъ людемъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ нашъ Царевичь Дмитрей Ивановичь убитъ отъ Бориса и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ назывался Царевичемъ Дмитріемъ ложно; а какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ пріѣхалъ изъ Путимля къ Москвѣ, на Московское Государство, и онъ, вѣдая свое воровство, по насъ Великую Государыню не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ ни кто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ по томужъ своихъ совѣтниковъ, и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его пристрастья, объявити въ народѣ его воровство явно не смѣла; а нынѣ насъ и васъ православныхъ Христіанъ всѣхъ милосердый Богъ, по Своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ, и по своимъ скверныимъ дѣламъ онъ и возмездіе отъ Бога и казнь принялъ. И послѣ того, прося у Бога милости, язъ,

и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди Московского Государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всесильный и въ Тройцы славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость Свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство Великаго Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, Государя благочестиваго, и по Божіей церкви и по православной Христіанской вѣрѣ побoрателя, и отъ корени Великихъ Государей Россійскихъ, отъ Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора и богоотступника и еретика смертію пострадали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ тотъ часъ велѣлъ попомъ и дьякономъ, и всякимъ служивымъ и чернымъ людемъ быти къ соборной церкви; а какъ сберутся всѣ люди, и тыбъ сю нашу грамоту велѣлъ вычесть всѣмъ людемъ въ слухъ, и о такомъ великомъ милосердьѣ Божьемъ воздали хвалу Богу, и молили о Царскомъ здравьѣ и о всемъ православномъ Христіанствѣ, чтобъ Богъ устроилъ полезная, и жилъ бы еси Туринскомъ острогѣ съ великимъ береженьемъ, и сумнѣньябъ еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ, то сдѣлалось по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божіимъ: а я и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичь всея Русіи Самодержецъ хотимъ васъ жаловати нашимъ Царскимъ жалованьемъ свыше прежняго. Писана на Москвѣ, лѣта зрді, Маія въ ка день. Подлинная грамота за подписью дьяка Алексѣя Шипилова.

№ XVII.

Походъ Московскаго Царя Димитрія въ Москву съ Юріемъ Мнишкомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ. 1604 г.

Смотръ войска подъ Глинянами. Съѣхавшееся туда рыцарство составило Коло и избрало изъ среди себя Гетманомъ Пана Воеводу Сендомирскаго, а Полковниками Пана Адама Жулицкаго и Пана Адама Дворжицкаго. На Колѣ постановили также статьи о походѣ. Потомъ съ Царевичемъ двинулись три роты: Пана старосты Саноцкаго, Пана Фредро и Царская. Пѣшихъ же 400 человѣкъ. Другія же роты направились сбоку и сзади и не прежде всѣ совокупились, какъ надъ Днѣпромъ за 2 мили отъ Кіева у Остржа при Московской границѣ. Идя къ Кіеву, мы опасались войска Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячь человѣкъ. Оно протягивалось надъ нами до самаго Днѣпра, и потому мы были въ осторожности; цѣлыя ночи не спали, и держали лошадей въ готовности.

Потомъ пришли къ Днѣпру. Панъ Краковскій приказалъ уничтожить всѣ перевозы, и потому мы оставались нѣсколько дней надъ Днѣпромъ, ожидая поромовъ, и по милости Божьей переправились чрезъ Днѣпръ благополучно. Одинъ только товарищъ, бывъ долго боленъ лихорадкою, соскучился недугомъ, бросился съ порома въ воду и потонулъ.

Пройдя Днѣпръ, мы шли чрезъ дубровы, красивыя поля и луга, густою травою покрытые. Погода была хороша. Дорогою мы снабжали себя живностію.

Миновавъ Остеръ, граничный замокъ нашего Короля, шли мы къ Московскому замку Моравску. Въ 5 миляхъ отъ Моравска рыцарство уговорилось съ Паномъ Гетманомъ, дабы отправить впередъ нѣсколько Козацкихъ полковъ, а именно Белешка, который имѣлъ при себѣ 2000 Украинскихъ Козаковъ, Куцка и Швайковскаго.

Москали, узнавъ въ Моравскѣ, что Царь вступаетъ въ землю съ Польскимъ войскомъ, начали тревожиться и совѣтоваться; и болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили пословъ къ Царю объявляя, что готовы сдаться. Мы подступили къ замку съ войскомъ въ порядкѣ, и расположились обозомъ. Царь же съ Паномъ Воеводою въѣхалъ въ замокъ, и принялъ оный съ находящимися въономъ орудіями, а Москва тутъ же выполнила присягу на подданство. Снабдивъ какъ слѣдовало замокъ, двинулись мы къ Чернигову, лежащему въ 12 миляхъ отъ Моравска, надъ рѣкою Десною, которая течетъ и подъ Моравскомъ. Черниговъ замокъ весьма крѣпкій, и городъ очень достаточно снабженный орудіями. Козаки шли къ Чернигову передъ войскомъ и подъѣхавъ къ замку и къ городу, требовали, чтобы сдались Царю Дмитрію Ивановичу. Но ихъ не слушали: напротивъ того, стрѣляли въ нихъ и многихъ изъ нихъ убили. Узнавъ однакожъ, что Моравскъ сдался, Черниговцы собрались на совѣтъ, и положили поддаться Царевичу: одинъ только Воевода, Князь Иванъ, тому противился, но Москва его связала. Между тѣмъ Козаки штурмовали городъ, желая обогатиться грабежемъ, прежде чѣмъ войско подоспѣетъ. Тогда Москали послали къ Царевичу изъ Чернигова, прося его послать къ Козакамъ, дабы не грабили города, ибо они сдались добровольно. Извѣстіе сіе было прискорбно Царю и войску, и онъ отправилъ къ Козакамъ Пана Станислава Боршу, а Пана Пржерадовскаго, дворянъ и рыцарей своей роты: но до пріѣзда посланныхъ, Козаки городъ разграбили, и только пустыя коробьи стояли передъ домами. На другой день Царь съ войскомъ стройно вошелъ въ Черниговъ, и увидѣвъ зло, учиненное Козаками, послалъ въ ихъ лагерь, весьма на нихъ досадуя, и приказалъ, чтобы возвратили взятое, въ особенно-

сти частное имущество. Въ противномъ случаѣ имъ угрожали, что Царь и прочее рыцарство раздѣлаются съ ними съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Козаки прислали къ Царю и къ рыцарству просьбу, представляя, что у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, и что они поспѣшили завладѣть городомъ, единственно имѣя въ виду услужить Царю, ибо опасались, чтобы Москва, усилившись, не вздумала противиться. Царь остановился у Чернигова на нѣсколько дней, и приказалъ возвратить отнятое. Козаки хотя и не все, но возвратили часть. Царь же съ Паномъ Воеводою стоялъ лагеремъ близь самаго Чернигова.

Тутъ рыцарство просило у Царя денегъ, жалуясь на недостатокъ въ платьѣ и продовольствіи. Царь, взявъ 10,000 зл. изъ Черниговскаго замка, роздалъ ихъ рыцарству. Подъ Черниговымъ мы отдыхали недѣлю.

Оттуда мы двинулись къ Новогродку, за 36 миль отъ Чернигова. Лѣса по всей дорогѣ.

Козаки, подойдя къ Новогродку, надъ тою же рѣкою Десною, хотѣли тотъ часъ же сдѣлать приступъ; но опасались такого же гнѣва отъ Царя, какъ и въ Черниговѣ. А между тѣмъ Басмановъ, начальникъ замка, сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ.

Царевичь, подойдя съ войскомъ въ порядкѣ, отправилъ къ замку для переговоровъ Пана Матвѣя Доморацкаго, Станислава Боршу, Бялоскурскаго, Старосту Остерскаго и пр., и съ ними вмѣстѣ и Моравскихъ Москалей. Москва однакожъ не хотѣла вступать въ переговоры; напротивъ стрѣляла по насъ еще сильнѣе и кричала, *а вы, блядины дѣти, вы пріѣхали съ воромъ за нашими деньгами.*

Когда войско стало лагеремъ надъ рѣкою Десною, въ четверти или полумили, отъ замка, велѣно было тотъ часъ, копать траншеи и плесть туры. Выставивъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ, на колесахъ и винтахъ, стрѣляли по замку, испытуя, не сдадутся ли? Наши Гусары, покинувъ лошадей, кто хотѣлъ, шли на приступъ; другія же роты стояли въ полѣ; но Москва дважды, стрѣльбою своею, отразила нашихъ отъ замка. Въ третій разъ, подавъ

деревянные на саняхъ срубы, и подвигая ихъ передъ собою, мы въ ночное время тихо пошли за ними, а еще позади насъ слѣдовали 300 человѣкъ съ соломою и хворостомъ, дабы потомъ зажечь солому и хворостъ подъ замкомъ. Дойдя къ замку, бросали хворостъ въ ровъ. Москали, увидѣвъ, стрѣляли изъ пушекъ и много нашимъ повредили. Штурмъ продолжался съ вечера до утра. Наши увидѣвъ, что не имѣя большихъ орудій, которыми бы можно сдѣлать проломъ, не льзя взять замка, отступили, потерявъ немалое число людей. Царевичь былъ отъ того весьма смущенъ, такъ что отъ печали почти падалъ въ обморокъ, и негодуя на свое злополучіе и на Поляковъ, говорилъ: *я лучше судилъ о Полякахъ, но вижу они такіе же люди, какъ и другіе.* Услышавъ сіе, бывшіе тогда при Царевичѣ отвѣчали: *не убавляй нашей доброй славы, ибо то всѣмъ народамъ извѣстно, что намъ не новость брать штурмомъ крѣпкіе замки. Хотя мы и не обязаны ходить на приступъ; однако мы поддерживая славу предковъ нашихъ отъ того по нынѣ не отказывались, и отказываться не хотимъ; прикажите только сдѣлать проломъ, а когда намъ доведется сразиться съ врагами въ открытомъ полѣ, тогда Милостивый Царь увидишь храбрость и мужество Поляковъ, о которыхъ нынѣ отзываемся такъ легко.* Малое время спустя наглядѣлся онъ на Польскую храбрость, и иначе сталъ судить о нихъ. Довелось нашимъ до того, что стали сомнѣваться подлинный ли онъ? Но на другой же день, по милости Всевышняго, получено утѣшительное извѣстіе, что идутъ посланные отъ города Путивля, лежащаго въ 15 миляхъ отъ Новогродка, съ объявленіемъ, что Путивляне готовы поддаться Царю. Сіе, при чудесной помощи Божіей, произошло слѣдующимъ образомъ: Москали Царскіе аллебардщики, пришедшіе съ Царемъ еще изъ Самбора, ѣздили за продовольствіемъ къ Путивлю. Вышедшіе Путивляне поймали ихъ и спрашивали: *Какіе вы люди?* Они отвѣчали: *мы братья ваши, идемъ въ отчизну съ Дмитріемъ Ивановичемъ, Государемъ нашимъ природнымъ.* Не довѣряя разсказу, хотѣли было пытать ихъ, тогда они сказали: *Головы наши въ рукахъ вашихъ, можете дѣлать съ нами, что хотите, но мы не можемъ сказать ничего болѣе кромѣ того, что*

знаемъ, и что удостовѣрились, что онъ есть истинный Димитрій, и вамъ совѣтуемъ, ему поклониться. Они разсудивъ о томъ хорошо и посовѣтовавшись вмѣстѣ, связали Воеводъ и привели ихъ въ лагерь подъ Новогродкомъ. Царевичъ и все рыцарство были тѣмъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что на третій или четвертый день послѣ того поддались замокъ Рыльскъ и Комарицкая волость.

Привезено потомъ изъ Путивля осадныхъ орудій 5, и по меньше 8. Наши выставили ихъ въ траншеяхъ, пріискавъ выгоднѣйшее мѣсто для дѣйствія и стрѣляли изъ нихъ по Новогродку весьма сильно. Въ первый день убили до 60 людей въ замкѣ, ибо ядра пробивали стѣну насквозь. Стрѣльба сія продолжалась почти цѣлую недѣлю днемъ и ночью.

Потомъ дошли до насъ слухи, что великое войско Бориса, какъ сказывали до 200,000 человѣкъ, идетъ на насъ. Наши, по Божіей милости, того не побоялись. Изъ разныхъ ротъ собрались охотники, которые избравъ изъ среди себя начальниковъ, и взявъ съ собою Московскихъ провожатыхъ, пошли на встрѣчу Борисова войска, для наблюденія за движеніями онаго.

Москали также изъ войска Бориса отрядили передъ собою для открытія нѣсколько тысячь Татаръ. Нашихъ не было болѣе 800. Встрѣтившись съ непріятелемъ нечаянно ночью, мы сразились. По Божьей милости, Татары побѣжали, и мы гнали ихъ въ болото, гдѣ много ихъ потонуло. Плѣнныхъ досталось намъ нѣсколько десятковъ; пытая ихъ, мы узнали, что войско превеликое.

Чрезъ недѣлю потомъ, оное войско Борисово подошло къ намъ подъ Новогродокъ, къ самому почти лагерю, такъ что передовая стража наша убралась въ лагерь, давая знать, что народу много идетъ.

Панъ Воевода, въ качествѣ Гетмана, отправилъ свѣжую стражу изъ лагеря, дабы стереглись до разсвѣта. На другой день, призвавъ въ помощь Господа Бога, и затрубивъ тихо подъ сурдиною, войско выступило изъ лагеря. Москва укрѣпилась и стояла охорашиваясь и гарцуя. Басмановъ не переставалъ дѣлать частыя вылазки изъ замка, стрѣляя въ на-

шихъ. Потому наши отрядили нѣсколько сотъ Козаковъ, приказавъ имъ удерживать его. Нѣсколько разъ Козаки по пятамъ его врубливались въ самый замокъ. Наступилъ вечеръ: сраженіе не было дано, потому что время прошло въ переговорахъ Царевича съ Москвою.

На другой день, когда переговоры не имѣли успѣха, войско Московское, весьма многочисленное, подступило къ самому лагерю. Наши, будучи готовы, вышли изъ лагеря въ порядкѣ. Устроили войско какъ умѣли лучше, и потомъ велѣли вступить въ сраженіе ротѣ Пана Неборскаго, состоящей изъ 200 лошадей. Неборскій дрался хорошо, но былъ опрокинутъ Москвою. Отведя роту, онъ скоро опять возвратился на бой, и поскакалъ съ двумя ротами съ Крушиною и Былинскимъ. Въ тоже время Дворжицкій такъ мужественно наступилъ съ своею Петигорскою ротою, что почти успѣлъ привесть Москву въ замѣшательство. Потомъ бросились на непріятеля двѣ роты Гусарскія, Пана Старосты Саноцкаго и Пана Фредро. Третья Пана Щуки хорошо поддерживала. Наконецъ сразилась и четвертая Царская рота, изъ 200 лошадей состоящая, и много пособила, ибо тотъ часъ же большое Московское войско начало отступать. Были однакожъ еще запасныя роты, которыя не сражались, ибо не было въ томъ надобности. Нѣсколько тысячь стрѣльцевъ Борисовыхъ были такъ укрыты въ долу, что не скоро наши открыли ихъ. Польская пѣхота наша наступила на нихъ и съ помощью Божьею всѣхъ ихъ разбила. Такимъ образомъ, при помощи Божьей, мы отстояли поле и одержали побѣду. Войско Борисово отступило отъ насъ за двѣ мили, и подѣлало засѣки и прокопы въ лѣсу. Наши чуть чуть не взяли богатую хоругвь главнаго Московскаго войска.

На другой день, по Христіанскому обычаю, погребали тѣла убитыхъ Москалей. Три огромныя могилы вырыты были на полѣ сраженія, и тамъ схоронено до 6,000 труповъ. Царь, проѣзжая между мертвыми тѣлами, и видя столь много своихъ земляковъ убитыхъ, очень сожалѣлъ и плакалъ. Поляковъ же убитыхъ, изъ значительныхъ, было не болѣе 20, и они похоронены съ великою честью при церквѣ, бывшей по-

среди лагеря; другихъ же простыхъ людей нашихъ погибло до 100, и ихъ похоронили возлѣ Москалей, въ малой могилѣ. Между мертвыми найденъ Мстиславскій, весьма изрубленный.

Послѣ перваго сраженія рыцарство наше размыслило, что претерпѣваютъ недостатокъ, какъ сами, такъ и челядь ихъ. Иныхъ же, кажется, приводилъ къ смятенію страхъ ожидаемой большей опасности. Всѣ стали требовать отъ Царя денегъ, говоря, что если не получатъ оныхъ, то тотъ-часъ же уйдутъ въ Польшу. Царевичь убѣдительно просилъ, дабы обождали, и не отказывались довершить побѣды надъ сильноразстроеннымъ непріятелемъ. Рыцарство ничего не слушало, и отвѣчало, что всѣ возвратятся въ Польшу, если не получатъ денегъ. Царевичь, видя, что дѣло плохо, не зналъ на что рѣшиться, неимѣя, кажется, достаточно денегъ, чтобы всѣхъ удовлетворить. Тогда товарищи 3-ей роты Пана Фредро стали тайно говорить Царю: *Дай намъ однимъ деньги, такъ чтобы другія роты о томъ не знали: ибо роты сіи на насъ оглядываются; ежели мы останемся, то и онѣ останутся.* Несчастный Царевичь дался въ обманъ, и въ ночное время послалъ къ нимъ деньги. Узнавъ о томъ, другія роты явно взбунтовались, упрекая Царевича, что одной ротѣ далъ деньги, а другія ничего не получили.

Панъ Воевода, который находился тогда въ болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что дѣла его требуютъ присутствія его на Сеймѣ, и въ слѣдствіе сего онъ оставилъ лагерь Царевича, а съ нимъ и большая часть рыцарства. Царевичь былъ очень огорченъ претерпѣнными имъ отъ рыцарства разными непріятностями. У него отняли было и хоругвь его, и сорвали даже съ него соболью шубу, которую потомъ однакожъ Москва выкупила за 300 злотыхъ. Многіе ругали его, и одинъ Полякъ сказалъ «*Ей ей, быть тебѣ на столбѣ,*» Царевичь за сіе далъ ему пощечину. Несчастный Царевичь скакалъ отъ одной роты къ другой, умоляя именемъ Бога не покидать его. Но онѣ никоимъ образомъ не хотѣли оставаться, кромѣ нѣсколькихъ товарищей изъ разныхъ ротъ, такъ что при Царевичѣ всего Польскихъ людей осталось не болѣе 1,500.

емъ мнѣніи, совѣтовали наступать непремѣнно. Царевичь послушался ихъ и двинулся со всѣмъ войскомъ изъ Сѣвска, назначивъ себѣ въ Гетманы Поляка Пана Адама Дворжицкаго, что прежде былъ Полковникомъ. Подошли близко къ непріятельскому лагерю. Московское войско стояло въ порядкѣ, ожидая насъ : было его 30,000, болѣе чѣмъ подъ Новогродкомъ. Начальниками онаго были двоюродный братъ Годунова, Семенъ Годуновъ и два брата Шуйскихъ. Поляки выстроившись въ порядкѣ, двинулись противъ праваго крыла Московскаго войска. Козаки стали на нашемъ правомъ крылѣ. Поляки построили въ одинъ рядъ 7 ротъ копейщиковъ, смѣшанныхъ съ Пятигорцами, и оставили въ запасѣ 200 Гусаръ подъ начальствомъ Пана Бялоскорскаго. Тогда, призвавъ Бога на помощь, роты сразились: Пана Дворжицкаго Гетмана, Пана Станислава Борши, Пана Вержбицкаго, П. Билинскаго, П. Тышкевича, и П. Микулинскаго, и бились такъ мужественно, что прогнали Москву въ лагерь. Тамъ приняли нашихъ очень сильнымъ огнемъ : пули Московскія летѣли на насъ градомъ, но по Божьей милости вредили не много, ибо перелетали черезъ головы. Дымъ отъ сей стрѣльбы повѣялъ на занимавшихъ правое крыло Козаковъ, которые, не сражавшись, побѣжали отъ одного дыма сего. Поляки, думая, что Козаки такъ же съ ними сражаются, сильнѣе еще тѣснили Москву. За дымомъ не видно было, что дѣлается у Козаковъ. Но тутъ нѣсколько Поляковъ прибѣжало съ извѣстіемъ, что Козаки уже утекли ; тогда и мы стали оступать въ порядкѣ, отбиваясь и отражая Москву. Однакожъ Козацкая пѣхота, бывшая при пушкахъ, сильно стояла противъ Москалей. Но мы, не будучи въ возможности противустоять столь превосходному числомъ непріятелю, все отступали въ ожиданіи, не возвратятся ли Козаки, и никакъ не могли спасти Козачьей пѣхоты, которую Москали разбили и пушки взяли. Тогда тѣ изъ насъ, которые имѣли лучшихъ лошадей, поскакали за Козаками, уговаривая и умоляя ихъ, дабы не навлекали на себя такого безчестія. Но они, не внимая ни чему, постыдно разбѣгались въ разныя стороны. Царевичь срубилъ нѣкоторымъ головы, нагоняя ихъ

сказалъ: въ Путивлѣ говорятъ, что большое войско идетъ въ помощь Полякамъ. Повѣривъ тому, весьма встревоженные Москали, отошли отъ Рыльска, и какъ будто гонимые, отступили отъ насъ на 40 миль отъ Рыльска къ Кромамъ, что насъ весьма обрадовало.

Потомъ Царевичь отрядилъ изъ Путивля и Рыльска 4,000 Козаковъ Донскихъ и Москалей, на помощь Кромскимъ жителямъ. Сіи такъ же вошли скрытно ночью въ городъ, Москва замѣтила ихъ тогда уже, когда послѣдніе входили, и дрались съ ними до тѣхъ поръ, пока и тѣ послѣдніе успѣли вступить въ городъ. Послѣ прибытія сего отряда въ Кромы, Борисово войско открыло жестокую пальбу изъ пушекъ и большихъ мортиръ, слѣдствіемъ коей было сожженіе Кромскаго замка. Но Кромскіе жители защищались неослабно. Войско отъ 7 до 8 недѣль стояло у Кромъ, сильно добывая городъ.

Между тѣмъ доходили до насъ въ Путивль частые слухи, что городъ Кромы взятъ приступомъ. Слухи сіи тѣмъ болѣе тревожили насъ, что въ Путивлѣ причиняли сильное негодованіе. Жены оплакивали мужей и сыновей своихъ: отъ того мы были въ опасеніи, не измѣнятъ ли намъ Путивляне, чтобы угодить Борису?

Въ сіе время пришло 500 стрѣльцевъ изъ Борисгорода и изъ Царяграда, которые передались Царю. Они имѣли красное платье, ибо находились прежде въ службѣ Бориса.

Скоро потомъ дошло до насъ несомнѣнное и для всѣхъ насъ весьма утѣшительное извѣстіе, о смерти Бориса. Тотъ же часъ жена Борисова изъ города Москвы послала къ войску, стоявшему подъ Кромами, чтобы присягали сыну ея Өедору. Многіе присягнули. Однакожъ отъ того произошло не малое замѣшательство.

Мы же, имѣя о всемъ достаточное свѣдѣніе, не дождавшись изъ Польши ни одного живаго человѣка въ помощь, двинулись противъ того войска съ Царевичемъ. У насъ было всего не болѣе 2,000 копѣйщиковъ, да Москалей могло быть до 10,000.

Двинувшись изъ Путивля, отправили впередъ 3 роты По-

Тутъ противъ насъ выѣхало войско Московское, числомъ, какъ сказывали, до 80,000 человѣкъ; и такъ мы провожали его, съ Божьею помощью, благополучно къ столицѣ. Царевичь однакожъ, не довѣряя Московскому войску, приказывалъ располагать оное за полъ мили, а иногда и за милю отъ себя. Мы же, Поляки, были всегда при немъ на квартирахъ и въ походѣ, до самой столицы, содержа около него ночную стражу изо ста человѣкъ.

Потомъ въ 15 миляхъ отъ Москвы, подъ замкомъ Серпуховомъ, учрежденъ былъ лагерь изъ шатровъ. Присланный изъ Москвы, для принятія Царевича, огромный и многоцѣнный шатеръ, снабженъ былъ четырью воротами съ раскатами, такъ что походилъ на каменный замокъ. Комнаты въ немъ были богатыя и красиво вышитыя золотомъ: особенно столовая, въ коей Царь угощалъ насъ и Бояръ. Сидѣло за столомъ до 500 человѣкъ. Угощеніе было роскошное, ибо повара пріѣхали изъ Москвы со всѣмъ нужнымъ, а такъ же и другіе служители и ключники. Двѣсти лошадей вели въ поводу: оныхъ всегда до 500 находится въ Царской конюшнѣ, и также нѣсколько каретъ съ весьма красивыми шестернями. Такимъ образомъ мы шли къ Москвѣ; ежедневно Царя встрѣчали Бояре, принося подарки, соболи, золото, серебро.

Съ помощію Всевышняго, вошли въ столицу при благопріятствующей погодѣ. Народу много стояло на крышахъ, смотря на Поляковъ.

Мы ввели его на самый дворъ въ замкѣ, и стояли въ порядкѣ при хоругвяхъ, пока онъ не слѣзъ съ лошади и не ушелъ въ палаты.

Квартиры для всѣхъ нашихъ хоругвей отведены были на одномъ Посольскомъ дворѣ: тамъ было намъ очень тѣсно. Однакожъ потомъ нѣкоторые перешли на другія квартиры.

Короноваться Царь не хотѣлъ до пріѣзда матери, которая была въ дорогѣ. Ожидалъ ее 4 недѣли.

Тогда Шуйскіе, знатные люди, хотѣли ему и намъ учинить измѣну, подложивъ огонь ночью. Мы однакожъ смекнули, и Царевичь приказалъ схватить ихъ и вывесть на пло-

Вержбицкаго Щигельскій, изъ роты Пана Богухвала Шелиборскій, коихъ Царь обѣщалъ возвратить безвредно. Однакожь они были въ большомъ страхѣ, ибо ихъ посадили въ тѣсную темницу, гдѣ около стѣнъ находились узкія скамейки, а подъ скамейками разные, желѣзные, острые крючки, лишь бы только который изъ нихъ сдремалъ, то погибъ бы лютою смертію, и они намѣревались уже бѣжать, если бы имъ пришлось оставаться тамъ долѣе, но ихъ продержали только одни сутки.

Ротмистры, провожавшіе Царя до столицы, были Паны Дворжицкій Гетманъ, Станиславъ Борша, Иваницкій, Бялоскорскій, Вержбицкій, Запорскій и Богухвалъ.

Сію Московскую исторію сочинилъ Панъ Станиславъ Борша, Ротмистръ и дворянинъ Великаго Царя Московскаго, Дмитрія Ивановича лѣта Божьяго 1606.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.